

Н-40
Н 40

Н. Невзоров
**По пути к
правовому
государству**

Н-40

Н. П. НЕВЗОРОВЪ.

XXXI7

Помощникъ Присяжнаго Повѣреннаго.

ПРОВЕРЕНО

ПО ПУТИ

КЪ ПРАВОВОМУ ГОСУДАРСТВУ.

11303-441

(Конституціонные проекты и попытки
въ Русской исторіи).

Препровождено 1966

МОСКВА.

Типографія п./ф. „ЛОМОНОСОВЪ“, 1-я Тверская-Ямская, д. 22.
1913.

Т.Р.

Handwritten green mark resembling a stylized 'G' or '0'.

11000

БИБЛИОТЕКА
Всесоюзного
научно-исследовательского совета по
Советского правительства

18872.

Всесоюзный
БИБЛИОТЕКА
Мир науки
Мир СССР

8707.

„Если настоящая работа хоть
немного поспособствует дѣлу
распространенія въ народѣ исто-
рическихъ знаній — цѣль наша
достигнута“ .

Н. Блосъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Государственный строй настоящаго времени, по мнѣнію многихъ ученыхъ, представляетъ изъ себя переходную ступень отъ абсолютизма къ конституціонализму и парламентарному режиму. И рано или поздно этотъ переходъ произойдетъ. Несомнѣнно, что народъ, давшій такихъ великихъ писателей, какъ Пушкинъ, Толстой, Лермонтовъ, Достоевскій и т. д., великихъ художниковъ, какъ Рѣпинъ, Айвазовскій, выдающихся ученыхъ, какъ Чупровъ, Мечниковъ и мн. др.—сумѣетъ и государственный бытъ свой проявить въ болѣе или менѣе совершенныхъ формахъ. Последнее движеніе 1905—7 гг., не оправдавъ возлагавшихся на него многими надеждъ, привело къ современному государственному строю. Въ результатъ разочарованіе и скептицизмъ, но наряду со старыми, распатавшимися, формами абсолютизма въ немъ есть уже и зачатки конституціонализма. Недаромъ изучающій современный государственный строй выноситъ странное впечатлѣніе—впечатлѣніе чего-то пестраго и своеобразнаго.

Рядомъ съ новыми конституціонными началами въ Россіи сохранились и поддерживаются элементы стараго порядка.

Неприкосновенность основныхъ гражданскихъ правъ, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ, есть фундаментъ всѣхъ конституцій культурнаго міра. Въ теченіе столѣтій боролись за нихъ лучшіе люди и истинные патріоты различныхъ націй, и

консерваторы Запада въ этомъ отношеніи оказываются послѣдовательнѣе радикаловъ.

У насъ же вопросъ о неприкосновенности личныхъ и гражданскихъ правъ человѣка является пока чисто теоретическимъ вопросомъ и служить еще предметомъ споровъ и сомнѣній. Буря послѣдняго десятилѣтія принесла съ собою „конституцію“, но побѣда народа не была ярко выражена. Реакція оказала энергичное сопротивленіе ей и въ результатѣ—русская конституція.. Въ ней нѣтъ ничего законченнаго, стройнаго, цѣлаго. Скорѣе это—безформенное зданіе съ заманчивымъ фасадомъ и съ недодѣланною, кое-какъ подправленною крышею.. блѣдно-розовый же цвѣтъ лицевого фасада—цвѣтъ „незыблемыхъ основъ свободы“, возвыщенныхъ въ торжественныхъ актахъ, потемнѣлъ и выцвѣлъ.

И, несмотря на это, не нужно уже особой смѣлости утверждать, что отошли въ область преданій сомнѣнія въ существованіи конституціоннаго строя.

Простой анализъ дѣйствующихъ законовъ показываетъ намъ, что 17 октября создало цѣлый переворотъ. Монарху, по закону, принадлежитъ теперь только власть верховнаго управленія, отмѣванная отъ законодательной власти.

Сообразно съ этимъ новымъ пониманіемъ измѣнилось и старое выраженіе основныхъ законовъ. Прежде ст. 47 *осн. зак. гласила: „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ“.* Теперь вмѣсто выраженія „отъ самодержавной власти исходящихъ“, въ ст. 84 говорится „изданныхъ въ установленномъ порядкѣ“. Законъ сталъ выраженіемъ двухъ органовъ государственной власти: Государственной Думы и Государственнаго Свѣта. Это выражено въ манифестѣ 17 октября словомъ „одо-

бреніе“: „одобреніе Думы и Государственнаго Совѣта“.

Хотя этотъ терминъ и неудаченъ и воспроизводитъ устарѣвшую нѣмецкую теорію, но онъ достаточенъ, чтобы констатировать отмѣну неограниченной власти монарха. Въ современномъ русскомъ государственномъ строѣ органомъ государственной власти является Монархъ, Дума и Совѣтъ и не только они, но и граждане, избирательный корпусъ которыхъ сдѣлался органомъ государственной власти.

Итакъ, нашъ современный государственный строй, сложившись въ результатъ борьбы между абсолютизмомъ и освободительнымъ движеніемъ, пока носитъ въ себѣ элементы того и другого... Это грустно... Но слѣдуетъ признать, что по сравненію съ недавнимъ прошлымъ Россія сдѣлала огромный шагъ по пути къ свободѣ. Ибо нѣтъ организации, которую было бы трудно неспровергнуть, чѣмъ абсолютная монархія. „Для абсолютизма—требованіе, чтобы онъ превратился въ ограниченную монархію, равносильно предьявленію смертнаго приговора, ибо абсолютизмъ ограниченный есть логическій и фактическій абсурдъ“. (Тарле)... „Я никогда не могла повѣрить въ конституціонное призваніе короля, который рожденъ при деспотизмѣ, воспитанъ для деспотизма и привыкъ имъ пользоваться“—пишетъ г-жа Роланъ, близко наблюдавшая Людовика XVI.

Не трудно ли допустить конституціонное призваніе у многовѣковаго политическаго организма, въ которомъ отъ начала до конца, отъ сердца до всѣхъ точекъ периферіи—все складывалось для удовлетворенія другихъ не-конституціонныхъ потребностей и цѣлей.

Понятно, почему борется абсолютизмъ съ революціей всѣми имѣющимися у него средствами: „остатками физической силы, обрывками старыхъ народныхъ суевѣрій..—Онъ (абсолютизмъ) произ-

водилъ диверсіи, устраивалъ засады, притворялся и гримировался, предавалъ своихъ слугъ, лобызался съ врагами, онъ дѣлалъ все, чтобы отсрочить свою гибель“. Трудна борьба съ нимъ—вогь почему нужно дорожить и „куцей конституціей“, т. е. это первая ступень къ установленію правового государственнаго строя. Ибо правовой государственный строй никогда и нигдѣ не возникалъ сразу, а лишь въ результатѣ продолжительнаго историческаго процесса.

Идеаломъ всякаго правового государства является созданіе такихъ условій, при которыхъ каждый членъ обществѣ получалъ бы наиболѣе полное удовлетвореніе своихъ потребностей съ тѣмъ, чтобы не пострадали интересы самого союза, взятаго, какъ цѣлое.

Необычайно трудно удовлетворительно разрешить эту задачу. Съ развитіемъ общества мѣняются и потребности лицъ, его составляющихъ,—какъ духовныя, такъ и матеріальныя. Поэтому измѣняется и система государственнаго управленія—она не можетъ остаться, неизмѣнной въ томъ случаѣ, когда государство переходитъ отъ натурального хозяйства—къ хозяйству съ денежнымъ оборотомъ и кредитомъ...

Также глубоко отражается на юридическихъ нормахъ перемѣна возрѣній, напр.,—какія лица пользуются охраной права,—должны-ли существовать рабы или безправные крѣпостные,—должны ли граждане находиться подъ опекою бюрократіи и т. д. . .

Перемѣны въ экономическомъ положеніи и нравственныхъ возрѣніяхъ общества вліяютъ на устройство государственнаго управленія.

Систему нашего государственнаго управленія мы охарактеризовали, какъ переходную ступень отъ абсолютизма къ „конституціонализму“ и указали, что у насъ дѣйствуетъ своеобразное конституціонное право.

Но, т. к., ни одно дѣйствующее государственное право не м. б. понятно безъ изученія историческаго процесса его образованія, т. к., не зная историческаго процесса, нельзя уяснить смысла ни одной исторической и юридической нормы, то б. м. не будетъ бесполезно написать нѣсколько очерковъ изъ исторіи предыдущихъ попытокъ образованія конституціоннаго строя.

Ибо, думается намъ, всякій гражданинъ, желающій стоять на высотѣ своего назначенія, для котораго система государственнаго управленія является совокупностью жизненныхъ силъ, направленныхъ на удовлетвореніе потребностей всѣхъ членовъ общества и его самого — для развитія въ себѣ чувства пониманія истиннаго смысла нормъ извѣстной государственной системы, д. б. знакомъ съ исторіей образованія этой системы. Данная работа не претендуетъ на выполненіе этой задачи ознакомленія и лишь по силамъ автора въ краткихъ очеркахъ касается затронутыхъ вопросовъ.

Существуютъ разнаго рода взгляды на исторію развитія въ Россіи правосознанія, на ея систему управленія и на судьбы русскаго народа.

Западники стараго времени безнадежно смотрѣли на Россію, какъ на міръ, глубоко отсталый отъ европейскихъ цивилизаціи.

Однимъ изъ родоначальниковъ этой теоріи былъ Чаадаевъ, помѣстившій весьма характерное для этого направленія философское письмо въ „Телескопѣ“. Въ немъ всего ярче выразились идеи, одушевлявшія западниковъ.

„Одна изъ самыхъ жалкихъ особенностей нашего общественнаго образованія та, что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ и даже у народовъ, во многихъ отношеніяхъ менѣе насъ образованныхъ, у насъ только что открываются“—говоритъ онъ. „И это оттого, что мы никогда не шли вмѣстѣ съ друзьями

народами, мы не принадлежали ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣли преданій ни того, ни другого. Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. То, что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, у насъ только умствованіе, теорія... въ самомъ началѣ у насъ было дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унижительное владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донинѣ... Мы явились въ міръ какъ незаконнорожденные дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейственности, которою мы соединились съ человѣчествомъ. Намъ должно молотомъ вбивать въ голову то, что у другихъ сдѣлалось привычкой, инстинктомъ... Мы растемъ, но не зрѣемъ, идемъ впередъ, но по какому-то косвенному направленію... Всѣ народы Европы выработали опредѣленные идеи. Это—идеи долга, закона, правды, порядка. И онѣ составляютъ не только исторію Европы, но и ея атмосферу. Это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія, это—физиологія европейца. Чѣмъ вы замѣните все это? Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то большее, чѣмъ неосновательность. Лучшія идеи отъ недостатка связи и послѣдовательности цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу...

По нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ въ Китай, другимъ въ Германію, мы должны бы соединить въ себѣ два великихъ начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ. Но не таково предназначеніе, нависшее на нашу долю. Отшельники въ міръ—мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не приобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣческихъ, ничѣмъ не содѣйствовали совершен-

ствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе. Ни одной полезной мысли не возросло на нашей почвѣ, ни одной великой истины не возникло среди насъ, Мы ничего не выдумали сами и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую, наружную и бесполезную роскошь... Мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомствъ, которыя воспользуются имъ непременно, но въ настоящемъ времени, чтобы ни говорили, мы составляемъ пробѣлъ въ рядкѣ разумѣнія“...

Въ чемъ же наше назначеніе и какова наша историческая роль?—Въ третьемъ письмѣ онъ пишетъ: „Такъ какъ мы не можемъ оставить имъ (грядущимъ поколѣніямъ) то, чего у насъ самихъ не было: вѣрованій, воспитаннаго временемъ разума, ярко очерченной личности, развитыхъ—теченіемъ длинной, одушевленной, дѣятельной, богатой результатами интеллектуальной жизни—миръ, то оставимъ же имъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько идей, которыя, хотя мы ихъ не сами нашли, будучи передаваемы изъ поколѣнія въ поколѣніе, будутъ имѣть больше традиціоннаго элемента и поэтому больше могущества, больше плодотворности, чѣмъ наши мысли. Мы заслужимъ благодарность потомства и не напрасно пройдемъ по землѣ“.

Таково направленіе взглядовъ, присущее многимъ западникамъ, и какъ умѣренные западники въ лицѣ, напр., Грановскаго, такъ и крайніе въ лицѣ Бѣлинскаго и Герцена, относясь вполне отрицательно къ давящему николаевскому режиму, переносили это отношеніе и вообще на весь процессъ исторіи развитія русской государственной.

Однако, даже въ то время, во время царствованія полицейскаго произвола и безпросвѣтной реакціи—въ нѣдрахъ Россіи подготовлялись преобразованія 60-ти годовъ.

Ибо изученіе историческихъ фактовъ показываетъ, что въ жизни народовъ не бываетъ ни безусловной реакціи, ни безусловнаго господства реформаторскихъ началъ. Существуетъ лишь одно теченіе, принимающее различныя формы и выбивающееся то на поверхность, то уходящее въ глубь, но однообразно текущее впередъ по прямымъ и извилистымъ линіямъ.

Поэтому едва ли правильно такое отрицательное отношеніе даже къ самымъ реакціоннымъ эпохамъ. Но если до такихъ крайностей во взглядахъ доходили западники, то и противники ихъ—славянофилы, идеализируя старый строй Россіи, категорически заявляютъ, что она представляетъ совершенно своеобразный міръ, въ корнѣ отличный отъ Западной Европы. Они вѣрятъ, что духу русскаго народа свойственны какія-то особыя качества, особыя способности, благодаря которымъ русскій народъ вырабатываетъ и отчасти выработалъ нѣкоторыя (община напр.) идеальныя жизненныя формы.

Славянофилами отрицалась даже полезность преобразованій Великаго Петра. Патріоты-славянофилы обращаютъ взоры съ большею любовью не къ Западной Европѣ, а къ Востоку. Зачѣмъ намъ, славянамъ, заимствовать что бы то ни было у Зап. Европы, когда мы у себя дома имѣемъ зарожденіе соціального строя, безконечно лучшаго, чѣмъ соціальный строй Запада?

Если бы мы предоставили своимъ собственнымъ внутреннимъ силамъ развивать начала, заложенныя въ могучей славянской натурѣ, съ святой вѣрой въ себя, мы скоро бы оставили позади все народы коснѣющаго и уже разлагающагося Запада. И чему намъ завидовать въ Западной Европѣ: не ея ли религіознымъ войнамъ, папству, рыцарству или... инквизиціи?.. Нечего сказать—хорошія это вещи...

Говорить, что Запад является родиной науки и цивилизации.. Но развѣ не съ Востока все это пришло? Возвратимся же къ Востоку, съ которымъ мы соприкасаемся и естественными преемниками коего являемся. Старый Востокъ отходить въ вѣчность, и мы должны воспользоваться его наслѣдствомъ..

Было бы ошибочно думать, что и первоначально теорія славянофиловъ играла въ руку реакціи.. нѣтъ. Въ началѣ ея роль была прогрессивна. Когда иностранное вліяніе вытѣснило русскія преданія здоровой старины, всецѣло завладѣвъ русскимъ обществомъ, въ которомъ не было „ни звука русскаго“, „ни русскаго лица“—вполнѣ законны и понятны терзанія Чацкаго: „Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять премудраго незнанья иноземцевъ... Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ, чтобъ умный, добрый нашъ народъ, хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?“

Но постепенно и незамѣтно къ либеральному славянофильскому теченію примазывалась правительственная партія, подыскивая теоретическое оправданіе своимъ лозунгамъ: „Православіе, Самодержавіе и Народность“.

Въ концѣ концовъ случилось такъ, что ея лозунгъ сталъ выдвигаться на лозунгъ славянофиловъ... Въ настоящее же время „нео-славянофильство“, если можно такъ выразиться, есть реакціонная теорія, сводящая къ тому, чтобы удержать русскій государственный строй въ томъ самомъ положеніи, какого онъ достигъ въ концѣ XIX вѣка, или даже, если можно, повернуть вспять.. къ традиціямъ азіатскаго востока. Вотъ что говорилъ въ Государственной Думѣ одинъ изъ яркихъ „самобытниковъ“:

„Гг. народные представители... вы хотите ломки всего, а мы... скажемъ всегда, какъ говоримъ сейчасъ: стой. Ни шагу дальше въ тотъ часъ, когда подъ гишпозомъ современной печати.. вы

стремитесь дерзновенно расширить предѣлы намъ дарованныхъ свободъ и вынести ихъ за черту должнаго пониманія. Неужели вы полагаете въ простотѣ своей, что вамъ предоставлено рѣшать судьбы царскаго самодержавія?.. Для насъ царское самодержавіе не деспотія, а просвѣщенный абсолютизмъ. Для насъ единственной политической формой, опредѣляющей и ограничивающей предѣлы царской власти, является только смыслъ старой 47 ст. бывшихъ основныхъ законовъ, смыслъ коихъ не измѣненъ.. Царь есть высшая правда.. воля его не можетъ быть направлена ни на что иное, какъ только на благо народа. Царь даровалъ намъ народное представительство... голосъ русской земли сталъ ближе и громче звучать у подножія его, ему легче будетъ разбираться въ истинныхъ нуждахъ своего народа и, слѣдовательно, законность, коею намъ русской правовѣдъ Грановскій опредѣляетъ значеніе и смыслъ самодержавной власти и различіе ея отъ деспотіи, она не что иное сдѣлала, какъ только шагъ впередъ, ограничивъ на Руси возможность проявленія во всѣхъ отрасляхъ произвола.. Самодержавіе сплотило насъ, неоднократно спасало отъ гибели.. Да не будутъ свидѣтелями Европа и весь міръ раздоровъ нашихъ въ этомъ вопросѣ, который до сихъ поръ составляетъ сущность нашего государственнаго быта и отличія нашего отъ другихъ народовъ, идущихъ иными путями въ своемъ развитіи..“ (Рѣчь Пуришкевича въ зас. 3-й Г. Д., сессія 1, зас. 5, 13 нояб. 1907 г., стеногр. отчет.).

Новыя теоріи—теоріи народниковъ и послѣдователей экономическаго матеріализма—явились на смѣну западническимъ и славянофильскимъ теоріямъ, но въ сущности имѣютъ съ ними весьма, какъ это ни странно,—много сроднаго. Въ противоположность пессимистическому взгляду западниковъ направленіе народниковъ съ его развѣтвленіями, рисуетъ будущее положеніе Россіи, свое-

образными національно-соціалистическими красками.

Откинувъ реакціонные придатки славянофильства и впитавъ въ себя увѣренность въ особое назначеніе и пути русскаго народа, народники полагаютъ, что развитіе Россіи идетъ какимъ-то совершенно-своеобразнымъ путемъ, хотя и къ общечеловѣческихъ цѣляхъ,—къ водворенію соціального строя на землѣ.

Своеобразіе нашей исторіи, по сравненію съ исторіей другихъ народовъ, заключается въ минованіи нѣкоторыхъ посредствующихъ звеньевъ въ той эволюціи, которая совершается въ другихъ странахъ. Россія, по ихъ мнѣнію, съумѣетъ внезапно перейти отъ патріархально-общинныхъ порядковъ къ водворенію на землѣ совершенной формы правленія и соціального строя.

Не выходитъ ли отсюда, что, въ сущности, различіе двухъ наиболее яркихъ проявленій „теоріи своеобразія“ русскаго историческаго процесса сводится къ тому, что, если у старыхъ славянофиловъ была вѣра въ своеобразіе конечныхъ идеаловъ и цѣлей, къ которымъ направляется русскій государственный процессъ, то у народниковъ мы имѣемъ дѣло также съ вѣрою, но уже съ вѣрою въ своеобразіе средствъ, при помощи коихъ историческое развитіе Россіи движется къ общечеловѣческимъ цѣлямъ.

Противъ вѣры аргументовъ не бываетъ. Думается лишь, что простой анализъ историческаго процесса развитія Россіи и сравнительное изученіе исторіи другихъ странъ—лучше всего могутъ указать на неубѣдительность этихъ теорій.

Что касается послѣдователей экономическаго матеріализма, заимствовавшихъ звою теорію съ Запада, то они въ основу своего пониманія государственнаго устройства, главнѣйшимъ образомъ, кладутъ экономическія отношенія организованнаго производства и вытекающую отсюда борьбу клас-

совь. Въ нашу задачу не входитъ подробный разборъ и критика всѣхъ этихъ теорій. Бѣгло лишь укажемъ, что однимъ изъ серьезнѣйшихъ критиковъ теоріи экономическаго матеріализма является Штаммлеръ. По его мнѣнію, та оговорка, которую принуждены употреблять теоретики историческаго матеріализма, что, „несмотря ни на что“ экономическія условія „все-таки“ „въ концѣ концовъ“ побуждаютъ и вызываютъ требуемыя правовыя измѣненія—это оговорка лишаетъ матеріальное возрѣніе значенія непреложнаго закона. Какъ будетъ долгъ періодъ передъ этимъ „въ концѣ-концовъ“?... Между тѣмъ научный законъ,—напр., законъ тяжести, не дѣлаетъ такихъ оговорокъ, вродѣ, если ничто не встанетъ между землею и этими предметами“. И если одни и тѣ же стремленія въ одномъ историческомъ случаѣ приводили къ побѣдѣ, а въ другомъ—еще ждутъ ея, то ни о какомъ законѣ говорить нельзя, ибо законъ никакихъ „если“ не признаетъ.

Конечно, право развивается въ тѣсной зависимости отъ историческихъ и матеріальныхъ условій, среди которыхъ оно дѣйствуетъ, а каждое историческое явленіе есть слѣдствіе дѣйствія совокупности всѣхъ силъ даннаго (историческаго) общества, но не нужно забывать, что нѣкоторыя явленія играютъ въ этомъ процессѣ громадную, доминирующую роль и сами вліяютъ на матеріальную сторону процесса. Къ тому же и эта тѣсная связь права и экономики не есть—рабская связь. „Право не исчерпывается тѣми условіями, которыя, можно сказать, даютъ ему существованіе. Оно—разъ сложившись — становится самостоятельнымъ дѣятелемъ, приобретаетъ самостоятельныя средства и само выдвигается тогда, какъ сильный, энергичный факторъ въ общественномъ организмѣ, а не повторяетъ просто данныхъ условій, разъ сложившихся... Какъ сложное химическое тѣло не повторяетъ вполнѣ всѣхъ свойствъ, составляющихъ его эле-

ментовъ, какъ вода не есть элементарное повтореніе свойствъ кислорода и водорода, такъ и право не есть простое повтореніе того, на что толкаютъ первоначальныя условія экономическія, социальныя и даже культурныя". (Курсъ лекц. проф. П. Г. Виноградова въ изданіи студентовъ Н. П. Невзорова и А. Изюмова).

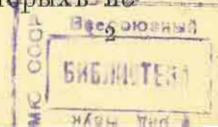
Изъ бѣлаго обзора различныхъ мнѣній и теорій мы осмѣливаемся придти къ заключенію, что въ чистомъ видѣ—всѣ онѣ неправильны. Во всѣхъ изложенныхъ мнѣніяхъ истина смѣшана съ ошибками, а нашей вѣчной задачей должно служить исканіе истины. Мысль славянофиловъ, что наше національное движеніе не похоже на другое, конечно, справедлива въ томъ смыслѣ, что много въ этомъ движеніи своеобразнаго, индивидуальнаго, свойственнаго только ему... Но при всемъ разнообразіи результатовъ исторической жизни не сводятся ли они къ небольшому числу одинаковыхъ причинъ?.. И не заключается ли задача историка-юриста въ анализѣ историческихъ явленій, въ сведеніи къ создавшимъ ихъ первопричинамъ для пониманія ихъ сущности?..

Эта задача намъ не по силамъ, и сдѣлаемъ лишь попытку въ этомъ направленіи.

Несомнѣнно, что различіе въ государственномъ строѣ Россіи и западной Европы болѣе глубоко, чѣмъ въ государственномъ устройствѣ двухъ западно-европейскихъ государствъ. Причинъ къ этому много, но главная заключается въ условіяхъ географическихъ и социальнo-историческихъ.

Европейская Россія занимаетъ громадную равнину, простирающуюся отъ Карпатскихъ горъ до Урала, отъ Бѣлаго до Чернаго моря. Эта громадная равнина была сплошь покрыта густыми лѣсами, черезъ огромное пространство которыхъ не

8707

мыслимо было сообщеніе между отдаленными частями страны, если бы не счастливое расположеніе русскихъ рѣкъ, текущихъ съ средней части Средне-Русской возвышенности на всѣ четыре стороны: на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Славянамъ, пришедшимъ на эту равнину, много пришлось преодолѣть трудностей борьбы съ природой и съ суровымъ климатомъ. Западная же Европа была пространствомъ меньше, къ тому же съ большими отрогами горъ, и климатъ имѣла гораздо мягче.

Отъ прежнихъ обывателей на громадной славянской равнинѣ не осталось никакихъ остатковъ государственности, а когда германскіе и романскіе народы Запада поселились на остаткахъ Римской имперіи, они имѣли передъ своими глазами остатки римскихъ сооружений, укрѣпленій, дорогъ и т. д. Славяне должны были идеи государственнаго устройства выводить только изъ своего малаго политическаго навыка, и потому естественно, что исторія славянъ приняла особое, своеобразное направленіе, отличное отъ Западной Европы.

Географическое положеніе Россіи, какъ страны, находящейся между Зап. Европой и Азіей, заставило ее служить оплотомъ, щитомъ западно-европейской культурѣ, въ первую голову выдерживая натискъ азіатскихъ народовъ. Россія не выдержала натиска Азіи и пала, но Азія, обезсиленная сопротивленіемъ восточной Европы, не могла покорить западную. 200 лѣтъ монгольскаго ига наложили особый отпечатокъ на социальное развитіе и порядки Россіи. Слѣды его не изгладились и донынѣ... Въ зависимости отчасти отъ этихъ условій неодинаково строилась въ Россіи и внутренняя организація государственнаго организма.

На западѣ общественная организація, обуславливавшая государственный строй общества, строилась органически отъ низшихъ этажей къ высшимъ. Фундаментомъ было крестьянство. Въ средніе вѣка былъ надстроенъ второй этажъ—фе-

одальная аристократія. И только въ новое время съ паденіемъ феодализма, путемъ борьбы съ нимъ выдвинулось всесильное государство... Совеѣмъ не то въ Россіи. Вначалѣ все находилось въ движеніи; населеніе приходило и уходило, не связывая себя съ государемъ—владѣтелемъ. Среди этого жидкаго элемента „мало-по-малу выдѣлился не-большой кругъ личныхъ помощниковъ князя“ — „вольныхъ слугъ“. Когда московскій князь поглощаетъ остальныхъ, они переходятъ къ нему на службу; кругъ ихъ расширяется и они постепенно приобретаютъ осѣдность. Но вольное крестьянство все еще бродитъ, все еще остается „жидкимъ элементомъ“. Только благодаря совмѣстнымъ усиліямъ правительства и новыхъ земледѣльцевъ этотъ элементъ приводятъ въ твердое, въ крѣпостное состояніе. Въ то время, когда западному государству пришлось вынести ожесточенную борьбу на жизнь и на смерть съ правами и привилегіями городовъ, общественныхъ группъ и частныхъ лицъ, въ рускомъ государствѣ вначалѣ не только не было этой борьбы, потому что не съ кѣмъ было бороться; но оно само стремилось вызвать къ существованію эти самыя группы, чтобы воспользоваться ихъ дѣятельностью для своихъ цѣлей. Поэтому вопросъ объ исторической роли правительства у насъ довольно спорный.

Однако, изученіе исторіи народовъ убѣждаетъ насъ, что въ своемъ развитіи каждый народъ проходитъ извѣстный опредѣленный циклъ, что точки отправленія извѣстныхъ событій одинаковы такъ же, какъ и процессъ ихъ развитія, но въ одной странѣ они выражены слабо, въ другой—рельефнѣе, въ сущности же та и другая страна имѣетъ тѣ же самыя стадіи развитія. Это не всегда видно, потому что вопросъ о причинахъ смѣны однихъ государственныхъ правовыхъ началъ другими затрудняется часто не вполне ясной постановкой вопроса и безграничной широтой самаго

объекта. Главное часто отходить на задній планъ, а на первое мѣсто выдвигаются детали, второстепенныя подробности, поглощающія вниманіе изслѣдователя.

Многіе ставятъ на первый планъ незначительныя случайности, второстепенности, особенности, свойственныя русской исторіи, совершенно опуская изъ вида, что основной процессъ одинаковъ. Какъ только въ обществѣ накапливается извѣстная социальная энергія, являющаяся слѣдствіемъ многихъ причинъ: условій производства, распредѣленія экономическихъ благъ, культурнаго уровня массъ—она начинаетъ напирать на стѣнки сосуда, т.е. на формы общества, или на правовыя условности, которыя перестали соответствовать новымъ потребностямъ массъ, эта энергія и производитъ въ конечномъ счетѣ измѣненія социально-юридическаго и политическаго характера... этотъ процессъ и является одинаковымъ въ исторіи всѣхъ народовъ.

Кромѣ одинаковаго общаго процесса, свойственнаго жизни каждаго живого государственнаго организма, наряду съ перечисленными нами условіями, между Россіей и Западной Европой существуетъ, несомнѣнно, самое внутреннее тѣсное сродство и въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего оно видно изъ самаго племеннаго состава населенія Россіи и Зап. Европы.

Населеніе Россіи состоитъ изъ смѣшенія тѣхъ расъ, что и населеніе Зап. Европы. Правда — въ Россіи есть финскія племена, но и въ Зап. Европѣ есть венгры...

Какъ восточная, такъ и Зап. Европа имѣютъ одну и ту же общую основу культуры—это греко-римскую цивилизацію и христіанство—съ тою разницею, что Россія приняла ихъ черезъ посредство Византіи, а Западъ черезъ Римъ. Христіанская культура покоится на идеяхъ трехъ главныхъ цивилизацій древности: еврейской,

греческой и римской. Изъ этихъ общихъ источниковъ ее наслѣдовали все народы Европы. Культура христіанская является лишь ихъ продолжательницей. Новѣйшая европейская культура впитала въ себя и элементы древняго міра и христіанство.

Россія поздно вступила въ европейскую семью и потому ея строй получилъ особыя черты, однако, онѣ совершенно недостаточны, чтобы выдѣлить ее въ какой-то особый міръ—имъ противоположный.

Общее основаніе нашей и западной культуры—христіанство сыграло какъ у насъ, такъ и на Западѣ громадную цивилизующую роль. Какъ Россіи, такъ и Западу приходилось вести борьбу на защиту этой общей цивилизаціи противъ мусульманскаго міра. Христіанство—по природѣ своей космополитичное и универсальное, рѣзко отличается отъ языческихъ религій, которыя являются національными. Оно проложило и расчистило почву для глубокаго внутренняго сродства, которое существуетъ между европейскими народами.

Еще въ началѣ своей исторіи все европейскія государства приняли христіанство; съ развитіемъ государственнаго и общественнаго быта церковь соединяетъ все народы въ одно великое христіанское общество. Своими идеями объ единствѣ всего человѣчества, о провозглашеніи между всеми людьми, независимо отъ ихъ національности, братства, любви и мира, христіанство способствовало объединенію европейскихъ народовъ. Славянофилами для подкрѣпленія своей теоріи часто указывалось на такого рода историческія явленія Россіи, которыхъ не было на Западѣ: на земскіе соборы, на крестьянскую сельскую общину. Они считаютъ эти формы идеальными и самобытными. Дѣло вкуса считать эти формы идеальными или нѣтъ, но что они не самобытны, объ

этомъ ясно свидѣтельствуесть сравнительное историческое изученіе жизни другихъ народовъ. Аналогичныя земскимъ соборамъ формы мы встрѣчаемъ во Франціи въ видѣ генеральныхъ штатовъ, а русской сельской общинѣ соотвѣтствовала германская марка.

Обращаясь къ Западу, славянофилы находятъ и такія явленія, которыхъ не было въ русской исторіи, и указываютъ: 1) на феодализмъ и 2) на борьбу палства съ императорскою властью.

Но въ неразвитомъ видѣ, какъ зачатки, эти явленія существуютъ и въ нашей исторіи. Крупныя помѣстья бояръ время Александръ Михайловича и тенденціи, какія проявлялись въ боярствѣ, имѣютъ много общаго съ западнымъ феодализмомъ. Извѣстенъ, напр., проектъ бояръ о раздѣленіи Россіи на нѣсколько крупныхъ намѣстничествъ. Въ 1681 году, когда кн. Голицынъ выработалъ проектъ отмены мѣстничества, въ боярской средѣ составился новый планъ центрального и областного управления. Одинъ рассказъ, приводимый В. О. Ключевскимъ, повѣствуетъ, что „палатетіи бояре“ предложили царю Теодору раздѣлить все государство на нѣсколько крупныхъ намѣстничествъ, соотвѣтствующихъ прежнимъ политическимъ тѣламъ, вошедшимъ въ составъ московскаго государства. Такъ, было предположено образовать намѣстничество Новгород Великаго, Пскова, Казанскаго царства и т. д.. Намѣстниками должны быть назначаемы великородные бояре, которые бы правили тѣми областями вѣчно, нося титуль тѣхъ царствъ, гдѣ кто будетъ. Это былъ проектъ феодализма съ польскимъ пошибомъ. Царь готовъ былъ дать уже согласіе, но предварительно отправилъ проектъ на разсмотрѣніе патріарха Іоакима, и послѣднему пришлось „понести много трудовъ“, чтобы эта затѣя боярства не осуществилась.

Существовала въ нашей исторіи и борьба церкви съ государствомъ, но только въ гораздо болѣе слабой степени, чѣмъ на Западѣ. Русская православная церковь была объединеннымъ цѣлымъ, имѣющимъ свою главу—патріарха. Это было своего рода государство въ государствѣ. Патріаршество представляло изъ себя громадную общественную силу. Оно опиралось на авторитетъ христіанскаго ученія, авторитетъ, въ глазахъ тогдашней массы имѣющій непререкаемое значеніе, и стояло во главѣ громадной организаціи бѣлаго и чернаго духовенства и монастырей съ ихъ немѣстными богатствами.

Если патріархъ оказывался крушной личностью, то онъ могъ приобрести въ государствѣ значеніе и вѣсь, мало уступающій власти царя.

Само основаніе въ Россіи патріаршества не было юридически проявленіемъ воли самодержавнаго царя; „превысочайшій партіаршій престоль“, хотя и былъ устроенъ по царской мысли, но утвержденіе получилъ отъ восточныхъ патріарховъ. Во времена же смуты и междоцарствія патріархъ былъ первымъ лицомъ въ государствѣ. Когда польскіе паны на требованіе русскихъ пословъ, ссылавшихся на патріарха Гермогена, чтобы Владиславъ принялъ православіе, замѣтили, что патріархъ—лицо духовное и въ свѣтскія дѣла вмѣшиваться не долженъ, то получили въ отвѣтъ: „изначала у насъ такъ повелось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призываютъ къ себѣ на соборъ патріарховъ, архіепископовъ и безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали и мѣсто сдѣлано патріарха съ государемъ рядомъ; теперь мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ чело-вѣкъ начальній“.

Мы знаемъ, напр., что Филаретъ не только раздѣлялъ верховную власть съ государемъ и писался „великимъ государемъ“, но и

дворъ имѣлъ такой же, какъ царскій. Правда, православная церковь все свое значеніе и силу употребила на укрѣпленіе свѣтской власти, но, однако, бывали моменты, когда она не была съ нею дружна, и хотя у насъ не было ярко очерченной борьбы церкви съ государствомъ, какъ на Западѣ, ибо церковь не занимала такого самостоятельнаго положенія, но элементы борьбы, попытки ея—были. Наиболѣе острый моментъ ея—это распря патріарха Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Никонъ особенно подчеркивалъ, что онъ не является подданнымъ царя. Архіереи и бояре рабски ему провинуются и сносятъ всякія грубости. Никонъ окружаетъ себя царской пышностью и дѣлается также недоступнымъ, какъ и царь. Его титулируютъ „Великимъ Государемъ“ и этимъ приравниваютъ его власть къ власти царской. Его идеаломъ является система двоєвластія въ государствѣ въ видѣ свѣтской власти царя и духовной власти патріарха..

Какъ извѣстно, впослѣдствіи къ славянофильскому теченію примазалась правительственная партія и выдвинула въ качествѣ главнаго аргумента обособленности и самобытности „самодержавіе“; однако, и оно не представляетъ изъ себя ничего новаго и оригинальнаго сравнительно съ тѣмъ, что было въ жизни другихъ народовъ. Въ сущности „самодержавіе“ есть очень недавнее явленіе въ русской жизни. Оно возникло у насъ въ концѣ XVI вѣка и лишь въ началѣ XVIII укрѣпилось. „Императоръ, монархъ, царь“—не наши родныя, а иностранныя слова и даже „самодержецъ“ переведено съ греческаго и привезено къ намъ южно-славянскими архіереями.

Есть мысли, которыя, будучи въ основѣ своей невѣрными, тѣмъ не менѣе употребляются въ качествѣ непреложной истины, и въ самомъ дѣлѣ начинаютъ казаться за истину. Такъ случилось и съ „самодержавіемъ“. Въ из-

вѣстныхъ кругахъ и до сихъ поръ въ большомъ ходу утвержденіе, что наше „самодержавіе“ есть единственно органически выросшая у насъ форма изъ условій жизни государства. На самомъ же дѣлѣ и наше самодержавіе и европейскій абсолютизмъ въ сущности одно и то же. Никакихъ особыхъ чертъ у нашего самодержавія отыскать нельзя; юридически же его невозможно отличить отъ абсолютизма Запада: ни по формѣ виѣшнихъ его проявленій—ритуала, присяги подданныхъ, титула „Божьею милостію“ и другихъ виѣшнихъ чертъ,—ни по существу его власти. Почти все это заимствовано изъ Византіи и съ Запада. Но какъ во времена второй французской имперіи со стороны извѣстныхъ „преданныхъ перьевъ“ писалось, что французамъ свойствененъ „монархическій духъ“ и что этимъ объясняется двукратное крушеніе республиканскаго образа правленія, такъ это слышится и у насъ.

Анализируя тотъ фактическій матеріаль, на которомъ думаютъ славянофилы основаться, нельзя не придти къ заключенію, что славянофилы позамѣнили русскую исторію своими фантазіями и что историческая дѣйствительность опрокидываетъ все ихъ построенія.

Безстрастная же исторія насъ убѣждаетъ какъ разъ въ обратномъ. Наше государство въ своемъ развитіи, въ своей эволюціи прощлю тѣ же самыя пункты, что и Зап. Европа.

На западѣ, какъ и въ Россіи, въ началѣ исторіи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ процвѣтаніемъ и широкимъ развитіемъ общины свободной—какъ сельской, такъ и городской. Правда, у насъ городская община была развита менѣе, но все-таки у насъ были тѣ же торговыя республики, какъ и на Западѣ—это новгородская, псковская и вятская.

Новгородская республика была богата и могущественна благодаря торговлѣ. Между Москвою—вѣрнымъ леномъ своихъ князей—и свободнымъ

Новгородомъ шла ожесточенная борьба. Новгородъ, и другія республики, упорно защищаясь, въ концѣ концовъ пали. Но побѣда абсолютизму далась не сразу... „Ты приказываешь намъ сообразоваться съ московскими законами, но мы не вѣдаемъ законовъ Москвы“, — говорили новгородскіе послы Іоанну III. Іоаннъ IV не забылъ этого отвѣта. Послѣ разоренія Новгорода, взятія Пскова, униженія Твери—вѣче на Руси мало-по-малу заглохло. Побѣдители становились самодержцами.

Послѣ процвѣтанія свободныхъ общинъ, на Западѣ, какъ и у насъ, настаетъ эпоха вотчинной частно-правовой монархіи, гдѣ монархъ является собственникомъ территоріи, а отсюда вытекаетъ и особый характеръ всей правительственной власти. Хорошо выразилъ это Людовикъ XIV въ своемъ завѣщаніи къ сыну: „Помните, что все находящееся въ предѣлахъ нашего государства принадлежитъ Вамъ“. Но и въ этомъ отношеніи господство московскихъ князей мало чѣмъ отличается отъ господства меровинговъ во Франціи и патримоніальныхъ владѣтелей въ Германіи.

Главная разница въ параллели историческихъ стадій между Россіей и Западной Европой,—въ томъ, что стадія развитія, которая прошла Зап. Европа, у насъ наступала позднѣе. Это было подмѣчено еще Чаадаевымъ.

Въ Европѣ эпоха вотчинной монархіи смѣняется эпохой съ сословными представителями, когда наряду съ монархомъ призываются къ управленію выборные отъ сословій. И у насъ представительныя собранія были въ видѣ земскихъ соборовъ, хотя и не имѣли того значенія, что на Западѣ. Земскіе соборы потеряли у насъ всякое значеніе—рушился также и на Западѣ сословный строй; на его мѣсто выдвигается абсолютная монархія.

Наконецъ, въ настоящій моментъ мы отъ абсолютизма переходимъ къ конституціонализму,

т.-е. продѣлываемъ ту же самую политическую задачу, которая была рѣшена десятки лѣтъ тому назадъ народами континента Европы и сотни лѣтъ въ Англіи.

Интересно отмѣтить, что и здѣсь мы остались вѣрны своей исторической отсталости, неизбѣжной для нашего запоздалаго политическаго развитія. Не такъ давно нашъ народъ во главѣ съ передовыми элементами націи переживалъ напряженіе къ установленію въ Россіи конституціоннаго строя и парламентарнаго режима, а въ Западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ—въ тѣхъ самыхъ странахъ, которыя для насъ являются образцомъ этого строя, его пригодность подвергается большому сомнѣнію и ожесточенной критикѣ. Какъ будто бы старый государственный организмъ Запада заболѣлъ отъ старости и у постели больного собрались врачи и ставятъ діагнозъ, чтобы выяснить причины его преждевременной старости и хилости. Западная Европа переживаетъ сейчасъ кризисъ парламентаризма, кризисъ представительной системы, лежащей въ основѣ ея государственнаго строя. Врачи ставятъ діагнозъ. Большинство склоняется къ тому мнѣнію, что главная бѣда въ той фальши, которую содержитъ въ себѣ парламентаризмъ, что правильное утвержденіе Руссо о томъ, что воля народа не можетъ быть представлена, что избранныя представительства всегда являются орудіемъ меньшинства, господствующаго въ данный моментъ, что они совершенно не въ силахъ рѣшить тѣ социальныя задачи, какія на нихъ возложены исторіей.

Въ Соединенныхъ Штатахъ парламентъ далеко уже не обладаетъ той властью, какъ въ былое время. Наиболѣе выдающіеся люди не стремятся даже въ него попасть. Наряду съ этимъ упадкомъ усиливается власть президента и значеніе общественнаго мнѣнія. То же самое замѣчается въ Англіи и въ другихъ странахъ. (Интересно вспо-

мнить о борьбѣ въ новой Турціи за право султана роспуска парламента безъ согласія сената). Это явленіе хорошо подмѣчено Еллинекомъ. Замѣчается тенденція выразить возможно яснѣе, что послѣднее слово должно принадлежать націи. Рѣчь идетъ уже не о чисто представительной, а о полупредставительной системѣ управленія. Вторая палата постепенно устраняется, и прагматизмъ, какъ въ Англіи, суживаются. Прилагаются усилія, чтобы въ единственной палатѣ были возможно полнѣе представлены всѣ теченія, всѣ настроенія народа; дается широкій просторъ пропорціональному представительству; стремятся охранить права меньшинства, даже уловить настроеніе каждаго избирателя; всѣ партіи снабжаютъ своихъ представителей обязательными наказами, императивными мандатами. По важнѣйшимъ вопросамъ палата совѣщается со всѣмъ народомъ, устраивая референдумъ. Широкое поле въ законодательствѣ предоставляется народной инициативѣ и т. д.

Вотъ тѣ основныя тенденціи, которыя постепенно проникаютъ въ старый парламентарный строй, въ тотъ строй, добиться котораго еще только пришла очередь Россіи, и стремленія ея лучшихъ сыновъ направлены къ тому, чтобы добиться его хотя бы въ самыхъ первоначальныхъ формахъ.

Любопытно и то обстоятельство, что въ наиболѣе острые моменты политической борьбы различныхъ элементовъ общества, въ наиболѣе важныхъ поворотныхъ пунктахъ нашей исторіи у насъ циркулировали и официально признавались теоріи, заимствованныя съ Запада. Патріархъ Никонъ, когда отстаивалъ преимущества своей власти, цѣликомъ воспользовался теоріей католическихъ богослововъ, сравнивая духовную власть съ солнцемъ, а свѣтскую власть съ луною.

Оправданіе русскаго самодержавія было также всецѣло заимствовано у западныхъ теоретиковъ. На чемъ основывается и беретъ свое начало неограниченная власть монарха. Гуго Гроцій въ трактатѣ „De jure“ (Парижъ 1625) учитъ, что разумное ея основаніе есть добровольное договорное соглашеніе. Если договоръ и не добровольный, то все-таки, мысль о добровольномъ соглашеніи подразумѣвается, т. к. побѣжденный, теряя подчиненіе, тѣмъ самымъ молчаливо выражаетъ свое согласіе на повиновеніе.

Та же мысль ярко выражена и у Гоббеса. До появленія государственной власти, по его мнѣнію, господствовало естественное состояніе людей.

Люди были все равны и каждый одинаково имѣлъ право на все. Здѣсь причина столкновеній. Но влѣдствіе постоянной войны—такой порядокъ сталъ невыносимымъ и стали стремиться къ иному. Поэтому все согласились повиноваться волѣ одного или волѣ нѣсколькихъ лицъ. Создается извѣстная организація, т.-е. государство, гдѣ эти лица получаютъ высшую или верховную власть. И вотъ, когда Петру Великому, стремившемуся къ безграничной власти, нужно было найти для нея оправданіе, то ту же самую теорію развилъ идеологъ его реформъ—Ософанъ.

Ософанъ Прокоповичъ въ „Правдѣ воли монаршей“ говоритъ: „Сама наследная монархія имѣетъ начало отъ перваго въ народѣ соглашенія.. Самъ народъ добровольнымъ своимъ преклоненіемъ являетъ на то свою волю... Россійскіе поданные также заключили между собою договоръ, какъ бы сказавъ государю „согласно вси хотимъ да ты, государь, къ общей нашей пользѣ владѣешь нами вѣчно, т.-е. понеже ты смертенъ, то по себѣ ты напередъ оставляешь намъ наследника—владѣтеля, мы же единожды воли нашея совлекшемся, никогда же впредъ ниже по смерти твоей оной употреблять не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и на-

слѣдникамъ твоимъ подчиниться клятвеннымъ, обѣщаніемъ обязуемся“.

Ограничительныя условія, предложенныя Аннѣ Иоанновнѣ, списаны со шведской „королевской грамоты“ и съ „формы правленія“.

Екатерина Великая основывалась на ученіи Монтескье.

Законодательные акты, предложенные Сперанскимъ въ началѣ XIX вѣка, насквозь проникнуты французскимъ вліяніемъ и такъ далѣе и т. д.

Невольно напрашивается мысль, что, когда у насъ со стороны извѣстныхъ круговъ говорятъ, что Россія не можетъ руководствоваться западными образцами, западными теоріями, то эти люди, въ сущности, проникнуты сами западными теоріями, но лишь болѣе поздняго происхожденія. Разумѣется, не надо забывать, что при всей общности политическихъ теорій Запада и Россіи въ развитіи этихъ странъ есть существенныя различія и особенности.

Тѣ силы, которыя конкурировали съ монархіей до окончательнаго установленія абсолютизма въ Россіи, были у насъ гораздо слабѣе, чѣмъ на Западѣ. Правда, и у насъ была страничка борьбы городской общины, но побѣда надъ нею абсолютизма была у насъ гораздо легче, чѣмъ на Западѣ, и господство его было прочнѣе и продолжительнѣе.

Но монархическое направленіе или абсолютизмъ въ Россіи вовсе не обладало той безспорностью въ общественномъ признаніи, какая ему часто приписывается. Сторонники этого направленія—иногда даже его противники—думаютъ, что наша исторія не знаетъ зачатковъ конституціонализма въ разныя эпохи борьбы за ограниченіе власти монарха, но это совершенно невѣрно.

Въ нашей исторіи мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ попытокъ ограниченія самодержавія. Въ данныхъ очеркахъ мы остановимся лишь на важнѣйшихъ моментахъ столкновенія русскаго аб-

солютизма съ конституціонной мыслью, съ различными ограничительными замыслами, съ оппозиціоннымъ и революціоннымъ движеніемъ.

Но такъ какъ конституціонные замыслы выходили изъ различныхъ слоевъ русскаго народа и оказывали тѣмъ большее вліяніе, чѣмъ сильнѣе были выдвигавшіе ихъ слои, то необходимо вскользь познаться и съ положеніемъ этихъ слоевъ съ ихъ вкусами, навыками и развитіемъ.

Намъ думается, что длинную историческую цѣпь конституціонныхъ попытокъ всего лучше раздѣлить на 3 періода: 1) на періодъ ограничительныхъ замысловъ, исходящихъ, главнымъ образомъ, изъ среды боярства; это періодъ отъ смутнаго времени до воцаренія Анны Іоанновны въ 1730 г.; 2) на періодъ развитія оппозиціонной мысли въ интеллигентныхъ кругахъ болѣе широкаго дворянскаго класса, закончившійся возстаніемъ декабристовъ въ 1825 году и, наконецъ, 3) на періодъ вовлеченія въ борьбу народныхъ массъ, средняго обывателя, закончившійся, происходящимъ на нашихъ глазахъ, освободительнымъ движеніемъ, манифестомъ 17 октября и современнымъ состояніемъ русскихъ государственныхъ порядковъ.

Въ трехъ движеніяхъ—каждое черезъ столѣтній промежутокъ подготовительной работы накопленія энергіи, со строгой послѣдовательностью выступаетъ одна за другой группа, причемъ движеніе дѣлается тѣмъ болѣе сильнымъ, тѣмъ глубже проникаетъ въ тѣло русскаго государственнаго организма, чѣмъ болѣе широкий кругъ лицъ въ немъ участвуетъ и, наконецъ, становится народнымъ.

Первыми выступили въ борьбу за ограниченіе самодержавной власти бояре. За ними настала очередь за передовыми элементами болѣе широкаго класса—дворянства и, наконецъ, на нашихъ гла-

захъ въ движеніе вмѣшались народныя массы и придали ему совершенно особый видъ и характеръ.

Государственное устройство Россіи настоящаго времени есть только первый шагъ къ свободѣ, сдѣланный рядовымъ обывателемъ. Слишкомъ много прошло неизгладимаго, незабываемаго передъ обывателемъ, еще недавно скрытое стало всемъ извѣстнымъ, а однажды раскрывшіеся глаза не утратили и не утратятъ способности видѣть...

9

ГЛАВА I.

Б о я р с т в о .

Власть великаго князя московскаго, будучи внѣшнимъ выраженіемъ сконцентрировавшихся народныхъ силъ для борьбы съ иноземными врагами, главнымъ образомъ, съ татарами, и ставшая самодержавной, нашла свое завершеніе въ лицѣ Иоанна Грознаго.

Но съ момента паденія внѣшней опасности эта власть стала терять свое логическое обоснованіе и историческое оправданіе.

А рядомъ съ нею нарождалась новая сила—боярство. Хотя московское боярство, впитавшее въ свои ряды многочисленныхъ потомковъ прежнихъ владѣтелей Руси—удѣльныхъ князей—моцью царя сдерживалось въ извѣстныхъ границахъ и рѣдко осмѣливалось открыто протестовать, но оно не стало молчать, когда самодержавная власть стала проводить въ жизнь начала, неугодные сословію. Боярство было общественнымъ классомъ, съ великими притязаніями, имѣвшими историческую основу.

Какъ мѣстное, такъ и центральное управленіе находилось фактически въ его рукахъ. Хотя Русь была объединена московскими князьями, но, полагаеть В. О. Ключевскій, бояре смотрѣли на свое правительственное значеніе, какъ на политическое право, унаслѣдованное отъ предковъ, бывшихъ князей и господъ Руси. Отсюда мѣстничество, т. е. споръ о породѣ, ибо съ породою соединялось соот-

вѣтствующее количество политическихъ правъ. Юридически московскій государь правилъ своимъ государствомъ неограниченно, но, въ силу обычая, дѣлился властью съ боярствомъ. Аристократія была необходимымъ элементомъ управленія, безъ котораго нельзя обойтись. Самые успѣхи самодержавія объясняются, главнымъ образомъ, содѣйствіемъ боярства. Великіе князья понимали это и Димитрій, умирая, даетъ такое завѣщаніе своимъ дѣтямъ: „Бояре своя любите, честь имъ достойную воздавайте, противу служенія и безъ воли ихъ ничтоже творите“. При Іоаннѣ Ш всѣ важнѣйшіе акты совершались съ боярами. Даже женитьбу на Софіи Палеологъ онъ предпринялъ, „подумавъ о семъ съ митрополитомъ, матерью своею и боярами“. Самое учрежденіе опричины при Грозномъ не есть ли признаніе самодержавной власти всемогущества боярства, 20 городовъ выдѣлила власть царя себѣ изъ общаго управленія находящагося въ рукахъ боярства. Это была особая область государя. Остальное государство—„земщина“ было въ рукахъ бояръ. Царь ненавидѣлъ бояръ и не могъ обойтись безъ нихъ, хотя бы потому, что въ государствѣ не было иного способнаго къ управленію класса. Въ правительствѣ центральнымъ руководящее значеніе имѣла боярская дума. Объ ея законодательной дѣятельности царскій судебникъ говоритъ: „а которыя будутъ дѣла новыя, а въ семъ судебникѣ не написаны и какъ тѣ дѣла съ государеву указу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся,—тѣ дѣла въ семъ судебникѣ приписывати“. (Ст. 98 ул. царя Ал. Мих.). Итакъ, законъ есть нераздѣльный результатъ дѣятельности царя съ Думой. Но и всѣ задачи внѣшней политики рѣшались Думою во главѣ съ государемъ. Для суда и администраціи Дума была высшимъ органомъ, издающимъ законы и приказанія. Нельзя выяснитъ ограничивала ли Дума власть царя, но, несомнѣнно, она способствовала среди боярства выработкѣ

извѣстныхъ политическихъ требованій. Вліяніе Думы, подобно вліянію римскаго сената на магистраты, было чисто фактическимъ—юридически ея права не были облечены въ какую-нибудь правовую формулу. Она была лишь отраженіемъ фактическаго соотношенія силъ въ московскомъ обществѣ и стала постепенно утрачивать свои права и значеніе лишь только стало слабѣть и хирѣть боярство. Но по мѣрѣ утраты былаго вліянія, растетъ число недовольныхъ среди боярства. Тайная оппозиція политикѣ царя возникаетъ ужь при Юаннѣ III. Не смѣя выступить открыто, она уходитъ въ подполье и въ началѣ глухо, потомъ настойчиво-протестующе раздается ея голосъ среди недовольнаго боярства.

Грозный не могъ не знать о существованіи такой оппозиціи. Въ малолѣтство его обстоятельства склонили вѣсы въ пользу бояръ—въ результатѣ наряду съ крайними злоупотребленіями бояркой власти, тягостной для другихъ сословій — самъ самолюбивый Грозный оставался въ тѣни. Воцарившись въ 1547 году, царь открываетъ сознательную борьбу съ боярскою знатію. Онъ призываетъ къ себѣ „худородныхъ людей“, обращается къ Совѣту Всей Земли (зем. соб.), и примааетъ цѣлый рядъ мѣръ, ограничивающихъ значеніе бояръ. Число членовъ изъ бояръ въ Боярской Думѣ при Грозномъ уменьшилось вдвое, но зато увеличилась неродовитая часть въ ея составѣ. Грозный понималъ серьезность борьбы съ боярствомъ и его подозрительность даже преувеличивала опасность. Дошло до того, что онъ серьезно думалъ о непрочности своего положенія, особенно въ послѣдніе годы. Эта мысль звучитъ въ его завѣщаніи отъ 1572 года, гдѣ онъ жалуется, что люди воздали ему зломъ за благодѣянія—ненавистью за любовь. Онъ даже изгнанъ отъ бояръ „самовольства ихъ ради“. Даже о своихъ совѣтчикахъ лучшаго времени онъ думаетъ, что они „попустились на его

власть и стали тайно совѣщаться о государевыхъ дѣлахъ и снимать власть съ него“. Мысль о непрочности положенія заставляеть его подумать на случай изгнанія объ убѣжищѣ (сношенія съ Англіей).

(Проф. Сергѣевичъ думаетъ, что Сильвестръ съ „угодниками“ дѣйствительно провели въ судебникѣ ограниченіе Верховной власти).

Объявивъ войну боярству, Грозный не могъ еще опереться на органически складывающійся другой классъ—вотчинниковъ—и для своей безопасности создаетъ искусственную организацію—опричину, появленіе которой С. Соловьевъ объясняетъ, какъ формальную попытку отдѣлиться отъ ненадежнаго правительственнаго класса. Остановимся на этомъ, ранѣе затронутомъ вопросѣ, нѣсколько подробнѣе. Нашими историками уяснены задачи такъ наз. „опричины“. Царь приказалъ конфисковать, т. е. „описать на государя“, какъ разъ всѣ тѣ земли, которыя принадлежали еще наиболѣе виднымъ фамиліямъ боярства и „служилыхъ“ князей, сохранившихъ въ своихъ рукахъ значительныя земельныя богатства. Интересно отмѣтить, что отъ опричины погибли представители наиболѣе знатныхъ фамилій и остались лишь младшіе потомки бояро-княжескихъ фамилій, вынужденные смириться передъ царемъ. „Тогда-то,—говоритъ Котошихинъ,—знатные роды многіе безъ остатку миновались“.

Въ опричинѣ Іоаннъ надѣялся осуществить свой идеаль, но, оставляя земщину въ рукахъ бояръ, царь какъ будто бы призналъ себя побѣжденнымъ. Онъ пускаетъ въ ходъ жестокія казни и гоненія съ сознательной цѣлью освободиться отъ своихъ обязательныхъ сотрудниковъ—„не держать при себѣ совѣтниковъ умнѣ себя“. Интересно остановиться на его идеологіи самодержавной власти. Грозный все время борется съ тенденціями, господствующими въ боярской средѣ. Съ болѣзненною настойчи-

востью, при всякомъ удобномъ случаѣ, Іоаннъ подчеркиваетъ неограниченность своей власти, не признавая никого себѣ равнымъ изъ европейскихъ государей—развѣ лишь турецкаго султана. Эта идея неограниченности и самодержавной власти великаго государя ясно выражена въ отзывахъ объ Елизаветѣ Англійской, и въ письмѣ къ Баторію, и въ перепискѣ съ Курбскимъ. Сравнивая себя съ англійской королевой, онъ называетъ ее „подлой дѣвкой“, т. е. низкаго происхожденія... Думая кольнуть и оскорбить Баторію, онъ въ письмѣ къ нему называетъ себя царемъ „по Божьему изволенію, а не по многмятежному человѣческому хотѣнію“... Известно, что Баторій отвѣтилъ ему письмомъ, въ которомъ смѣялся надъ тѣмъ, что онъ производитъ себя отъ Августа, осмѣивалъ его титуль, укорялъ тѣмъ, что мать его была дочерью литовскаго перебѣжчика...

Переписка же Грознаго съ Курбскимъ представляетъ изъ себя драгоценный матеріаль—въ ней выразились сокровенныя желанія и взгляды ашолота самодержавія Грознаго, вооруженнаго научнымъ багажомъ XVI вѣка и оппозиціонера-писателя Курбскаго,—представителя недовольнаго боярства.

Грозный подробно развиваетъ теорію о томъ, что онъ „царь Божьею милостью“, преемникъ князей, императоровъ, государей Рима—Москвы. Назначеніе царя покровительствовать благимъ и карать злыхъ...

Царская власть зависитъ отъ Бога и судъ надъ нею принадлежитъ только Богу. (Чѣмъ эта идеология отличается отъ мотивовъ Западнаго абсолютизма?). Съ горькой ироніей обличаетъ Грозный злоупотребленія боярскія и покушенія подчинить его своей власти.

Оппонентъ Грознаго Курбскій не былъ просто бояриномъ. Защищая права высшаго сословія на обязательное участіе въ совѣтахъ государя, какъ

потомокъ удѣльныхъ князей, онъ не могъ забыть побѣды Москвы. Все хорошее онъ приписываетъ совѣтникамъ Иоанна, а его считаетъ только тираномъ. Онъ упрекаетъ Иоанна въ томъ, что послѣдній „затворилъ царство русское, сирѣчь свободное, естество человѣческое, аки во адовѣ твердыни“. Но особенно указываетъ на то, что царь долженъ править не единолично, а при посредствѣ и по совѣту съ боярами. Однако, Курбскій и на этомъ не останавливается. Царь только тогда счастливъ въ своихъ политическихъ начинаніяхъ, когда „со избранными мужи избраненъ будетъ“, но онъ утратить могущество, если вмѣсто прежнихъ избранныхъ мужей, не боящихся говорить правду, окружить себя „прескверными паразитами и маньяками“.

„Исторія Великаго Князя Московскаго“ есть памфлетъ Курбскаго на ту же тему. Изъ переписки Курбскаго нельзя вывести заключеніе, что онъ стоитъ только за олигархическій совѣтъ. Царь долженъ искать добраго и хорошаго не только у совѣтниковъ, т. е. у „думцевъ“, но и у „всенародныхъ человѣкъ“, т. к. „даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, а по правости душевной“. Отсюда, быть-можетъ, не будетъ натяжкой вывести, что Курбскій имѣетъ въ виду совѣщательное участіе въ государственныхъ дѣлахъ тогдашняго общества черезъ посредство призванныхъ къ этому по своимъ внутреннимъ способностямъ людей. Таковы были требованія княжеской титулированной оппозиціи, однако, и тогда уже стала намѣчаться другого рода оппозиціонная струя, выходящая изъ среды потомковъ удѣльныхъ кочующихъ дружинъ, создавшихъ себѣ утопическій идеаль на началахъ удѣльной свободы и понявшихъ слишкомъ поздно, что единодержавіе несовмѣстимо со свободою. Взгляды этой группы выражены въ апокрифической „Валаамской бесѣдѣ“. Оба этихъ оппозиціонныхъ направленія указы-

вають на крайнюю изнурительность самодержавнаго режима для населенія и на несоотвѣтствіе общихъ основаній московскихъ порядковъ съ ихъ политическими идеалами.

Содержа сходныя съ желаніями Курбскаго требованія, „Валаамская бесѣда“ по вопросу объ участіи всего общества посредствомъ выборныхъ въ государственномъ управленіи, идетъ дальше Курбскаго. Неизвѣстный авторъ рекомендуетъ царю учредить „единомысленный вселенскій соборъ“... „отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безо величества и безо высокоумія гордости, хриstopодобною, смиренной мудростью, безпрестанно всегда держати при собѣ и собѣ ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добръ и добръ распросити царю самому... про всякое дѣло міра сего“. Итакъ „ото всякихъ мѣръ всякіе люди“, т. е. всѣ классы общества должны быть призваны къ общественной самодѣятельности. Этотъ широкій и смѣлый планъ совмѣстной дѣятельности правительства и общества, исходящій изъ среды рѣзкой антиправительственной оппозиціи въ корнѣ подрывалъ всю систему московскихъ порядковъ.

По смерти Грознаго, съ прекращеніемъ династіи и началомъ всеобщей смуты, на арену общественной дѣятельности выдвигается новый правящій классъ, а на престолѣ появляется Борисъ Годуновъ, избранный „Соборомъ“. Его правительство дѣйствуетъ въ пользу средняго класса, для видимости беря на себя роль заступниковъ и попечителей широкихъ народныхъ массъ. Съ самаго начала царствованія, еще не вступивъ на престолъ, во время торжественнаго вѣнчанія, обращаясь къ патріарху, Борисъ сказалъ: „Отче Великій патріархъ Іовъ, Богъ—свидѣтель сему—никто-же убо будетъ въ моемъ „царствіи нищъ и убогъ“... „И сію послѣднюю,—добавилъ царь, тряса воротъ рубашки,—раздѣлю со всѣми“.

Характерно отмѣтить и тѣ милости, которыми, обойдя боярство, были осыпаны второстепенные незначительные люди. Служилымъ людямъ было выдано двухгодовое жалованье, купцы получили право беспошлинно торговать два года, землевладельцы на 2 года освобождались отъ податей и даже есть извѣстіе, что было опредѣлено сколько дней должно было работать крестьянамъ на помѣщиковъ. Еще до вѣнчанія на царство, когда Борисъ остановился съ громаднымъ войскомъ въ Серпуховѣ, идя противъ Крымскаго хана Казы-Гирея, онъ былъ до расточительности щедръ къ служилымъ людямъ. Современники передаютъ, что у него ежедневно бывали обѣды на 70,000 человекъ и „что онъ подавалъ ратнымъ людямъ и всякимъ въ Серпуховѣ жалованье и милость великую“.

Борисъ шелъ къ своей цѣли, а новой политической силѣ—военнослуживому сословію—былъ выгоденъ такой именно царь. И Борисъ могъ опираться на это сословіе въ борьбѣ съ боярами, не дружески, а смотрѣвшими на вновь возстановленное самовластіе, „Всеѣ они, т. е. служилые люди,—добавляетъ лѣтописецъ,—обрадовались, чаяли и впередъ отъ него себѣ такого же жалованья“.

Такъ самодержавная власть внѣшними знаками расположенія спѣшила оправдать довѣріе, выставившаго ее сословія. Царь Борисъ является ставленникомъ новой государственной силы, пришедшей въ столкновение съ боярствомъ. Свои интересы онъ связываетъ не съ интересами бояръ, а съ интересами этой силы. Сословіе его энергично поддерживаетъ, ибо съ возвеличеніемъ власти монарха падало значеніе могущественнаго, хотя и малочисленнаго послѣ Грознаго, боярства, члены котораго сводились на степень простыхъ подданныхъ, а вмѣстѣ съ паденіемъ боярства возрастало значеніе болѣе многочисленнаго класса царскихъ слугъ—служилаго сословія.

Мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, ибо на сценѣ русской исторической жизни это сословіе не является уже на второстепенныхъ роляхъ, а играетъ, хотя и временно, самую главную роль: оно избираетъ царя.

Выступивъ впервые въ главной роли, новый классъ начинаетъ сознавать себя силой, начинаетъ приобретать тѣ или иные политическіе вкусы и навыки...

Боярство и дворянство не идутъ нога въ ногу: по временамъ одни разрушаютъ то, что сдѣлано другими. Это отразилось и на ихъ отношеніяхъ къ самодержавію. Впослѣдствіи мы видимъ два проекта ограниченія верховной власти: боярскій—записъ, взятая съ Шуйскаго, и дворянскій—съ Владислава.

Заигрывая со служилымъ классомъ, въ совершенно иное отношеніе всталъ Борисъ къ боярамъ. Чувя ропотъ бояръ, увидѣвшихъ, что новый выбранный царь не оправдалъ ихъ тайныхъ ожиданій и править такъ же самовластно, какъ и Грозный, Борисъ принялъ мѣры противъ ихъ козней... Съѣтъ тайнаго полицейскаго доноса слѣдила за каждымъ шагомъ бояръ. За доносами слѣдовали пытки и казни, а доноскики — большею частью холопы тѣхъ же бояръ — награждались. Говоря другими словами, Борисъ прибѣгалъ къ тѣмъ же мѣрамъ борьбы съ боярствомъ, что и Грозный, но такъ же, какъ и послѣдній, не былъ въ состояніи обойтись безъ бояръ. Грозный лишь дѣйствовалъ откровеннѣе. Политика же Бориса была проникнута макіавелевскимъ духомъ: заигрывая со среднимъ и даже съ низшимъ слоемъ населенія, стараясь услужить служилымъ и торговымъ людямъ, онъ въ то же время терроризуетъ боярство.

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ значенія боярства оставалась въ тѣни и идея ограниченія самодержавной власти. Но временно заглушенная въ со-

словіи, она получаетъ свое практическое осуществленіе при Василии Ивановичѣ Шуйскомъ. Этотъ государь уже не является, какъ Годуновъ, ставленникомъ „всей земли“, его возвышеніе есть дѣло лицъ, окружавшихъ тронъ, изъ среды которыхъ онъ вышелъ самъ,—дѣло боярскихъ рукъ. Въ широкихъ же слояхъ населенія и въ служиломъ сословіи Шуйскаго не любили. Въ Новгородѣ противъ него боролась сильная партія, а въ Псковѣ его ненавидѣли за корыстолюбіе его родственниковъ—псковскихъ воеводъ. И царемъ онъ сдѣлался заговоромъ, даже безъ согласія всѣхъ жителей Москвы—это былъ царь боярскій, „царь партіи“, какъ выразился Соловьевъ. (Томъ 8, гл. 3).

Но хотя за него стояла и незначительная по своей численности, но сильная по своему удѣльному вѣсу и рѣшительная въ той замѣшавшейся смутѣ боярская партія, однако, необходимость опереться и на служилое сословіе и тѣмъ придать законность своему избранію, заставила его прибѣгнуть къ обману. Въ извѣщеніи о своемъ царствованіи онъ старается доказать, что вступилъ на престолъ „за моленіемъ всего освященнаго собора, по челобитью и прошенію всего православнаго христіанства“.

Далѣе оглашается его политическая программа „И нынѣ мы, великій государь, будучи на престолѣ Россійскаго царства, хотимъ того, чтобы православное христіанство было нашимъ доброоопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ, въ покоѣ, въ благоденствіи и повелѣлъ я, царь и великій государь, всякаго человѣка, не осудя *истиннымъ судомъ съ боярами своими* смерти не предавать, вотчинъ, дворовъ и животовъ у братьевъ его, у женъ и дѣтей не отнимать, если они съ нимъ въ мысли не были, также у гостей и у торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертной вины, и послѣ ихъ у женъ и дѣтей дворовъ, лавокъ и животовъ не отнимать,

если они съ нимъ въ этой винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушать, а сыскивать всякимъ сыскомъ накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не погибло... На томъ на всемъ, что въ сей записи написано я, царь и великій князь Василій Іоановичъ, цѣлую крестъ *всѣмъ православнымъ христіанамъ*, что мнѣ ихъ жа-луя судить истиннымъ праведнымъ судомъ и безъ вины ни на кого опалы своей не класть, и недругамъ никого въ неправдѣ не подавать и отъ всякаго насильства оберегать“.

Характерный разсказъ приводитъ лѣтописецъ, что какъ только Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ, то началъ говорить въ Успенскомъ соборѣ то, что „искони вѣковъ не важивалось“: „цѣлую крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать ничего дурного безъ *собора*“... Но,—добавляетъ лѣтописецъ,—бояре и всякіе люди говорили, чтобы онъ такъ не присягалъ.

Если этотъ разсказъ лѣтописца справедливъ, то выходитъ, что Шуйскій въ храмѣ обѣщался не приносить смертнаго приговора безъ *собора*, въ грамотѣ же вмѣсто слова „собора“ поставлено „не осудя съ боярами своими“. Сопоставляя эти два выраженія и анализируя ходъ событій и содержаніе грамоты, нѣкоторые ученые предполагаютъ слѣдующее: питрый Шуйскій хотѣлъ юридически ограничить свою власть не боярской думой, а земскимъ соборомъ, зная, что соборы часто созывать не придется и онъ будетъ свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Его присяга „всей земли“ была политическимъ ударомъ по боярамъ. Боярское же правительство Василя нашло болѣе удобнымъ скрыть, что произошло въ Успенскомъ соборѣ, объявивъ, что онъ „поволилъ раздѣлить власть съ боярами“, а не съ собраніемъ людей...

Съ юридической стороны, конечно, самый договоръ, если это происшествіе правильно нами понимается, показываетъ еще малое развитіе боярской политической мысли. Всѣ статьи его направлены къ охраненію произвола противъ личности и имущества. Русскому боярству далеко еще было до англійскихъ бароновъ при Іоаннѣ.

Но нужно отдать справедливость боярству. Сравнивая его стремленія съ желаніями вотчинниковъ, мы видимъ, что въ вопросахъ политическаго государственнаго переустройства оно шло впереди другихъ сословій. Оно выбирало и устраняло кандидатовъ въ цари, оно первое задумало ограничить власть царя формальными актами. И въ то же время въ сущности боярство боролось за старину, по отношенію къ которому самодержавіе было новымъ фактомъ, невиданнымъ на Руси явленіемъ.

Здѣсь исторія даетъ удивительный примѣръ, какъ иногда консервативная борьба за старину въ то же время служила либеральной идеѣ ограниченія самодержавія. Для насъ же неважно изъ какихъ мотивовъ выходила эта борьба... Мы отмѣчаемъ лишь, что въ вопросахъ государственнаго переустройства боярство шло впереди всѣхъ сословій и первое сдѣлало реальные попытки ограничить самовластіе. Условія, провозглашенныя Василиемъ Шуйскимъ, должны разсматриваться, какъ своеобразная конституція...

Царь обязался править вмѣстѣ съ боярской думой—здѣсь уже видна реальная попытка созданія аристократической конституціи. Эти ограничительныя записи въ миниатюрномъ видѣ есть повтореніе тѣхъ же идей, которыя руководили англійскими баронами, взявшими съ Іоанна Безземельнаго „великую хартію“ вольностей. Хартія эта, въ сущности, заключаетъ такой же договоръ, но условія въ ней были подробнѣе изложены и

точнѣе формулированы, нежели въ запискѣ, взятой съ Василія...

Однако, попытка одного сословія, боярства, была чужда желаніямъ средняго сословія, которое это самодержавной власти не наметало такъ сильно, какъ боярство, а потому и кончилась неудачей.

Какъ извѣстно „боярскій царь“ правилъ недолго, ибо положеніе самого боярства стало не совсѣмъ прочнымъ. Появились признаки соціальной революціи—бѣглеы холопы соединялись подъ знаменемъ Болотникова, военно-служилые — вотчинники подъ знаменемъ Ляпунова... Одно время оба эти класса дѣйствовали дружно—правда, недолго, ибо программы ихъ были противоположны.

Все это расшатывало правительственную систему и ослабляло правящій классъ—боярство, а вмѣстѣ съ нимъ сводило „на-нѣтъ“ и власть ихъ ставленника Шуйскаго.

Ко внутреннимъ затрудненіямъ прибавились и внѣшнія. Весной 1609 года Сигизмундъ вторгся въ предѣлы Россіи и осадилъ Смоленскъ. Русскіе, оставшіеся въ Тушинѣ послѣ „тушинскаго вора“, послали къ Сигизмунду пословъ въ Смоленскъ и, за спиной Василія, пригласили на царство Владислава, если король польскій „прибавитъ народу такія права и вольности, какихъ не было въ Московскомъ государствѣ“. Слѣдующій эпизодъ, закончившійся сверженіемъ Шуйскаго, можетъ служить показателемъ растерянности и безсилія боярства, беспомощности Шуйскаго и примитивности пріемовъ политической борьбы вновь выступившей силы,—служило-вотчиннаго сословія. Послѣ неудачныхъ попытокъ сверженія Шуйскаго, сдѣланныхъ Григ. Самбуловымъ Калычевымъ 17 іюля 1610 г., Захаръ Ляпуновъ ворвался во дворецъ съ толпой приверженцевъ, служило-вотчинниковъ по преимуществу, и сталъ требовать отъ царя, чтобы онъ съжалился надъ гибелью государства и поло-

жилъ посохъ царскій, „а мы ужъ по себѣ поразмыслимъ“. Но Шуйскій уже попривыкъ къ подобнымъ сценамъ. Видя предъ собой буйную толпу „незначительныхъ людей“, онъ думалъ пристращать ихъ окрикомъ... „Смѣлъ ты мнѣ вымолвить это, когда бояре мнѣ ничего такого не говорятъ“, и вынулъ ножъ, чтобы еще болѣе пристращать мятежниковъ. Ляпуновъ, стоящій впереди толпы, сильный и здоровый мужчина, грубо закричалъ на царя: „Не тронь меня, вотъ какъ возьму тебя въ руки, такъ и сомну всего“. Товарищи Ляпунова закричали: „Пойдемъ отсюда“ и вся толпа хлынула на лобное мѣсто. Къ ней отовсюду сбѣгался народъ, пріѣхалъ патріархъ и, такъ какъ было тѣсно, то противники Шуйскаго собрались у Серпуховскихъ воротъ, за Москвой рѣкой, „на просторѣ“ и объявили себя „совѣтомъ всей земли“. Шуйскій былъ низложенъ и немного спустя постриженъ въ монахи.

Боярскій „ограниченный царь“ палъ... Отчего? Не оттого ли, что боярскій классъ не дѣйствовалъ солидарно и дружно, когда въ активныхъ роляхъ выступило на сцену другое сословіе... Къ этому еще присоединилось и дѣйствительно „тѣсное“, т.-е. стѣсненное политическое положеніе, требовавшее на тронѣ незаурядной личности, а Шуйскій оказался не на мѣстѣ и не сумѣлъ найти выходъ изъ создававшагося положенія.

Выступивъ на арену русской политической жизни, служилое сословіе не замедлило заявить свои желанія-требованія въ опредѣленно выраженной формѣ—это договоръ съ Владиславомъ. Эта попытка ограниченія самодержавной власти не имѣла реального воплощенія въ жизни, но, какъ юридическій документъ, представляетъ чрезвычайно любопытный и своеобразный образецъ конституціи, похожей на первоначальныя конституціи Зап. Европы. Причемъ слово „конституція“

вовсе не употребляется въ широкомъ, современномъ смыслѣ этого слова.

Можно думать, что самая попытка была сдѣлана подъ польскимъ вліяніемъ. Польша, ея короли, государственное устройство и ея литература въ то время оказывали громадное вліяніе на русское общество. 31 января 1610 года польскому королю были торжественно представлены послы отъ русскихъ Тушинцевъ. „Явились люди разныхъ чиновъ и приняли на себя представительство Московскаго государства. Здѣсь были: Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князь Василій Михайловичъ Рубецъ-Мосальскій, князь Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, Никита Вельяминовъ, дьяки Грамотинъ, Чичеринъ, Соловецкій, Витовтовъ, Апраксинъ и Юрьевъ, здѣсь были и Михайла Молчановъ, и Тимофей Грязный, и Ѳедоръ Андроновъ, бывший московскій кожевникъ. Дьякъ Грамотинъ отъ имени думы, двора и всѣхъ людей объявилъ, что въ Московскомъ государствѣ желаютъ имѣть царемъ королевича Владислава, если только король сохранитъ нерушимо греческую вѣру, и не только не коснется древнихъ правъ и вольностей Московскаго народа, но еще прибавитъ такія права и вольности, какихъ прежде не бывало въ Московскомъ государствѣ“. Послѣ долгихъ споровъ по поводу принятія Владиславомъ православной вѣры, наконецъ, 4 февраля согласились на слѣдующія условія: 1) Владиславъ долженъ былъ вѣнчаться на царство въ Москвѣ отъ русскаго патріарха, по старому обычаю. 2) Святая вѣра греческаго закона оставалась неприкосновенною, чтобы учителя римскіе, лютеранскіе и другихъ вѣръ раскола церковнаго не чинили. Если люди римской церкви захотятъ приходитъ въ церкви греческія, то должны приходитъ со страхомъ, какъ прилично православнымъ христіанамъ, а не съ гордостью и не въ шапкахъ, псовъ съ собою въ церковь не водили бы

и не сидѣли бы въ церкви въ нешоложенное время. 3) Король и сынъ его обязались чтить гроба и тѣла святыхъ, чтить русское духовенство наравнѣ съ католическимъ и не вмѣшиваться въ дѣла и суды церковные. 4) Обязались не только не трогать имѣній и правъ духовенства, но и распространять ихъ. 5) Въ томъ же самомъ обязались относительно бояръ, окольныхчихъ, всякихъ думныхъ, ближнихъ и приказныхъ людей. 6) Служилымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ жалованье будетъ выдаваемо какъ при прежнихъ законныхъ государяхъ. 7) Точно также будетъ поступаемо съ ружниками и оброчными. 8) Судамъ быть по старинѣ, *перемѣна законовъ зависитъ отъ бояръ и всей земли...* 10) На татарскихъ окраинахъ держать обоимъ государствамъ людей сообща, о чемъ должно переговорить *думнымъ боярамъ* съ панами радными. 11) Никого не казнить, не осудя прежде съ боярами и думными людьми... 14) Подати будутъ собираться по старинѣ, король не можетъ прибавить *никакой новой подати* безъ согласія *думныхъ людей...* Въ 17 условіи говорится: „Холопей—невольниковъ господскихъ оставить въ прежнемъ положеніи, чтобы служили господамъ своимъ попрежнему, а вольностей имъ король давать не будетъ“...

Въ приведенномъ договорѣ, въ изложеніи Соловьева, виденъ уже самостоятельный опытъ построения государственнаго порядка, основаннаго на формальномъ ограниченіи верховной власти... Здѣсь опредѣлялись какъ права всего народа, такъ права и отдѣльныхъ сословій. На первомъ мѣстѣ стоитъ служилый классъ. Верховная власть ограничивается земскими соборами и боярской думой. Земскій соборъ имѣетъ характеръ учредительнаго собранія—перемѣна законовъ зависитъ отъ бояръ и всей земли. На боярской думѣ лежали и законодательныя и правительственныя функціи: вопросы о налогахъ, о жалованіи служилымъ

людямъ, объ ихъ намѣстяхъ и вотчинахъ. Государь безъ согласенія думы не вводитъ новыхъ податей и никакихъ вообще переменъ въ налוגахъ, установленныхъ прежними государями. Дума же принадлежитъ и высшая судебная власть, такъ какъ безъ слѣдствія и суда „съ боярами своими“ государь не можетъ ни чести лишать, ни въ ссылку ссылатъ, великихъ чиновъ людей не понижать, а меньшихъ не возвышать—все эти дѣла, какъ и дѣла по наслѣдству, дѣлать по приговору боярскихъ и думскихъ людей.. Въ договорѣ, какъ видимъ, довольно подробно формулированъ авторитетъ земскаго совѣта и думы.. Впослѣдствіи договоръ Салтыкова былъ принятъ и московскимъ боярствомъ съ небольшими поправками.. Въ конституціи Владислава выразились буржуазныя вождѣнія средняго класса того времени—служилаго дворянства, главнымъ образомъ. Въ политическомъ отношеніи договоръ представляетъ большой шагъ впередъ сравнительно съ договоромъ, заключеннымъ съ Шуйскимъ. Но въ социальномъ отношеніи договоръ былъ глубоко консервативенъ — „холопей—невольниковъ господскихъ оставить въ прежнемъ положеніи“.

Такая программа ничего не давала низшему классу и даже ухудшала положеніе послѣдняго. А во всеобщемъ броженіи смутнаго времени выступилъ на сцену и низшій классъ... Толпами шли къ „Тушинскому Вору“, стекались подъ знамена Болотникова, въ разныхъ городахъ вѣшали воеводъ и бояръ.. Социальная опасность угрожала и боярскому, и вотчинному сословію. На время договоръ съ Владиславомъ—произведеніе рукъ не боярскихъ—принимается боярствомъ, какъ единственное средство спасенія. Оба высшихъ класса временно соединяются противъ низшихъ, „ибо лучше быть подъ властью иноземнаго государя, чѣмъ въ не-

волѣ у своихъ собственныхъ холоповъ“, какъ тогда говорили.

Полное разстройство государства, угрожавшее всѣмъ сословіямъ, оскорбительныя вторженія иноземцевъ, поруганія вѣры, отсутствіе элементарной безопасности жизни и имущества—война всѣхъ противъ всѣхъ—все это заставило высшія сословія соединиться, чтобы общими усиліями стряхнуть опасность, угрожающую всѣмъ. Временнымъ правительствомъ сталъ земскій соборъ и на немъ было рѣшено прибѣгнуть къ „истинно-русскому исконному началу“—избранію государя сообразно желаніямъ „всей земли“. Избирательное начало, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, было освящено уже силою священнаго событія.. И вообще, въ русской исторіи дальнихъ лѣтъ право народа избирать себѣ царя не подвергалось сомнѣнію. По мнѣнію консервативнаго историка-юриста проф. Сергѣевича, „оно имѣло мѣсто не только въ тѣхъ случаяхъ, когда государь не оставлялъ послѣ себя наслѣдниковъ, но и тогда, когда наслѣдники были налицо.—Алексѣй Михайловичъ былъ назначенъ отцомъ и избранъ; по смерти Ѳедора Алексѣевича остались два его брата: Иванъ и Петръ, изъ которыхъ Петръ и былъ избранъ на царство. Тѣмъ не обходимѣе было избраніе по прекращеніи царскаго потомства, такъ были избраны: Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, Владиславъ Польскій и Михаилъ Романовъ... Избраніе государя происходило на земскихъ соборахъ... они до времени избранія его пользовались полнотою власти, принимали всякія мѣры, необходимыя для безопасности государства“...

Временное соборное правительство избрало царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Большинство участниковъ собора были лица служилатаго сословія. Боярство же тѣмъ охотнѣе согласилось на избраніе Романова, что онъ представлялся ему незначительной и хилой личностью со слабымъ

здоровьемъ изъ не особенно титулованнаго и богатаго рода. Бояре думали, что значеніе сословія при немъ не пострадало бы. Поэтому избраніе было дружнымъ дѣломъ всѣхъ сословій, да и общее броженіе — неустройство внутри, внѣшняя беспомощность, угрожавшая самому существованію государства и, одинаково, всѣмъ находящимся въ немъ сословіямъ—заставило ихъ на время соединиться, забыть старыя распри и остановиться на популярномъ кандидатѣ, удобопріемлемомъ какъ для бояръ, такъ и для служилыхъ людей.

Несмотря на эту общепризнанность, — дать безграничную власть новому царю боялись. Это было не выгодно и боярамъ, и болѣе дальновиднымъ элементамъ служилаго класса, входящаго тогда уже въ составъ правительственнаго организма.

Съ разныхъ сторонъ идутъ извѣстія о томъ, что первый царь новой династіи самодержцемъ по идеѣ избранія не былъ, такъ какъ принялъ на себя нѣкоторыя обязательства. Русскій историкъ прошлаго вѣка Татищевъ, пользовавшійся историческими документами, впоследствии странно исчезнувшими, пишетъ, что, хотя „избраніе царя Михаила Феодоровича было порядочно всенародно, ознако, съ такою же записью, какая была взята съ царя Шуйскаго, черезъ что самъ онъ ничего учинить не могъ, но радъ былъ покою“. Откуда получилъ эти свѣдѣнія Татищевъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Профессоръ Ключевскій приводитъ еще свидѣтельство одного „современника-псковитянина“, составившаго прекрасную повѣсть о смутномъ времени. Онъ съ прискорбіемъ сообщаетъ, что при этомъ царѣ „*бояре всей русской землей обладали, царя ни во что не ставили и не боялись*“. Повѣствователь добавляетъ, что при избраніи царя Михаила Феодоровича они заставили его цѣловать крестъ о томъ, чтобы никого изъ людей боярскихъ не казнить смертию, а только ссылать.

Также и известный подъячий посольскаго приказа Котошихинъ, бѣжавшій изъ московскаго государства въ 1664 году, т.-е. спустя только 10 лѣтъ по смерти перваго царя новой династїи, въ своемъ описанїи московскаго государства, также ставитъ Михаила Феодоровича въ ряду тѣхъ царей, которые прежде избирались на престолъ съ ограниченїемъ власти. Требованїя къ царю были предъявлены почти тѣ же, что ранѣе къ Шуйскому и Владиславу. Государь не могъ безъ суда и безъ вины „ни казнить никого ни за что и мыслить о всякихъ дѣлахъ съ боярами и думными людьми сообща и безъ вѣдома ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать“ и хотя „онъ самодержецъ и писался, однако, безъ боярскаго совѣта не могъ дѣлать ничего“. Едва ли, что можетъ быть яснѣе этого свидѣтельства. Консервативные историки, напр., проф. Платоновъ—не согласны съ Котошихинымъ относительно ограниченїя самодержавной власти.

„На нашъ взглядъ слухи всѣ пошли отъ того факта, что при Михаилѣ Феодоровичѣ всѣ дѣла рѣшались „общимъ совѣтомъ“, чтобы крѣпче было въ интересахъ земли и власти. Этотъ „общій совѣтъ“ не сталъ въ собственномъ смыслѣ правительствомъ, но лишь оставилъ по себѣ память, которую Котошихинъ и выразилъ словами: „безъ боярскаго совѣта не могъ дѣлать ничего“. Это смутное воспоминанїе выразилось у Фоккердотта, смѣшавшаго думу съ соборомъ.. Онъ слышалъ, что дѣйствовало что-то болѣе широкое, чѣмъ дума и назвалъ это „сенатомъ или соборомъ“.. Точно также провинціаль-псковичъ, зная о постоянной въ его время тенденціи боярства къ ограниченїямъ и видя, что боярство забрало прежнюю волю, „емлетъ мзду“, и остается безнаказаннымъ, естественно могъ заключить, что оно теперь въ силѣ и формально. Вотъ какъ можно объяснить слухи объ ограниченїи“.. Изъ этой выдержки можно усмо-

трѣть, что проф. Платоновъ основывается не на точныхъ данныхъ, а на своихъ произвольныхъ предположеніяхъ. Вопросъ этотъ въ исторической наукѣ подробно не разработанъ и, на нашъ взглядъ, всего правильнѣе среднее мнѣніе Соловьева, что существовало большинство и меньшинство. Первоначально ограничительныя условія были предложены по инициативѣ меньшинства. Но такъ какъ большинство крѣпко стояло за государя, уже натерпѣвшись отъ неурядицы, то постепенно ограниченія стирались и государь становился самовластнымъ. Во всякомъ случаѣ, если и было ограниченіе, то лишь на первыхъ порахъ.

Царствованіе Михаила было временемъ усиленной дѣятельности Земскихъ Соборовъ, рѣшавшихъ такіе вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ о налогахъ.. Нѣкоторые намеки на ограничительныя условія мы можемъ встрѣтить и въ дѣятельности правительства Михаила. Такъ, англійское правительство въ лицѣ своего агента Джона Мерики обратилось къ московскому съ нѣкоторыми предложеніями, направленными къ развитію восточной торговли Англійи. Оно просило разрѣшенія ѣздить по Волгѣ въ Персію, искать рѣкою Обью (?) дороги въ Индію, около Вологодской губерніи сѣять ленъ, ткать полотно, т.-е. иностранцы просили доступа для своихъ дѣлъ во внутреннія области государства. Вопросъ былъ очень важный по тому времени. Дума отвѣтила, что „такого дѣла теперь рѣшить *безъ совѣта всего государства* нельзя ни по одной статьѣ“.

Историкъ Соловьевъ полагаетъ, что договоръ, заключенный съ Михаиломъ былъ, вѣроятно, такой же, какъ и съ Шуйскимъ, но дума дѣйствовала сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами. „Однако и сынъ Михаила, Алексѣй былъ также избранъ на царство. Послѣ этого—избранія на время прекращаются“.

Съ избраніемъ же царя изъ двухъ претендентовъ на престолъ: Ивана и Петра—послѣдняго—избирательное начало всей земли прекратилось вмѣстѣ съ прекращеніемъ земскихъ соборовъ и въ Россіи утвердился абсолютизмъ.

Переходя къ Россіи, обновленной Петромъ, мы должны сдѣлать нѣсколько предпосылокъ.

Въ эпоху царя Алексѣя Михайловича русское общество было замкнуто въ сословія, связанные своими специальными повинностями. Каждому сословію былъ данъ свой „урокъ“. Военно-служилое сословіе должно было воевать, купцы торговать и платить, главнымъ образомъ, подати, крестьяне пахать землю. А надъ всѣми этими сословіями стояли управители—бояре. Но, по мѣрѣ того, какъ хирѣло и разсыпалось старое боярство, уже въ XVII вѣкѣ начинаетъ выдвигаться военно-вотчинное сословіе—дворянство.

Петръ задумалъ вывести Россію изъ вѣковой обособленности—прорубить окно въ Европу, и ему это удалось. Теперь уже Европа простиралась до Урала, раздѣляясь на двѣ части: на Европу Западную—романскую и германскую, и Восточную—славянскую. Представителемъ же славянства—являлась Россія. Когда Россія вступила въ международный европейскій кругъ,—положеніе ея было довольно неопредѣленно. У нея не было давнишнихъ хорошихъ друзей, но были худшіе враги: Турція и Швеція. Передъ старой романской Европой съ накопленнымъ огромнымъ запасомъ знаній предстала Европа славянская—бѣдная знаніями, съ одними способностями.

Ставъ не только сосѣдкой, но и соперницей—Восточная Европа должна была напрягать всѣ свои силы, чтобы не быть поглощенной Западной. Петръ Великій въ своей дѣятельности долженъ былъ опереться на извѣстную группу населенія, на извѣстный классъ, который могъ бы

позаимствовать силу Западной Европы—ея знанія,—который могъ бы быть проводникомъ приобрѣтѣннаго Западной Европой опыта и знанія, безъ помощи котораго вновь выступившей Европѣ Восточной нельзя было обойтись. Такимъ сословіемъ и явилось дворянство. Поэтому на него теперь накладывается еще новая—„учебная повинность“.

Но такъ какъ большее количество повинностей естественно вызываетъ и стремленіе получить большее же количество политическихъ правъ, то сословіе, прибрѣтая ихъ постепенно, крѣпнеть и претендуетъ уже на исключительную роль въ государствѣ. Если ранѣе доминирующую роль играло боярство, а служилое сословіе было скорѣе орудіемъ въ его рукахъ для проведенія различныхъ государственныхъ плановъ, то теперь дворянство въ лицѣ своей гвардіи уже, вопреки волѣ остатковъ знати, распоряжается судьбами верховнаго правительства и трона. Еще при жизни самого Преобразователя дворянство стало брать рѣшительный перевѣсъ надъ боярствомъ. Одинъ изъ сотрудниковъ Петра, описывая составъ правительства, пишетъ, что „княжество“ было смертельно возненавидѣно и унижено, какъ отъ его царскаго величества, такъ и отъ тѣхъ „персонъ“, какіе кругомъ его были, потому что сами они были „самаго низкаго и убогаго шляхетства“.

Но значеніе сословія особенно возросло послѣ смерти Петра, и всѣ его многочисленные преемники получали власть изъ рукъ дворянской гвардіи путемъ дворцовыхъ переворотовъ. Сухой перечень этихъ событій укажетъ какую важную роль въ судьбахъ трона сыграла дворянская гвардія. Хотя она была лишь передовымъ застрѣльщикомъ сословія, но ея вкусы и политическіе навыки проникали въ самую глубь сословія и вызывали его къ самостоятельной политической дѣятельно-

сти. Но ни гвардейская „казарма“, ни дворянство не сумѣли воспользоваться своимъ положеніемъ для политическаго переустройства.

Много ходило въ дворянскомъ сословіи толковъ о шведскихъ и польскихъ порядкахъ, но ни въ одномъ переворотѣ мы не видимъ политической мысли государственнаго переустройства, не видимъ ничего, кромѣ узкихъ сословныхъ требованій дворянской солдатчины...

Правители ласкали гвардію, у нея заискивали. Когда, на примѣръ, Екатерина I занемогла, то во дворецъ явились представители высшихъ сословій и чиновъ государства, а также и майоры гвардіи, какъ будто бы они составили особую правительственную корпорацію. Остатки чиновнаго боярства и дворянство не идутъ уже дружно, какъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Напротивъ, дворянство впитываетъ въ себя остатки боярства, которое растворяется въ этомъ сословіи...

Первое столкновеніе родовитой знати съ дворянствомъ было тотчасъ же послѣ смерти преобразователя. Петръ умиралъ... На доскѣ, которую подали ему, онъ успѣлъ только написать: „отдайте все“ ... Кому?... Рука не дописала... Возникъ вопросъ, — кто долженъ получить тронъ? Старый, освященный вѣковой порядокъ избранія земскимъ соборомъ, былъ разрушенъ самимъ Петромъ, а новый государь не былъ имъ же самимъ назначенъ.

Родовитая знать стояла за внука преобразователя Петра Алексѣевича, но новые дѣльцы, боясь мести за осужденіе на смерть его отца, — за Екатерину. Вотъ тутъ то впервые и выступило, весьма для себя удачно, дворянское сословіе въ лицѣ своей гвардіи — вершителемъ судебъ трона и Россіи... Въ то время, когда сановники спорили о пріемникѣ, въ углу залы неизвѣстно зачѣмъ и какъ, совершенно незамѣтно очутились офицеры... Они острили надъ сановниками-противника-

ми Екатерины и довольно громко высказывали свое мнѣніе, что разобьютъ головы плѣшивымъ старцамъ, если они пойдутъ противъ Екатерины... Вдругъ за окномъ раздался бой барабановъ. Оказалось, что передъ дворцомъ въ полномъ боевомъ вооруженіи оба гвардейскихъ полка: Семеновскій и Преображенскій. Главнокомандующій гвардіей князь Рѣпинъ сердито спросилъ — „Кто смѣлъ безъ моего вѣдѣнія привести сюда полки— „развѣ я не фельдмаршалъ“. Изъ толпы офицеровъ выступилъ подполковникъ Семеновскаго полка Бутурлинъ и рѣзко сказалъ: „Полки привелъ я по волѣ императрицы, которой всѣ подданные обязаны повиноваться, не исключая и тебя“... Вопросъ былъ рѣшенъ безъ лишнихъ разсужденій. Такъ солдатская казарма возвела на тронъ Екатерину...

Съ тѣхъ поръ солдатское дворянство возводило на тронъ и свергало съ него кого оно хотѣло.

Однако, сословіе, откуда вышла гвардія, которое было солидарно съ ея дѣйствіями, было способно лишь къ минутнымъ, насильственнымъ переворотамъ. Его политическая мысль не обогатила правового сознанія ни одной идеей лучшаго государственнаго устройства...

Въ нашу задачу не входитъ описаніе всѣхъ переворотовъ для характеристики дѣятельности дворянской гвардіи, — достаточно ограничиться этимъ эпизодомъ, дающимъ понятіе о пріемахъ выступившаго на политическую арену сословія.

Однако, идея ограниченія самодержавія не умерла и вышла опять изъ рядовъ боярской знати, старой аристократіи... Она не была поддержана дворянствомъ,—напротивъ, встрѣтила противодѣйствіе... Боярство было побѣждено и боярская попытка ограничить власть монарха не удалась и, съ тѣхъ поръ, боярство уже окончательно со-

шло со сцены. Правительственнымъ классомъ, въ полномъ смыслѣ, стало дворянство.

Мы имѣемъ въ виду попытку остатковъ стараго боярства, въ лицѣ аристократическаго Верховнаго Тайнаго Совѣта, ограничить власть избранной ими государыни, Анны Иоанновны.

По смерти 14-лѣтняго императора Петра II, у постели котораго разыгралась отчаянная схватка честолюбивыхъ замысловъ, когда отдѣльные лица боролись за обладаніе властью, Верховный Тайный Совѣтъ 19 января 1730 г., въ 2 часа ночи, въ Москвѣ избралъ на престолъ племянницу Петра I герцогиню Курляндскую Анну.

Главнымъ совѣтникомъ такого избранія былъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, 67 лѣтъ старикъ, очень неглупый и по тому времени очень образованный. Онъ былъ представитель русской старой знати. Сознвая необходимость сближенія съ Западомъ, онъ стремился сочетать западныя заимствованія съ освященными стариной обычаями русской жизни. Въ его обширныхъ матеріалахъ библіотекъ было много авторовъ, относящихся къ русской старинѣ. Здѣсь находилось не мало книгъ и рукописей историческаго и литературнаго содержанія: лѣтописей, хронографовъ, синописовъ, сборниковъ и т. д. и сочиненій европейскихъ политическихъ мыслителей: Макіавелли, Томазія, Гроція, Локка, Пуффендорфа и др., въ подлинникахъ и переводахъ.

Но стоя на высотѣ современнаго ему просвѣщенія, Голицынъ сохранилъ патріархальныя черты, вкусы и навыки стараго московскаго боярства. Онъ былъ старшимъ въ семьѣ и это чтилось такъ же свято, какъ въ эпоху мѣстничества. Двое его младшихъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ фельдмаршалъ, а другой генералъ и сенаторъ, не смѣли сѣсть въ его присутствіи безъ приглашенія. Всѣ младшіе члены его дома обязаны были цѣловать у него руку.

Петръ не долюбливалъ Голицына за его упрямую приверженность старинѣ и тайную оппозицію его реформамъ, и держалъ его въ черномъ тѣлѣ. При немъ князь никогда не пользовался вліяніемъ при дворѣ. Боясь Преобразователя, Голицынъ примирился, повидимому, съ обстоятельствами и „далъ волю своему языку лишь съ того момента, когда языкъ Петра былъ разбитъ параличемъ“.

Верховный Тайный Совѣтъ и послужилъ опорнымъ пунктомъ его замысловъ. Верховный Тайный Совѣтъ состоялъ изъ 8 членовъ, изъ нихъ 6 принадлежало къ послѣднимъ остаткамъ, уходившаго съ политической сцены стариннаго боярства: къ двумъ знатымъ фамиліямъ Голицыныхъ и Долгорукихъ. Голицыныхъ было двое: князь Дмитрій Михайловичъ и братъ его, командовавшій арміей юга Россіи, Михайль Михайловичъ, Долгорукихъ четверо: князь Алексѣй Григорьевичъ—отецъ невѣсты императора, князь Василій Лукичъ—дипломатъ петровскаго времени, князь Михайль Владиміровичъ—сибирскій губернаторъ и князь Василій Владиміровичъ—фельдмаршалъ. Къ этимъ шестерымъ присоединился еще старикъ канцлеръ Головкинъ и нѣмецъ Остерманъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Верховный Тайный Совѣтъ состоялъ изъ отпрысковъ старѣйшихъ родовъ,—онъ былъ представителемъ родовитаго племеннаго боярства, измѣнившаго свою сословную фізіономію послѣ Преобразователя. При обсужденіи вопроса о пріемникѣ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ произнесъ рѣчь, въ которой показывалъ, что дочери Екатерины I, не имѣютъ никакихъ правъ на престолъ, какъ незаконнорожденныя... А если бы онѣ даже были законными, то завѣщаніе Екатерины есть незаконный актъ уже по одному тому, что она незаконно вошла на тронъ, ибо по своему происхожденію не имѣла на это никакого права. Князь Ва-

силій Владиміровичъ Долгорукій предложилъ въ царицы Евдокію Θεодоровну, жену Петра, постриженную въ монахини. Робко выступили Долгорукіе съ заявленіемъ о томъ, что будто бы послѣ Петра II осталось завѣщаніе, въ которомъ послѣдницею престола назначалась княжна—нѣвѣста Екатерина Алексѣевна Долгорукая. Но Дмитрій Михайловичъ рѣзко оборвалъ ихъ, заявивъ, что завѣщаніе подложно. Линія Петра I объявлена была пресѣкшеюся и приступили къ линіи Іоанна Алексѣевича. Младшая дочь его Прасковья устранилась потому, что состояла въ моргантическомъ бракѣ съ подданнымъ сенаторомъ Мамоновымъ. Старшая была неудобна тѣмъ, что была замужемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ, который, по замѣчанію Голицына, былъ „золъ и сумасброденъ“. Наиболѣе удобной показалась кандидатура средней дочери Анны. (По мнѣнію Казимира Валишевскаго, Анна считалась дочерью Василія Юшкова, столбового дворянина, рослаго дѣтины, представленнаго въ качествѣ спальника къ супругѣ царя Ивана царицѣ Парасковѣ).

„Воля Ваша—кого изволите, только бы и намъ полегчать“—сказалъ князь Дмитрій Михайловичъ. „Какъ это себѣ полегчать“—переспросили его.— „Такъ полегчать, чтобы воли было побольше“. Князь Василій Долгорукій усомнился въ возможности этого: „хоть и зачнемъ,—сказалъ онъ,—да не удержимъ.“ Но Голицынъ настаивалъ на своемъ... „Будь воля Ваша,—сказалъ, наконецъ, онъ,—только надобно написавъ, послать Ея Величеству пункты“. Смысль же этихъ пунктовъ Голицынъ пояснилъ словами: „чтобы не быть самодержавію“. Въ ту же ночь подъ диктовку князя Дмитрія Михайловича Голицына „кондиціи“, на основаніи коихъ Анна Іоановна приглашалась на престолъ, были написаны начерно. На слѣдующій день состоялось соединенное собраніе Верховнаго

Тайнаго Совѣта, Синода и генералитета и избраніе Анны было скрѣплено всеобщимъ согласіемъ.

„Пункты“ же были еще разъ пересмотрѣны въ Совѣтѣ, дополнены и отосланы въ Митаву, гдѣ находилась тогда герцогиня.

Наличность многочисленныхъ статей (Милокова, Богословскаго и др.) освобождаетъ насъ отъ необходимости подробно останавливаться на этомъ вопросѣ и указывать, какъ много, если не все, было заимствовано у шведскихъ образцовъ.

Въ резолютивной формѣ лишь скажемъ, что въ окончательной редакціи „пункты“ обязывали государыню: стараться о распространеніи православной вѣры, не вступать въ замужество, наследника не назначать, Верховный Тайный Совѣтъ „восьми“ персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія: 1) ни съ кѣмъ войны не вчинять, 2) миру не заключать, 3) подданныхъ новыми податями не отягощать, 4) въ знатные чины выше полковничнаго ранга не жаловать; гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, 5) у шляхества живота, имѣнія и чести не отнимать, 6) вотчины и деревни не жаловать, 7) въ придворные чины... не производить, 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять... *А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской“.*

Но эти „пункты“ не были послѣднимъ словомъ Д. Голицына, и Верх. Тайн. Совѣтъ, по свидѣтельству иностранныхъ дипломатовъ, былъ занятъ, пока шли переговоры съ Анной Іоанновной, обсужденіемъ представленнаго Голицынымъ обширнаго проекта конституціонной реформы. Существенные черты этого проекта сводились къ установленію цивильнаго листа для главы государства, точному опредѣленію компетенціи Верх. Тайн. Совѣта, увеличенію числа сенаторовъ и,

наконецъ, къ утверженію *двухъ палатъ* — изъ низшаго шляхества (200 членовъ) и городскихъ представителей.

Въ такомъ видѣ проектъ Голицына вмѣстѣ съ „пунктами“ является довольно точнымъ воспроизведеніемъ шведской конституціи 1720 года или еще болѣе, „формы правленія 1634 года“. 1-го февраля получено было согласіе Анны на поставленныя условія, и на слѣдующій день назначено торжественное засѣданіе Совѣта, къ которому были приглашены члены Совѣта, Синода и генералитета, а также высшіе гражданскіе чины (4 первыхъ ранговъ). Присутствовавшіе выслушали письмо императрицы и, затѣмъ, подписанные ею „пункты“.

Но дворяне были недовольны, что Верх. Тайн. Совѣтъ присвоилъ себѣ исключительное право рѣшенія самыхъ важныхъ вопросовъ государственнаго устройства.

Въ средѣ самаго дворянства вращалось много проектовъ, направленныхъ къ ограниченію самодержавія.. И лишь небольшая часть дворянской интеллигенціи была въ принципѣ не согласна съ верховниками, желая „старое и отъ прародителей воспріятое государство правило удержать непременно“. Болѣе же многочисленная вліятельная часть готова была признать пользу и необходимость реформы, но была сильно обижена тѣмъ, что ея мнѣнія не спросили... „И хотя бы они (верховники) преполезное нѣчто усмотрѣли, однако, же скрывать то передъ другими, а нашаче и правительствующимъ особамъ не сообщить—непріятно то и смрадно пахнетъ“.

Другіе представители дворянства негодовали на то, что верховники „хотятъ толпу государей сочинить“.

Возбужденіе передалось и въ дворянскіе круги другихъ городовъ.

Вотъ что пишетъ, наприм., губернаторъ Волинскій: „Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ или уже сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумлительнъ, Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десять самовластныхъ и сильныхъ фамилій и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ уничтожены, а (теперь) принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однако жъ впредь, конечно, у нихъ разборовъ не будетъ и такъ одни будутъ миловать, а другіе на того яряся, вредить и губить станутъ“. Здѣсь проглядываетъ не принципиальное несогласіе, а боязнь за судьбы шляхества, для котораго самодержавіе выгоднѣе, какъ болѣе гарантирующее отъ произвола „толпы государей“.

Но мы встрѣчаемся и съ мнѣніями другой радикальной группы дворянства и съ одобреніемъ проекта верховниковъ. Вотъ, напр., какой имѣлъ бригадиръ Козловъ разговоръ, вскорѣ по пріѣздѣ, съ казанскимъ губернаторомъ: „Теперь у насъ прямое правленіе стало въ государствѣ, какого нигдѣ не бывало... И ужъ больше надо Бога просить, чтобы только между главными согласіе было. Есть нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не сдѣлаютъ, а больше всего мудруетъ Алекс. Михайл. (Черкасскій), однакожъ ничего не успѣваютъ и не сдѣлаютъ. И о государынѣ такъ положено, что хотя въ маломъ въ чемъ и не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее, конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня россійская. Ей же опредѣляютъ въ годъ 100000 и тѣмъ можно ей довольной быть, понеже дядя ея императоръ и съ теткой ея довольствовались только 60,000 въ годъ, а сверхъ того не повинна она брать себѣ ничего,

развѣ съ позволенія Верх. Тайн. Сов., также и деревень никакихъ, ни денегъ не давать никому и не токмо того, ни послѣдней табакерки изъ государственныхъ сокровищъ не можетъ взять вовсе, не только отдавать кому, а что надобность ей будетъ, то будутъ давать ей съ росписками... И что она сдѣлана государыней, и то только на первое время помазка по губамъ“.

Когда кончилось безрезультатное засѣданіе Вер. Тайн. Сов., въ которомъ Д. М. Голицынъ настаивалъ на томъ, чтобы „написавъ, послать ея Величеству пункты“—въ сосѣдней комнатѣ дворяне, ожидавшіе рѣшенія Вер. Тайн. Сов., говорили: „долго ли намъ терпѣть, чтобы самодержавію не быть“.

Когда вышелъ Вас. Лук. Долгорукій, Ягушинскій жалобно заголосилъ: „Батюшки мои—прибавьте намъ воли, какъ можно вамъ“... Но онъ тотчасъ же осѣкся и измѣнилъ тонъ, когда узналъ, что во главѣ правленія станутъ одни члены Верх. Тайн. Сов., и изъ конституціоналиста сдѣлался горячимъ приверженцемъ самодержавія.

Нѣтъ ли въ этомъ яркомъ примѣрѣ, приводимомъ профессоромъ Ключевскимъ, разгадки психологіи большинства членовъ дворянскаго сословія?..

Въ концѣ концовъ, дворянскія бесѣды, партійныя собранія и возбужденіе сословія вылились въ цѣлый рядъ законопроектовъ. До насъ дошло до 15 различныхъ мнѣній и проектовъ, поданныхъ дворянами или приготовленныхъ къ подачѣ.

а) По однимъ проектамъ предполагалось передать все управленіе государствомъ въ руки всему дворянству. По проекту Татищева, который сплотилъ вокругъ себя часть дворянства, Верх. Тайн. Сов. уничтожается. Во главѣ государства „Въ помощь ея величеству“ учреждается двѣ палаты. Сенатъ есть „высшее правительство“. Онъ состоитъ изъ 211 членовъ, въ составъ которыхъ вхо-

дять всѣ члены наличнаго Верх. Тайн. Сов. „Нижнее правительство“ состоитъ изъ 100 членовъ, оно занимается внутренней экономіей, дѣлится на три группы; каждая засѣдаетъ по 4 мѣсяца. Для важнѣйшихъ дѣлъ, въ экстренныхъ случаяхъ, напр., смерти государыни, войны, собирався весь составъ нижняго правительства. Высшее правительство соединяется съ „нижнимъ“ въ общее засѣданіе для выбора членовъ обѣихъ палатъ и для замѣщенія важнѣйшихъ должностей въ государствѣ. Законодательная власть точно не обоснована теоретически... Татищевъ пишетъ, что передача законодательства зависитъ „отъ доброй воли императрицы и въ то-же время одному повѣрить“ составленіе законовъ „невозможно“: „хотя бы онъ и искусенъ и въ памѣрніи никакія собственныя страсти не имѣлъ—по природѣ легко погрѣшить можетъ“.

Законопроекты поэтому составляются всѣми коллегіями; каждая представляетъ свой проектъ „высшему правительству“, которое по добровольномъ разсужденіи сочиняетъ законъ и представляетъ его къ утвержденію ея величества.

Каждый мѣсяць „высшее правительство“ назначаетъ двухъ депутатовъ для наблюденія за „справедливостію“ въ тайной канцеляріи. Аресты производятся въ присутствіи одного депутата. Много говорено о вольности шляхетства, о его сословныхъ правахъ, о военной службѣ... есть намеки о дарованіи нѣкоторымъ льготъ духовенству—обезпечиваніе содержаніемъ и устройствомъ духовныхъ училищъ; для кунечества—нѣкоторыя мѣры въ пользу торговли. Но политическія права даруются только одному дворянству, обойдя другія сословія.

в) По другому проекту знать должна стоять во главѣ управленія подъ предсѣдательствомъ императрицы... Это былъ проектъ умѣреннаго большинства дворянства, шедшаго на компромисъ съ верховниками. Руководители этого большин-

ства хотѣли удовлетворить всѣхъ: для радикаловъ они предложили учредительное и избирательное собраніе.

Сохраняя „высшее правительство“ Татищева въ томъ же составѣ 21 члена, они сдѣлали уступку въ томъ, что это правительство являлось непосредственнымъ продолженіемъ не Сената (какъ у Татищева), а Верховнаго Совѣта; Сенатъ же остался на второмъ планѣ.

Замѣщеніе высшихъ должностей должно производиться собраніемъ шляхетства и генералитета не менѣе 100 человекъ, но не изъ крупнаго чиновничества.

Для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ должно созываться особое собраніе, состоящее изъ всѣхъ четырехъ корпорацій: „вышняго правительства“, „сената“, генералитета и шляхетства.

Это учредительное собраніе сословнымъ правамъ шляхетства отвело то же мѣсто, что и Татищевъ; также взяты небольшія льготы отъ другихъ сословій съ прибавленіемъ о крестьянахъ (облегченіе податей) и солдатъ (порядочное произвожденіе). Но сколько-нибудь опредѣленныхъ мѣръ относительно большинства и меньшинства проекты не содержатъ и ограничиваются лишь добрыми пожеланіями.

Консервативная же партія пока притаилась и не выходила наружу, ожидая новыхъ событій и пріѣзда императрицы. Когда желаніе дворянства ясно выразилось въ проектахъ, Верх. Тайн. Сов. готовъ былъ идти на уступки. Въ „присягѣ новой императрицѣ“, выработанной имъ, не мало преимуществъ, даруемыхъ дворянству. Но политическія требованія ихъ были оставлены въ сторонѣ—верховная власть попрежнему остается за совѣтомъ. Это повлекло открытый разрывъ съ дворянствомъ и усилило консервативную дворянскую партію.

Общая ненависть къ Верховному Совѣту спаивала, подобно крѣпкому цементу, разно-думающія головы дворянскія и временами трудно было найти границы умѣренно-конституціонной и самодержавной партіи. Сближеніе различныхъ группъ дворянства привело къ паденію Верх. Сов. Въ ночь на 24 февраля состоялись два большія дворянскія собранія: одно—на Моховой въ домѣ кн. Барятинскаго, гдѣ собрались представители самодержавной партіи, другое—на Никольской, въ домѣ кн. Черкаскаго, руководителя конституціонной партіи; обѣ партіи пришли къ соглашенію и составили общую челобитную...

На другой день послѣ этого императрица назначила аудіенцію шляхетству. Собралось во дворцѣ 150—200 человекъ дворянъ, во главѣ съ княземъ Черкасскимъ. Татищевъ прочиталъ врученную ему челобитную отъ дворянства. Выражая „рабскую покорность“ за подписаніе „пунктовъ“, шляхетство находило въ нихъ нѣкоторыя „сумнительства“, опасныя для государства. Оно сѣтовало, что Верх. Тайн. Сов. не принялъ многихъ его проектовъ. Оно просило созвать учредительное собраніе изъ генераловъ, офицеровъ и представителей всего шляхетства, чтобы сочинить форму правленія „государственнаго“ и подать императрицѣ на утвержденіе.

Анна совершенно растерялась.

Ожидая просьбы о возстановленіи самодержавія, она въ замѣнъ этого получила ходатайство о созывѣ учредительнаго собранія...

Но малая политическая сознательность шляхетства сказалась въ полной мѣрѣ, и это ей помогло.

Желая выждать время, она взяла челобитную, подписала: „Учинить по сему“ и просила, чтобы дворянство тутъ же во дворѣ обсудило свое ходатайство.

А кругомъ залы, гдѣ засѣдали дворяне, гвардія громкими криками выражала свою призна-

тельность императрицъ. Въ ту же самую залу изъ которой только что вышли на совѣщаніе дворяне, явились и дворяне изъ самодержавной партіи и гвардейскіе офицеры. Павъ къ ногамъ императрицы, они заявили: „Мы вѣрные подданные Вашего Величества и сложимъ свои головы на службѣ Вашему Величеству, но мы не хотимъ, чтобы Васъ притѣсняли... Прикажите—и мы принесемъ головы Вашихъ злодѣевъ“...

Послѣ столь внушительной демонстраціи колебанія конституціоналистовъ кончились и они тотчасъ же превратились въ сторонниковъ самодержавія.

Бросивъ мысль о созывѣ шляхетскаго учредительнаго собранія, они просили уничтожить Тайн. Сов., возстановить петровскій сенатъ, доведя его составъ до 21 члена; просили „также нынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста (вакансіи) въ оный правительствующій сенатъ и въ губернаторы и въ президенты повелѣно бы было шляхетству выбирать баллотированіемъ, какъ то при дядѣ Ваш. Имп. Вел., Его Имп. Вел. Петрѣ Первомъ установлено было. И при томъ всеподданнѣйше просимъ, чтобы по Вашему всемилостивѣйшему подписанію (т.е., согласно первой челобитной) форму правительства государственнаго для будущиxъ временъ нынѣ установить“.

Въ послѣднихъ словахъ замаскирована просьба, заключенная въ первой челобитной, но трусливо выраженная глухой фразой. Принявъ первый пунктъ (т.е. о возстановленіи самодержавія) и рѣшивъ не спѣшить съ исполненіемъ другихъ, а если можно и не исполнять, Анна взяла челобитную, притворившись удивленной. „Какъ, развѣ тѣ пункты, которые мнѣ поднесли въ Митавѣ составлены не по желанію цѣлаго народа“. „Нѣтъ“—послышался отвѣтъ. „Такъ, значитъ, ты меня князь Вас. Лукичъ обманулъ“.

И тотчасъ же приказала правителю дѣль Верховнаго Совѣта Маслову принести тѣ пункты, только что ею самою подписанные и „изволили принять, разодрать“.

Старикъ Голицынъ, узнавъ о восстановленіи самодержавія, сказалъ: „Трапеза была готова, но званые оказались ея недостойны... Я знаю, что паду жертвой неудачи этого дѣла, но мнѣ и безъ того осталось жить недолго... Но тѣ будутъ плакать горше моего“.

Слова эти скоро оправдались. Не довѣря дворянству, помня требованія, Анна осыпала его милостями, но держала вдали отъ трона; на русскую же знать было воздвигнуто давно небывалое гоненіе.

Раньше въ составѣ правительства были люди, или знатные, или русскіе „новики“, достигшіе положенія своими выдающимися способностями... А теперь появились иностранцы безъ всякихъ государственныхъ заслугъ.

Новые временники-иностранцы, не связанные съ ихъ новой родиной, гдѣ чувствовали себя „чу-жаками“, заботились лишь о себѣ...

Съ этого времени надолго начинается прочное господство на самомъ верху государственной лѣстницы иностранцевъ; съ этого времени сильно выдвинулось на сцену господство всемогущей бюрократіи и петербургско-нѣмецкій періодъ нашей исторіи получаетъ полный расцвѣтъ.

ГЛАВА II.

Дворянство.

Послѣ неудачи послѣдней боярской попытки ограничить самодержавную власть, первенствующимъ сословіемъ въ Россіи, уже безъ конкурентовъ, стало дворянство. Въ союзѣ съ самодержавіемъ оно росло и крѣпло, главнымъ образомъ, на счетъ несвободнаго крестьянства.

Отбросивъ конституціонные планы и замыслы и получивъ за это политическія и соціальныя права, сословіе спѣшило насладиться создавшимся положеніемъ, и не имѣло ни поводовъ, ни охоты вести борьбу съ самодержавіемъ. Настаетъ золотой вѣкъ дворянства. Будучи въ древней Руси московскаго періода сначала нижнимъ слоемъ русскаго государственнаго организма, лежащимъ подъ боярствомъ,—дворянство, начиная съ Петра, дѣлается настоящимъ привилегированнымъ сословіемъ.

Изъ столкновенія съ остатками боярства за политическое первенство—дворянство вышло полнымъ побѣдителемъ, сознающимъ свою силу.

Послѣ Анны и ея преемниковъ, возводимыхъ и свергаемыхъ дворянской гвардіею, дворянство и юридически закрѣпило создавшееся фактически свое привилегированное положеніе. Въ союзѣ съ самодержавіемъ дворяне получили юридическія права собственности на землю, освободившись отъ обязательной военной службы, оправдывающей существованіе сословія, а при Екате-

ринъ II получили сословную организацію и превенствующую роль въ областномъ управленіи. Масса крупныхъ богатствъ перешла къ сословію. При Екатеринѣ II роздано было 800,000 душъ обоего пола, т. е. ежегодно переходило во владѣніе дворянъ, среднимъ числомъ, по 23000 душъ; при императорѣ Павлѣ первыя цыфры поднялись до 1,200,000 обоего пола.

Измѣнился и самый характеръ крѣпостного права. Въ XVII в. крѣпостное право представляло изъ себя форму личной зависимости крѣпостныхъ отъ землевладѣльцевъ по частнымъ личнымъ сдѣлкамъ. При Петрѣ эта личная зависимость превратилась въ зависимость по закону. Оправданіемъ такой перемѣны была обязательная служба государству землевладѣльцевъ.

При Екатеринѣ появилась 3 форма. Крѣпостные перешли въ личную зависимость отъ дворянъ, но, такъ какъ, обязательная служба была снята съ дворянства, то оправданія такой зависимости уже не было. Поэтому виновникомъ крѣпостного права, въ собственномъ смыслѣ, можно называть Екатерину II. Не она его создала, но она превратила его изъ колеблющагося факта, оправдываемаго временными нуждами государства, въ признанное закономъ право, ничѣмъ не оправдываемое.

Но весь блескъ этого времени и богатства дворянскаго сословія оказались въ высшей степени не прочны и вели къ обнищанію Россіи. Ссловіе, какъ паукъ, высасывало изъ нея все матеріальныя средства для своихъ потребностей. „Безумная роскошь петербургскихъ богачей и полные сундуки золота и драгоценностей, удивлявшіе иностранцевъ въ ихъ кладовыхъ, лучше, чѣмъ что-либо другое, доказывали бѣдность (крѣпостной) Россіи, отданной въ юридическое и имущественное закрѣпощеніе благородному дворянству“.

„Даровой доходъ въ такой степени избаловаль русское дворянство, что когда, во 2-й половинѣ XVIII в., явились кредитныя учрежденія, выдававшія ссуды подъ залогъ имѣнія, то помѣщикъ бросился занимать“.

Ставъ на вершину сословной государственной лѣстницы, дворянство захватываетъ и управление въ свои руки.

„Понятно всякому, — говоритъ въ комиссіи 1767 г. депутатъ курскаго дворянства Стромилонъ, идеологъ привилегированнаго сословія, — что въ обширной монархіи надо быть особливому роду, который имѣлъ бы обязанность служить государству и изъ среды своей замѣщать власти среднія... Родъ сей есть дворянство“.

Царь царствуетъ—дворянство управляетъ.

Помѣщикъ сталъ какъ бы государемъ. Крестьяне сплошь и рядомъ называются его подданными, переставъ непосредственно быть подданными государя.

Крѣпостные генераль-аншефа Леонтьева писали ему такъ: „Государю нашему Николаю Михайловичу. Бьютъ челомъ и плачутся подмосковной вашей государь, Загарской волости, разныхъ деревень крестьяне... Государь надъ нашими сиротами смилуйся и учини милосердный указъ“.

При Елизаветѣ Петровнѣ помѣщику предоставлялась власть ссылать крестьянъ въ Сибирь. Правительство не спрашивало о мотивахъ. При Екатеринѣ онъ могъ ссылать даже на каторгу, т.-е. назначать высшее уголовное наказаніе, потому что смертная казнь была отмѣнена.

Помѣщику были предоставлены и широкія судебныя полномочія. Судья и законодатель—онъ чувствовалъ себя маленькимъ самодержцемъ, настоящимъ государемъ и жилъ прилично этому званію.

У Разумовскаго былъ свой дворъ и даже собственный полицеймейстеръ. У Шереметева, въ Кусковѣ, было нѣчто въ родѣ гвардіи—12 гусарь съ гусарскимъ командиромъ. Для придворнаго штата существовалъ соответствующій придворный этикетъ. Кромѣ двора, у богатаго барина было нѣчто въ родѣ „совѣта министровъ“ или „оберъ-конторы. Въ контору поступали дѣла по проступкамъ крестьянъ, которые мѣстные власти не могли рѣшить.

Какъ хорошій государь заботился о духовномъ и матеріальномъ благосостояніи своихъ подданныхъ, такъ и баринъ хлопоталъ о порядкѣ между ими и спасеніи ихъ душъ.

Румянцевъ назначилъ штрафъ за нехождение въ церковь и за непристойное поведеніе.

„А надъ всеми этими маленькими самодержцами возвышался государь самодержавной, полнотой власти одаренный, но фактически безъ согласія дворянства не могшій сдѣлать ничего, даже если онъ одушевленъ самыми благими порывами“...

„Ты знаешь,—говорила Екатерина II своему статсъ-секретарю Попову, — съ какой осторожностью я поступаю при изданіи своихъ узаконеній. Я разбираю обстоятельства, вывѣдываю мысли просвѣщенной части и по нимъ заключаю какое дѣйствіе указъ мой произвести долженъ. Когда же напередъ увѣрена въ общемъ одобреніи, тогда выпускаю я мое повелѣніе и имѣю удовольствіе видѣть то, что ты называешь слѣпымъ повиновеніемъ,—и вотъ основаніе власти неограниченной. Но будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе мое не приноровлено къ обычаямъ или когда я слѣдовала бы одной моей волѣ, не размышляя о слѣдствіяхъ“. Подъ „просвѣщенной частью народа“ разумѣется дворянство.

И Екатерина II была глубоко права. Ибо „русскій царь XVIII в. могъ управлять только съ согласія своего дворянства. Анна Леопольдовна и

Петръ III были грозными примѣрами для тѣхъ, кто вздумалъ бы держаться противоположной системы царствованія“. Павелъ Петровичъ не понималъ этого и заплатилъ жизнью за свою ошибку. Реформы Александра I окончились ничѣмъ, благодаря тому, что не отвѣчали интересамъ первенствующаго сословія, а реформы Екатерины II были болѣе удачны лишь потому, что облекли въ юридическую одежду, заявленные этимъ сословіемъ, пожеланія.

„Императорскій тронъ,—пишетъ Герценъ,—походилъ на ложе Клеопатры, толпа вельможъ и клинокъ янычаръ вѣнчали иностраннаго принца, женщину, дитя, отдаленнаго родственника какого-нибудь родственника Петра, сажали ихъ на тронъ, оказывали имъ почести и наказывали кнутами тѣхъ, кто порицалъ ихъ за то. Но лишь только избранники успѣвали вкусить всѣ прелести чрезмѣрной власти, какъ кучка сановниковъ и преторьянцевъ увлекала ихъ со всѣми приближенными въ пропасть. Министры и генералы почти каждый день появлялись на площади, гдѣ происходили казни или ссылались въ Сибирь. Эти перевороты производились такъ быстро, что фельд-маршалъ Минихъ, который отправилъ Бирона въ ссылку, высланный въ свою очередь, догналъ его при переправѣ черезъ Волгу, гдѣ Биронъ былъ задержанъ разливомъ рѣки“...

Чѣмъ же занялось всемогущее дворянство?..

Освободившись окончательно отъ тяжелыхъ обязанностей по отношенію къ отечеству, — оно праздновало свой выходъ въ отставку отъ обязательной военной службы и, подобно выпущенному изъ корпуса юнкеру, не могло налюбоваться на свой дворянскій мундиръ, которымъ его наградили.. Осталась лишь еще одна забота освободиться отъ обязательной „учебной повинности“, наложенной Петромъ. Все еввропейское: моды, на-

ряды, манеры принималось, но серьезное обучение, требующее труда, отмѣталось и не было въ почетѣ.

Вышній блескъ Екатерининскаго царствованія съ праздничной эффектной оболочкой, подкупалъ и обманывалъ зрѣніе. Но подъ нимъ скрывалось глубокое невѣжество.

Боярство стараго времени было гораздо образованнѣе дворянства Екатерины II.

По отзывамъ статсъ-секретаря Екатерины, Грибовскаго, въ послѣдніе годы ея царствованія лишь двое вельможъ знали русское правописаніе: кн. Потемкинъ и гр. Безбородко.

Но, отдѣлавшись отъ трудныхъ повинностей, въ странное положеніе встало торжествующее сословіе. Въ силу своего привилегированнаго положенія оно въ своихъ рукахъ сосредоточило огромное количество капитала и труда въ странѣ. Не говоря уже о крѣпостной массѣ, дворянство стояло неизмѣримо выше и надъ остальными сословіями. И въ то же время, отвыкая отъ серьезной работы, — ничего не дѣлало.

Дворянское самоуправленіе стало каррикатурой, надъ которой смѣялись другіе классы общества и литература. Сельское хозяйство было въ жалкомъ видѣ и большинству казалось гораздо выгоднѣе вводить оброкъ, такъ какъ тогда дворянинъ избавлялся уже отъ всякихъ хлопотъ по своему хозяйству, имѣя единственную заботу получить деньги. Цѣна же оброка была очень высока. „Нормальный оброкъ въ началѣ царствованія (Екатерины) равнялся приблизительно 15 руб., а въ концѣ приблизительно 27 рублямъ (на наши деньги). Это оброкъ съ каждой души, экономическое значеніе его можно было бы опредѣлить, перенеся его на землю. Наиболѣе обычный надѣлъ въ концѣ царствованія Екатерины былъ 6 десятинъ пахотной земли въ 3 поляхъ на тягло. (Тягломъ наз. взрослый работникъ съ женою и малолѣтними дѣтьми, которые могли жить отдѣльнымъ хозяй-

ством). Современники полагали на каждое тягло по 2½ ревизскихъ душъ. Значитъ, на каждую десятину земельного крестьянскаго надѣла приходилось около 11 рублей оброка... 11 рублей съ десятины это во много разъ болѣе нынѣшней аренды въ центральныхъ губерніяхъ“.

Привилегированное положеніе дворянства, которое всего добилось, и его хроническое бездѣлье не было плодотворной почвой для идей ограниченія самовластия. Другіе же классы общества не были вызваны къ жизни. Буржуазія же въ европейскомъ смыслѣ, не существовала—появились лишь ея зачатки. (Въ перепискѣ своей съ парижской знакомой madame Жоффрэнъ Екатерина II обѣщала ей создать 3 сословіе—буржуа... „Еще разъ, обѣщаю Вамъ (писала она въ 1766 году) третье сословіе вести, но какъ трудно будетъ его создать (?)“ ...

Крѣпостное же сословіе было совсѣмъ придвинуто. Правда, появляются бунты. Время Екатерины богато ими. Бунты уже окрасились социальнымъ цвѣтомъ. Это были возстанія низшаго класса противъ высшаго. Но въ движеніи совершенно отсутствовалъ сознательный элементъ.

Могло ли при такомъ положеніи дѣль явиться изъ среды дворянъ или другихъ сословій сильное и сознательное движеніе къ реформамъ?.. Но, несмотря на это, оппозиціонная мысль не заглухнула совсѣмъ и въ XVIII в. вновь появились попытки ограниченія самодержавія, исходившія изъ небольшой кучки просвѣщеннаго дворянства. И въ этомъ періодѣ мы можемъ найти три момента реформировать государственный строй и социальныя отношенія. Моменты эти очень слабы, исключая движенія декабристовъ.

Интересно отмѣтить, что все дѣлалось какъ будто бы по опредѣленному и строго выработанному шаблону. Раздавались робкіе голоса противъ существующаго порядка, заявляя новыя пожеланія, новыя стремленія общества. Правитель-

ство относилось къ нимъ подозрительно, но въ слѣдующемъ царствованіи усвояло себѣ заявленныя стремленія и начинало робко или рѣшительно проводить ихъ во внутренней преобразовательной дѣятельности. Но такъ какъ дѣлалось это не изъ твердо обоснованной мысли о жизненной необходимости реформъ, а скрѣпя сердце, лишь подъ вліяніемъ начавшагося броженія въ обществѣ, то обыкновенно какое-либо внѣшнее препятствіе, напиримѣръ, война—останавливало правительство на полдорогѣ. Тогда движеніе уходило въ глубь и принимало разныя формы, смотря по обстоятельствамъ и характеру общественной среды.

До Екатерины трудно было найти какіе-либо сознательные признаки оппозиціонной мысли въ ея „обществѣ“. Но уже въ концѣ ея царствованія раздаются одинокіе голоса противъ существующаго порядка.

Павель и Александръ I начали проводить въ жизнь кое-что изъ заявленныхъ стремленій. Но эта дѣятельность тотчасъ же оборвалась, какъ только возникла война. Движеніе ушло съ поверхности, усвоено было частью образованнаго дворянства и привело къ катастрофѣ 1825 года.

Первоначально въ эту эпоху стремленіе къ ограниченію самовластья были чисто теоретическимъ, оно находило пищу въ томъ богатствѣ философской мысли и политическихъ теорій, которыя, составляя господствующее настроеніе на Западѣ, отразились и у насъ въ настроеніи части дворянства и въ наказѣ Екатерины.

Къ сожалѣнію, просвѣщеннофилософскій либерализмъ Екатерины II и дворянской интеллигенціи 2 половины XVIII вѣка уживались съ крѣпостнымъ правомъ и тенденціями, направленными на защиту самодержавія, и лишь были покрыты либеральной „дымкой“.

Поучительно остановиться на характерной попыткѣ правительства создать нѣчто подобное за-

коносовѣщательному учрежденію—на Екатерининской комиссіи.

Число депутатовъ въ ней было довольно значительно—564 человекъ: отъ правительственныхъ учреждений 28 (5%), отъ дворянъ 161 (30%), по одному отъ жителей каждаго уѣзда, отъ городовъ 208 (37%), по одному отъ каждаго города, отъ государственныхъ крестьянъ 79 (14%), по одному отъ каждой провинціи, состоящей изъ нѣсколькихъ уѣздовъ, отъ казаковъ 54 (9%), отъ „иновѣрцевъ“, т.-е. „инородцевъ“, 34 (6%).

По свидѣтельству новгородскаго губернатора Сиверса,—когда комиссія собралась, она вызвала къ себѣ интриги со стороны чиновниковъ, которые говорили, что „эти господа“, т.-е. „депутаты“, пожалуй, „захотятъ послать насъ въ школу“.

Страхи эти были напрасны. Депутаты были стѣснены въ сужденіяхъ. Нѣкоторые же провинціальныя наказы Бибииковъ отдалъ даже назадъ. Англичанинъ Шарлей, управлявшій тогда англійскимъ посольствомъ, нашель права депутатовъ въ этой совѣщательной комиссіи столь ничтожными, что, по его словамъ... „этимъ людямъ даны лишь такія привиллегіи, которыми не захотѣлъ бы пользоваться ни одинъ гражданинъ благоустроеннаго государства“.

Просуществовавъ 1½ года и почти не оказавъ вліянія на ходъ политической жизни страны, комиссія была распущена въ видахъ якобы войны съ Турціей.

Комиссія была созвана въ 1766 году, а въ 1767/8 молодой русскій ученый, первый русскій профессоръ права въ старѣйшемъ Московскомъ Университетѣ Десницкій представилъ императрицѣ проектъ государственнаго преобразованія.

Онъ предлагаетъ учредить постоянный законодательный корпусъ, который, подъ наименованіемъ Сената будетъ вмѣщать въ себя отъ 600—800 пер-

сонъ. „Сии люди могутъ по соизволенію монарховъ выбираемы быть отъ земельныхъ владѣльцевъ, въ губерніяхъ и въ провинціяхъ, сверхъ сего, изъ купеческихъ и художественныхъ людей и, наконецъ, изъ духовныхъ и училищныхъ мѣстъ такъ, чтобы всякая губернія, провинція и корпусы имѣли своего, въ законодательной власти, представителя, заступника и ходатая, которому бы своихъ согражданъ, соподданныхъ и сосѣдей, обстоятельства и жалобы всегда извѣстны были бы и черезъ него всему государственному правленію въ Сенатъ на разсмотрѣніе представляемы были“ ...

Онъ указываетъ, затѣмъ на порядокъ выборовъ въ Сенатъ и опредѣляетъ компетенцію депутатовъ. По мнѣнію профессора Филиппова, эта компетенція въ цѣломъ весьма походитъ на компетенцію Государственной Думы „по учрежденію 6 августа 1905 года“ ... Проектъ Десницкаго навѣянъ ему тогдашнимъ англійскимъ государственнымъ устройствомъ.

Появленіе подобнаго рода проектовъ и роспускъ комиссіи показываетъ, что въ воздухѣ носилось сознание неудовлетворенности. Вдумываясь въ совершившіяся тогда на Западѣ событія и ихъ вліяніе на Россію, можно нащупать фарватеръ политической мысли, по которому должна была пойти оппозиціонная русская струя...

Когда пришла вѣсть о паденіи Бастиліи, то впечатлѣніе, произведенное на отдѣльныя общественныя группы, было необычайное. Купцы, мѣщане и дворяне радовались, какъ будто бы Бастилія угрожала имъ самимъ, на улицахъ цѣловались, обнимая другъ друга.

Въ дебатахъ комиссіи ярко и выразилось всеобщее недовольство. Землевладѣльцы стремились къ обеспеченію правъ собственности и расширенію крѣпостного права, купцы къ правамъ свободы, народъ къ правамъ гуманности.

Екатерина необычайно вѣрно поняла тѣ настроенія, котрыя господствовали въ комиссиі и отражали общее настроеніе эпохи. Было всеобщее недовольство, но активныхъ выступленій сословій не было. Лишь одна крѣпостная масса устраивала бунты, но она же на колѣняхъ просила о милости.

Аппозиціонная мысль выражалась лишь въ тѣхъ литературныхъ теченіяхъ, котрыя явились господствующими въ эту эпоху. Одинокіе мыслители поднимають свой голосъ.

Во главѣ оппозиціи стоялъ извѣстный общественный дѣятель и историкъ Николай Ивановичъ Новиковъ.

Екатерина создавала свои собственные журналы и старалась проводить идею, что вѣкъ Екатерины есть вѣкъ всеобщаго блаженства, что государыня, какъ мать, заботится о своихъ подданныхъ...

Противъ идей этого официальнаго журнала Новиковъ и Радищевъ проводятъ двѣ идеи: отрицательное отношеніе къ дворянству и его привилегіямъ и рѣшительное требованіе отмены крѣпостнаго права. Новиковскій „Трутень“ былъ полонъ обличенія вліятельныхъ придворныхъ, бичеванія неправосудія, взяточничества, борьбы противъ крѣпостнаго права.

Органомъ императрицы была „Всякая Всячина“. Впервые, пожалуй, русская пресса раздѣлилась на два лагеря. „Всякая Всячина“ стояла за умѣренность, снисходительность, къ слабостямъ, осуждая всякое „задѣваніе особъ“. „Трутень“ — стоялъ за смѣлыя, открытыя обличенія. Скоро же по своей волѣ онъ долженъ былъ совершенно отказаться отъ осужденія крестьянскаго вопроса и закрыться.

Тогда Новиковъ выступилъ съ новымъ журналомъ „Живописецъ“, гдѣ участвовалъ Радищевъ. Въ журналѣ проводились тѣ же идеи, что и въ

„Трутиѣ“, но еще болѣе ярко. Новиковъ издалъ также до 445 названій книгъ.

Въ обществѣ, гдѣ званіе „писателя“ считалось постыднымъ, нужно было не мало энергіи, чтобы стать книжнымъ торговцемъ, переводчикомъ и видѣть въ этомъ свое патріотическое призваніе.

И вотъ—сквозь вызванную имъ усиленную работу переводчиковъ, сочинителей, типографій, книжныхъ лавокъ, журналовъ, стало пробивать то, съ чѣмъ еще не было знакомо русское общество—общественное мнѣніе.

Въ концѣ-концовъ, Новиковъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ и освобожденъ императоромъ Павломъ.

Болѣе яркій свѣтъ оставилъ Радищевъ. Онъ былъ студентомъ лейпцигскаго университета, поклонникомъ Мавли и Руссо и написалъ трактатъ: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Эта замѣчательная книга явилась отраженіемъ того положенія, въ какомъ находились тогда общественныя группы. Московскіе купцы платили по 25 рублей за часъ за чтеніе книги Радищева. 120 лѣтъ прошло со дня ея появленія и лишь 6 лѣтъ тому назадъ, когда совершаютъ полеты по воздуху отъ Петербурга до Москвы, эта книга стала дозволенной..

Въ эту же эпоху дворянская партія выставила своего представителя въ лицѣ князя Щербатова. Щербатовъ написалъ проектъ государственнаго устройства: „Путешествіе въ землю Офирскую“.

Проектъ этотъ представляетъ любопытный опытъ російской утопіи.. Въ „Офирской землѣ“ строго править наследственный императоръ съ помощью „Верховнаго Совѣта“, „Вышняго правительства“ и „Законодательной комиссіи“. „Вышнее правительство, вѣдаетъ верховную, законодательную и судебную власть въ государствѣ и состоитъ изъ 75 дворянскихъ и 30 купеческихъ депутатовъ. Последнимъ могутъ быть не только купцы, но

мѣщане и ученые. Законодательная комиссія составляетъ проекты законовъ—выбирается она „Вышнимъ правительствомъ“, которому и представляетъ свои законопроекты. „Вышнее правительство“ имѣетъ право до трехъ разъ, ихъ передѣлывать, если находятъ ихъ несогласными со своими мнѣніями.

Когда эти законопроекты не приняты въ 4-й разъ, они разсматриваются въ губерніяхъ особыми выборными собраніями, собирающимися разъ въ три года, гдѣ баллотируются, при этомъ „Вышнее правительство“ должно утвердить проекты, принятые большинствомъ выборныхъ собраній...

Описывая событія 1730 года, Щербатовъ осуждаетъ олигархическіе стремленія верховниковъ, но вполне сочувствуетъ „дѣйствительному ограниченію власти государя Сенатомъ или парламентомъ“, которые по тому времени были бы чисто дворянскими.

Консервативный представитель дворянской партіи также стоялъ за ограниченіе самовластия, но социальныя выводы его и Радицева были глубоко различны. Однако, и въ фронтѣ политическихъ мечтаній они оба не освободились отъ доктринъ, просвѣщеннаго абсолютизма.

Щербатовъ ждалъ „золотого вѣка“ для дворянства отъ монарха, отъ него же ждалъ благъ для низшихъ классовъ народа и Радицевъ. Человѣкъ, глубоко образованный, прилежно учившійся за границей и поклонникъ западной философіи,—Радицевъ примкнулъ къ лѣвому крылу философіи XVIII вѣка, которая стояла на точкѣ зрѣнія полнаго демократизма.

Онъ проповѣдуетъ основное положеніе Руссо о народномъ суверенитетѣ, требуетъ уничтоженія частной собственности и націоналіаціи земли. И въ то же время онъ остался достаточно вѣрнымъ традиціямъ русскаго общества,—въ его умѣ мы встрѣ-

чаемся съ рѣдкимъ сочетаніемъ реформирующихъ идей философа XVIII вѣка и идеолога просвѣщеннаго абсолютизма. Воспріявъ теорію Лейбница объ естественномъ правѣ, онъ сдѣлалъ изъ нея выводъ реформъ и даже призналъ за народомъ право возстанія противъ тирана... Черезъ всю свою книгу онъ проводитъ красной нитью идею объ естественномъ равенствѣ всѣхъ людей.

„Человѣкъ рождается въ міръ,—говоритъ одинъ изъ героевъ „Путешествія“,—равенъ во всемъ одинъ другому. Всѣ одинаково имѣютъ члены, всѣ имѣютъ разумъ и волю. Слѣдственно, безъ отношенія къ обществу есть существо, ни отъ кого не зависящее въ своихъ дѣяніяхъ“.

Когда возникаетъ общество, человѣкъ соглашается повиноваться, установленной въ обществѣ власти. Какія же ради вины обуздываетъ онъ свои хотѣнія?.. по что поставляетъ надъ собою власть?.. Для своей пользы—скажетъ разсудокъ, для своей пользы—скажетъ мудрое законоположеніе.

Слѣдственно, гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ не гражданинъ. Слѣдственно, тотъ, кто восхочетъ его лишитъ пользы гражданскаго званія, есть его врагъ—противъ врага своего онъ защиты и мщенія ищетъ въ законѣ.

Если законъ или не въ силахъ его защитить, или того не хочетъ.. тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія.. Ибо гражданинъ, становясь гражданиномъ, не перестаетъ быть человѣкомъ, коего первая обязанность есть собственная сохранность, защита, благосостояніе“.

Характеризуя общественный строй Екатерины, онъ не находитъ достаточно горячихъ словъ для протеста противъ соціальной пропасти, между дворянствомъ и крѣпостными.

Яркими красками изображаетъ онъ положеніе крестьянина. Жилище его—курная изба съ пузы-

ремь, гдѣ люди спать вмѣстѣ съ животными, сажа и копоть.

Въ спертomъ воздухѣ, какъ въ туманѣ горить свѣтъ. Счастливы крестьянинъ, если у него есть „пустыя щи“.

И въ этомъ почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы, могущества, но тутъ же видна слабость, недостатки, и злоупотребленія законовъ и ихъ шероховатая сторона.

Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе... „Звѣри алчные, пѣвицы не насытныя, что крестьянамъ мы оставляемъ?—то, чего отнять не можемъ—воздухъ... Да одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ.

Законъ запрещаетъ отнять у него жизнь,—но развѣ мгновенно. Съ одной стороны почти все-силіе, съ другой—немошь беззащитнаго. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянъ есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія и по желанію своему истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не можетъ. Се жребіи, закланнаго въ узы, се жребіи, заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребіи вола въ ярмѣ“.

Страстно возставая противъ крѣпостнаго права, какъ „власти тигровъ“, Радищевъ „громко вопіетъ“, обращаясь къ русскому обществу: „опомнитесь, заблудшіе, смягчитесь, жестокосердые, разрушьте оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобнымъ вамъ вкусить сладости общежитія“...

Не удивительно ли такое положеніе, что тѣ люди, которые обрабатываютъ землю и кормятъ дворянъ не владѣютъ ею.

Въ противоположность такому порядку онъ выставляетъ обратное требованіе, что земля должна принадлежать тѣмъ, кто ее обрабатываетъ. Право на землю даетъ только трудъ. „Кто же къ нивѣ

ближайшее имѣть право, буде не дѣлатель ея?“.. Но только свободный трудъ, обезпеченный въ своихъ правахъ, можетъ создать спокойствіе и богатство народа, потому что землевладѣлецъ знаетъ, „что рачить о себѣ, работаетъ на себя, дѣлаетъ про себя“.

И у насъ „дѣланіе нивъ было бы рачительно, если бы было свободно“. Все то, на что не свободно подвизаемся, все то, что не для своей совершаемъ пользы, дѣлаемъ оплошно, лѣниво, косо, и криво“. „Роскошь екатерининскаго дворянства не только не прельщала Радищева, но представлялась ему зловѣщимъ признакомъ народнаго раззоренія.

Но разъ всѣ люди въ естественномъ состояніи равны, какъ же случилось, что получилось неравенство... и что дѣлать народу, очутившемуся въ такомъ положеніи...

Здѣсь Радищевъ становится на точку зрѣнія Руссо и изъ естественнаго равенства людей, опредѣлившаго собою условія первоначальнаго договора, мысль писателя выводитъ равенство гражданъ передъ верховной властью.

Когда же права народа нарушаются, природное право защиты обращается противъ угнетателей. Здѣсь корни тирано-убійства и оправданіе Кромвеля.

„Я чту,—пишетъ онъ въ одѣ „Вольность,—я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя, что власть въ рукѣ своей имѣя,—ты твердь свободы сокрушилъ. Но научилъ ты въ родъ и роды,—какъ могутъ мстить себя народы:—ты Карла на судѣ казнилъ“.

Угнетенный народъ обращается къ государю со слѣдующими словами: „Я облекъ тебя въ порфиру, чтобы блюсти равенство въ обществѣ, быть непримиримымъ мстителемъ пороку, лжи и клеветы, предупреждать зло, хранить въ чистотѣ нравы, желалъ, чтобы землевладѣлецъ не былъ плѣнникомъ на своей нивѣ и благословилъ бы те-

бя. Не щадя своей крови, я воздвигнулъ грозную рать, чтобы карать вѣншихъ враговъ, я велѣлъ повиноваться тебѣ и устремляться съ тобою къ славѣ... Но ты, забывъ данную мнѣ клятву, возомнилъ, что ты господинъ, а не я, расторгъ мечомъ мои уставы, лишилъ силы всѣ права и сталъ гнушаться мною и взывать къ Богу. Злодѣй, болѣе лютый, чѣмъ всѣ злодѣи, преступникъ первый изъ всѣхъ,—я зову тебя на судъ,—пусть не минуетъ тебя ни одна изъ казней и говоритъ народъ: „умри, умри-же ты стократъ“...

Итакъ, во имя народнаго права онъ оправдываетъ теорію тирано-убійства.

И однако, Радищевъ все время стоитъ на точкѣ зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма и самый принципъ монархизма критикъ не подвергаетъ.

Бѣда въ томъ, что монархъ окруженъ кольцомъ льстецовъ, которые докладываютъ, что все обстоитъ благополучно.

Радищевъ приводитъ такого рода случай, будто-бы бывший съ нимъ. Приснился ему сонъ, что онъ сталъ царемъ. Слуги льстиво увѣряютъ его въ благоденствіи царства. Онъ обогатилъ государство, расширилъ торговлю, содѣйствовалъ процвѣтанію наукъ и искусствъ, установилъ правосудіе, облегчилъ положеніе народа... Министры доносятъ ему о счастливыхъ результатахъ его политики. Въ его государствѣ внутри—правосудіе и благополучіе, извнѣ—счастливыя завоеванія. Но вотъ изъ толпы разодѣтыхъ придворныхъ къ нему подходитъ скромная странница въ простой одеждѣ, называющая себя Истиной. Она снимаетъ бѣльма съ глазъ царя и что же онъ видитъ? Льстецы министры и храбрые на словахъ полководцы расхищаютъ казну, суды разваливаются, солдаты умираютъ, расхищается обнищавшій народъ... Въ ужасѣ онъ просыпается.

„Властитель міра, если, читая сонъ мой, ты улыбаешься съ насмѣшкой или нахмуришь че-

лю, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается“... „Только бы открылись глаза у императрицы, думаетъ онъ, и въ Россіи воцарилось бы „блаженство“...

Горькая дѣйствительность опровергла его мечты. Государыня прочла его книгу, конспектировала ея содержаніе и сдѣлала много замѣтокъ, вродѣ слѣдующихъ: „Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно. Сочинитель наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа къ негодованію противу начальниковъ и начальства“. Ея конспектъ поминутно переходитъ въ желчную полемику. Ученица Вольтера и Руссо, отстаивающая свободу слова, сказала крайне нетерпимой. Впервые столкнулась она со свободной мыслью и смѣлой критикой. Она старается выставить непривлекательность взглядовъ автора и посмѣяться надъ нимъ. Когда Радищевъ говоритъ о сохраненіи къ себѣ самоуваженія, она заключаетъ: „сочинитель эгоистъ сущій и болѣе собою занятъ, нежели инымъ чѣмъ“. Когда онъ рассказываетъ о продажѣ крѣпостныхъ съ аукціона,—Екатерина надсмѣхается: „начинается прежалкая повѣсть о семьѣ, проданной съ молотка за долги господина“. „Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ“. „Вдетъ, пишетъ она въ другомъ мѣстѣ, оплакиваетъ судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшая судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всемъ свѣтѣ“.

Дворянскій судъ отметилъ Радищеву за его радикализмъ, за то, что авторъ „Путешествія“ заклеилъ съ убійственной силой „общественнаго злодѣя“, привилегированнаго душевладѣльца и государственнаго дармоѣда, именующаго се-

бя „благороднымъ дворяниномъ“. Этотъ судъ не могъ простить Радищеву ни его неотразимой аргументаціи, направленной противъ государственнаго строя и противъ „нещастнаго предразсудка“ дворянскаго званія, ни его зловѣщаго *memento*, „страшись, помѣщикъ жестокосердный, на челѣь каждаго изъ твоихъ крестьянъ вижу я твое осужденіе“. Смертный приговоръ былъ постановленъ Палатою и подтвержденъ Сенатомъ. Верховная власть замѣнила казнь ссылкой.

Идеи Радищева тѣмъ разительнѣе, что были провозглашены въ моментъ наивысшаго расцвѣта дворянства—золотого его вѣка. Какъ легендарный Фениксъ, рождающійся изъ племени, идеи свободы возрождаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, выдвигая на очередь великую проблему государственнаго и соціального преобразованія.

Печально закончилась попытка Радищева обратиться къ просвѣщенной государственной власти въ интересахъ тѣхъ гражданскихъ вопросовъ, которые предстояло рѣшить XIX столѣтію. Съ этого момента реформаціонная мысль, повертывая въ сторону отъ государственной власти, уходила въ глубь—въ подполье. Новиковъ и Радищевъ были предтечами тѣхъ многочисленныхъ борцовъ за свободу и конституцію,—узниковъ тюремъ и рудниковъ, ссылокъ и высылкъ, которые на протяженіи столѣтій выступали за дѣло освобожденія. Екатерина II была права, когда, во время слѣдствія надъ Радищевымъ, прочитавъ его письмо къ другу, сдѣлала по поводу его слѣдующее замѣчаніе: „видно... что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революція его рѣшила опредѣлить въ Россіи *первымъ подвижателемъ*“.

Кратковременное царствованіе Павла довело до абсурда самодержавную политическую систему. На престолѣ оказался человекъ неуравновѣ-

шенный и психически больной. Поэтому произволъ, господствовавшій въ XIX вѣкѣ былъ доведенъ имъ до крайней степени. Гоненія грозили не только тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые вздумали-бы сопротивляться „общественному порядку и государственному строю“, у которыхъ можно было бы видѣть отраженіе революціонныхъ идей Запада... Нѣтъ—равноправіе въ этомъ отношеніи было полное: императоръ одинаково былъ не милостивъ, какъ въ сферѣ чисто политическихъ, такъ и чисто гражданскихъ отношеній. Онъ какъ будто-бы задался цѣлью доказать, что нѣтъ ничего невозможнаго для его неограниченной власти. „Въ Россіи только тотъ великъ и до тѣхъ поръ, пока онъ говоритъ съ государемъ“—были его любимыя слова. Эту опасную сторону царствованія подмѣтила еще Екатерина. Разъ онъ въ ея присутствіи довольно рѣзко отозвался о французской революціи, говоря, что если-бы онъ былъ французскимъ королемъ, то силою-бы заставилъ преклониться передъ трономъ. „Или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями. Если ты такъ будешь царствовать,—не долго продолжится твое царствованіе“.

Но въ своей политикѣ онъ является первымъ антидворянскимъ государемъ. „Ты да я, я да ты—мы одни будемъ всѣ дѣла дѣлать, говоритъ онъ одному изъ своихъ генераль-прокуроровъ. Однако, идея антидворянской политики не была продиктована политическимъ пониманіемъ общественныхъ отношеній и знаніемъ нуждъ страны. Въ основу политики Павла легли личныя симпатіи и антипатіи.

Екатерина Великая вступила на престоль, перешагнувъ черезъ трупъ Петра III, съ помощью дворянъ и во все свое царствованіе покровительствовала этому сословію.

Этого было достаточно, чтобы Павелъ относился подозрительно и придирчиво къ дворянству.

Императоръ явился врагомъ, проводимыхъ Екатериною реформъ не потому, что онѣ, по его мнѣнію, были не нужны, а потому, что были дѣломъ ненавистной женщины. Онъ сейчасъ же отнимаетъ хартію на вольность дворянства, возстановляетъ древнія наказанія дворянъ и начинаетъ всячески преслѣдовать привилегированный классъ.

Такая политика сильно возбудила сословіе, которое, въ лицѣ кучки заговорщиковъ, 11 марта ворвалось во дворецъ и въ нѣсколько минутъ покончило съ несчастнымъ императоромъ. Это былъ послѣдній переворотъ въ интересахъ чисто дворянскаго класса. Идейнаго движенія противъ режима Павла въ низахъ общества нельзя замѣтить. Но дворянское общество было крайне возбуждено. Въ своей запискѣ „О древней и новой Руси“ Карамзинъ даетъ Павлу слѣдующую характеристику: „Павель вошелъ на престолъ въ то благопріятное для самодержавія время, когда ужасы французской революціи излѣчили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства, но что сдѣлали якобинцы въ отношеніи республики, то сдѣлалъ Павель въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть употребленіе послѣдняго. Сынъ Екатерины могъ быть страшень и заслужить благодарность отечества,—къ неизъяснимому удивленію россиянъ онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей присяги, считалъ насъ не поданными, а рабами, казнилъ безъ вины, вознаграждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды прелесть, унизилъ чины и ленты расточительностью въ оныхъ, легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери и т. д... Но все было напрасно... Павель ежедневно измышлялъ способы устрашать людей и самъ болѣе страшился, думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ и соорудилъ гробницу... Замѣтимъ черту, любопыт-

пую для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, Россія даже не боялась и мыслить: нѣтъ, говорили смѣло, умолкали единственно отъ скуки и частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то дух истиннаго братства господствовалъ въ столицѣ, общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности“... Таковъ обвинительный актъ Павлу со стороны апологета дворянскихъ привилегій. Понятно почему не могло долго терпѣть на тронѣ не подходящаго чело-вѣка дворянство.

Безграничная власть произвола выдвигала въ сословіи на первую очередь вопросъ объ ограниченіи деспотизма и необходимости реформъ. Ненависть къ императорскому деспотизму была настолько всеобща, что ею проникся глава будущій этого самаго абсолютизма—цесаревичъ Александръ.

Воспитанный Лагарпомъ, открыто выражавшимъ свои республиканскія симпатіи, Александръ читалъ съ нимъ Демосфена, Мабли, Тацита, Гиббона, Локка и Руссо.

Для 10—14-лѣтняго юноши воспитаніе было слишкомъ отвлеченнымъ, скользило по поверхности ума, не проникая въ глубь, и сказалось на всей послѣдующей неустойчивой его дѣятельности... А духовный организмъ Александра сложился подъ вліяніемъ страшной политической бури, страшной борьбы между разрушеніемъ и сохраненіемъ. Обязанный по своему положенію принять самое дѣятельное участіе въ событіяхъ, Александръ по свойствамъ своей личной природы и воспитанія, явился на поприще съ требованіями соглашенія и примиренія... Едва ли какому государю удалось испытать такой быстрый поворотъ колеса, въ ту и другую сторону, направо и налево, какъ пришлось испытать въ тѣ годы русскому императору.

Когда Наполеонъ сидѣлъ въ пылающей Москвѣ, Александръ собирался удалиться въ Сибирь, отрастить себѣ бороду, а черезъ полтора года съ шегольской свитой предъ громадною толпою покореннаго Парижа—онъ улыбался на восторженные крики парижанокъ и парижанъ...

Въ началѣ, подъ вліяніемъ воспринятыхъ въ юншествахъ идей, Александръ не хотѣлъ было совѣмъ и царствовать, и когда убѣждали его принять престолъ, то указывали, что это необходимо для созданія свободной политической страны. Его задушевная мысль была о борьбѣ съ деспотизмомъ и о необходимости политической свободы. „День ото дня становится мнѣ все болѣе невыносимымъ по всему, что я вижу вокругъ себя“—писалъ онъ Лагарпу... „Если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то, вмѣсто добровольнаго изгнанія себя, я сдѣлаю несравненно лучше—посвятить себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ее въ будущемъ сдѣлаться игрушкой какихъ-либо безумцевъ... Лучшимъ образцомъ революціи была бы та, которую произвела бы законная власть и нація избрала бы своихъ представителей. Когда придетъ мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется, постепенно, образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы“.

Однажды онъ пригласилъ во дворецъ къ себѣ польскаго республиканца кн. Адама Чарторыйскаго и съ жаромъ сталъ говорить: „Я долженъ познакомиться Васъ съ моимъ образомъ мыслей, чтобы у васъ не составилось обо мнѣ ложнаго представленія. Неужели вы думаете, что я раздѣляю взгляды и убѣжденія правительства государыни, неужели вы думаете, что я одобряю ея внѣшнюю политику и не осуждаю ея принципиально. Нѣтъ, вы жестоко ошибаетесь въ такомъ случаѣ... Я ненавижу деспо-

тизмъ, преклоняюсь передъ свободой, которая есть достояніе всѣхъ людей безъ различія. Я съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ французской революціи и, хотя осуждаю ея крайности, но отъ души желаю успѣха республикѣ“.

Таковы были предположенія, съ которыми вступилъ на престолъ Александръ. Около него образовался извѣстный неофіціальныи комитетъ, состоявшій изъ графа Кочубея, Новосильцева, Строганова, Чарторыйскаго.

Вскорѣ же по вступленіи на престолъ во дворецѣ была найдена прокламація, составленная В. Казанскимъ, гдѣ выражалось пожеланіе, чтобы государь далъ для страны „непреложные законы“ и составилъ „коренное учрежденіе“, которому удѣлилъ бы избытокъ своей власти на охраненіе святыхъ законовъ отечества“...

Конституціонное теченіе новаго царствованія офіціально должно было выразиться при вступленіи на престолъ „во все милостивѣйшей грамотѣ російскому народу“. Въ проектѣ грамоты самымъ существеннымъ мѣстомъ было то, гдѣ говорилось о вольностяхъ каждаго русскаго гражданина: „да пользуется онъ невозбранно свободою мысли, вѣры или исповѣданія, богослуженія, слова, рѣчи, поколико они законамъ государственнымъ не противны и никому не оскорбительны“... Но изданная грамота была далека отъ намѣченныхъ вольностей.

Однако, вопросъ о политической реформѣ былъ тѣсно связанъ съ крѣпостнымъ правомъ. Трудно было искренне говорить о политической свободѣ для страны, гдѣ болѣе половины населенія не пользовалось элементарными человѣческими правами. Вводить конституцію при такомъ положеніи не значило ли давать лишь новую привилегію дворянству, награждать его еще большими политическими правами.

Окружавшій Александра дворянскій кружокъ теоретически былъ согласенъ на широкія полити-

ческія реформы, но лишь только вопросъ о реформахъ осложнился вопросомъ о крѣпостномъ правѣ—гармонія нарушилась тотчасъ же... Несомнѣнно, большинство изъ этихъ господъ потому и были либеральны, что состояли при либеральномъ императорѣ... Мѣняется высшая государственная политика и мы видимъ какъ тотъ же, напр., Кочубей, оказывается въ рядахъ наиболѣе видныхъ реакціонеровъ.

Наиболѣе искренними сторонниками реформъ были графъ Строгановъ и Чарторыйскій. Въ неофициальный комитетъ Строгановъ подаетъ свою знаменитую записку освободить крестьянъ, но такъ, чтобы не обидить дворянъ, не нарушить права ихъ земельной собственности. Крѣпостничество должно пасть постепенно, та же постепенность необходима и въ реформахъ конституціонно-политическихъ.

Какъ извѣстно, при самомъ вступленіи на престолъ Александра I рѣзко выдѣлились 2 партіи: партія широкихъ либеральныхъ реформъ и старинная „сенато-дворцово-дворянская партія“, которая согласилась идти за неофициальнымъ комитетомъ по вопросу объ ограниченіи самодержавной власти въ интересахъ дворянскаго сословія. Но лишь только она поняла, что вопросъ о политической реформѣ тѣсно связанъ съ паденіемъ крѣпостничества, она учла свои выгоды и правильно рѣшила, что при старомъ режимѣ благородному дворянству жить несравненно лучше, чѣмъ при неизвѣстномъ новомъ. Во главѣ съ Державинымъ эта партія выкидываетъ знамя борьбы съ либеральными идеями оппозиціи.

Реформы начались съ первыхъ же лѣтъ XIX столѣтія—вводятся министерства, реформируется Сенатъ... Но идеи, проводимыя неофициальнымъ комитетомъ и клавшіяся въ основу реформъ, не могли осуществиться. Въ основу учрежденія, напр., министерствъ были положены двѣ идеи—идея объединенія министерскаго управленія, стре-

мленіе создать подобіе западному министерскому кабинету и прекратить, по возможности, личное вліяніе, создавъ единую министерскую партію. Другая идея—поставить этотъ комитетъ въ отвѣтственность передъ Сенатомъ—хранителемъ законовъ. Послѣдній имѣлъ право возбуждать вопросъ о законности дѣйствій министровъ. Но эти идеи не могли быть осуществлены, потому что министерскій кабинетъ—учрежденіе конституціонное—очутился на суровой почвѣ русскаго абсолютизма.

Неофициальный комитетъ вводитъ контрассигновку министра и... сохраняетъ абсолютизмъ. Но разъ власть государя остается неприкосновенной, то, понятно, всякая попытка отказа скрѣпы министра ни къ чему не приведетъ.

Министръ, опирающійся на авторитетъ государя, можетъ, по своему желанію, проводить ту или иную мѣру. Отсюда можетъ произойти не объединеніе министерствъ, а, напротивъ, ихъ разединеніе. Въ это же время была попытка провести и министерскую отвѣтственность. Сенатъ вздумалъ добиться отмѣны одного циркулярнаго распоряженія министра, но, такъ какъ, министръ успѣлъ заручиться Высочайшимъ благоволеніемъ, Сенатъ получилъ выговоръ.

Какъ и слѣдовало ожидать наиболѣе сильная критика министерскихъ учреждений вышла со стороны Сената. Старые сенаторы были правы, когда говорили, что министерство это — лишь новая форма самодержавнаго деспотизма, что вмѣсто неограниченной власти государя явилась неограниченная власть министровъ,—система министерскаго деспотима. Дѣйствительно, эта система, въ настоящее время, называемая бюрократической, тогда только что зарождающаяся, много вреда принесла русскому народу. Какое бы незаконное дѣйствіе не задумалъ совершить министръ, никто, не рискуя очень многимъ, не рѣшился бы сдѣлать

ему замѣчаніе. Министру было бы достаточно сказать: „Я имѣлъ счастье докладывать объ этомъ Его Императорскому Величеству и т. д.“, чтобы всякое возраженіе, не только отдѣльныхъ лицъ, но и Сената о незаконности дѣйствія министра, отпадало.

Поэтому такого рода учрежденія не могли удовлетворить самыхъ скромныхъ ожиданій тогдашняго общества.

Въ то же самое время, когда работалъ неофициальный комитетъ, выдвигается своей дѣятельностью Сперанскій. Въ началѣ онъ не рѣшался открыть свои мысли о необходимости немедленнаго проведенія реформъ и, повидимому, стоялъ на точкѣ зрѣнія неофициальнаго комитета. Онъ также признавалъ необходимость медленнаго постепеннаго перехода отъ самодержавнаго государства къ конституціонному, свободному. Хотя, по его мнѣнію, есть лишь одна истинная форма монархіи— конституціонное государство,—но, исходя изъ того соображенія, что русское общество совершенно не подготовлено къ политической свободѣ, онъ предлагалъ цѣлый рядъ предварительныхъ мѣръ.

Когда же выяснилась вся трудность проведенія реформъ—вслѣдствіе сопротивленія дворянства, сломить которое могла лишь неограниченная власть, стоящая выше сословій, Сперанскій всталъ на противоположную точку зрѣнія и предлагалъ сразу ввести своеобразное государственное управленіе Россіи: онъ предложилъ провести въ жизнь свой знаменитый планъ.

Съ большою смѣлостью онъ развилъ тѣ идеи, которыя проводили впоследствии декабристы. Съ послѣдними Сперанскій былъ въ тѣсномъ общеніи и при переворотѣ предназначался даже въ число немногихъ членовъ Верховнаго Правительства.

Поэтому можно смотрѣть на его планъ преобразованія, какъ на одинъ изъ раннихъ плановъ декабристовъ. Онъ постарался, чтобы его планъ показался умѣреннымъ и, не желая пугать реакціоне-

ровъ, ни разу не упомянулъ слова „конституція“. Это слово обозначалось выраженіемъ „коренные государственные законы“.

Въ основѣ политическаго міровоззрѣнія его лежитъ идея естественнаго права. Основная мысль его плана та, что государственная власть слагается изъ трехъ элементовъ: власти законодательной, исполнительной и судебной. Всѣ эти власти исходятъ по существу своему изъ одного источника— народа. Народъ же есть суверенъ.

Вотъ эту-то идею—послѣднее слово тогдашней западно-европейской мысли—Сперанскій и пытается примѣнить въ своемъ планѣ къ социальнымъ и политическимъ условіямъ, въ которыхъ находилась тогда Россія.

Чтобы подтвердить идею о необходимости „истинной монархіи“—Сперанскій въ запискахъ, подаваемыхъ государю, насколько возможно ѣдко критикуетъ самое положеніе Верховной власти въ Россіи и тѣ учрежденія и приемы, въ которыхъ она себя проявляетъ, и высказываетъ свои взгляды на историческое положеніе родины.

По его мнѣнію, разница между истинной монархіей и деспотіей въ томъ, что въ деспотіи всѣ права принадлежатъ государю и ничего народу. При этомъ есть два вида правъ: права гражданскія и права политическія. Въ однихъ деспотіяхъ народъ лишень правъ политическихъ, но имѣетъ гражданскія права. Въ Россіи же онъ лишень и тѣхъ и другихъ, слѣдовательно, Россія есть худшій видъ деспотіи.

Но теперь страна находится въ такомъ періодѣ, когда необходимо сдѣлать шагъ впередъ. Далѣе Сперанскій высказываетъ взгляды на общую эволюцію жизни народовъ и Россіи.

По существу всѣ народы проходятъ одинаковые историческіе этапы. Въ древнее время были примитивныя демократическія учрежденія. Они постепенно сходятъ со сцены и на ихъ мѣсто вводится

феодализмъ, т.-е. такой порядокъ, гдѣ власть въ странѣ принадлежитъ классу землевладѣльцевъ. Единая власть въ государствѣ раздробилась между многими феодальными владѣльцами въ ущербъ власти монарха. Но постепенно власть послѣдняго крѣпнеть и переходитъ во власть самодержавную. Въ концѣ концовъ появляется народное представительство.

Россія пережила тѣ же этапы. Вмѣстѣ съ развитіемъ политическимъ развивается просвѣщеніе и на развалинахъ монархіи выдвигается новый классъ—буржуазія. Исторія вовсе не намѣчается волею царя—онъ играетъ въ ней лишь подчиненную роль и ничѣмъ не можетъ измѣнить ходъ событій, поэтому, обращаясь къ Россіи, Сперанскій говоритъ, что желательно бы воспользоваться опытомъ сосѣдей и избѣгнуть тѣхъ глубокихъ потрясеній, какія пережила Западная Европа...

Исторія всюду одинакова. Наши удѣльные князья соотвѣтствуютъ западнымъ феодаламъ—это первая стадія. Она переходитъ во вторую, когда самодержавіе ихъ покоряетъ и становится единственной силой въ государствѣ. Но на этой второй стадіи не можетъ остановиться процессъ развитія—онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ направленіе къ свободѣ...

Современная Россія, говоритъ Сперанскій, глубоко измѣнилась—измѣнился самый социальный составъ, развилась промышленность, сознание необходимости реформъ проникло въ самые широкіе слои общества. Поэтому никакое управленіе, съ духомъ времени несогласное, не можетъ удержаться въ силѣ и должно уступить новому порядку вещей.

Онъ прямо говоритъ, что и у насъ, какъ въ другихъ государствахъ, феодальная система управленія приближается къ паденію, а это видно изъ того, что направленіе умовъ русскаго общества

ярко стремится къ кореннымъ преобразованіямъ.

Правительство никакими мѣрами не въ силахъ остановить движеніе. Реформы—вопросъ прямой необходимости.

Частичныя исправленія не нужны, да и не возможны при самодержавной формѣ правленія.

Самодержавіе нужно совершенно отмѣнить. Нужно, чтобы былъ разбитъ первый камень самовластія рѣшительными реформами, которыя необходимо провести единовременно.

Онъ отрицаетъ также и сословныя привилегіи дворянства и торговаго класса. Въ основу конституціи онъ кладетъ чисто-либеральныя принципы. Но въ его умѣ витаетъ идеаль государства, основаннаго на частной собственности.

Поэтому, разсуждая о политическихъ правахъ, онъ рекомендуетъ давать ихъ только собственникамъ—исключительно лицамъ, обладающимъ недвижимымъ или движимымъ капиталомъ. Психологія собственника заинтересована въ установленіи порядка; тѣхъ же, у кого это стремленіе не проявляется сильно—нужно устранить отъ управленія. Рабочій классъ поэтому Сперанскій рѣшительно устраняетъ отъ участія въ политическихъ правахъ.

Поэтому въ будущей русской конституціи нужно различать свободу политическую и—гражданскую. Свободою гражданскою должны пользоваться все рѣшительно, но свобода политическая предоставляется лишь имущимъ классамъ..

Самодержавная власть,—думаетъ онъ,—безъ „истинной монархіи“ часто вредитъ не только другимъ, но и сама себѣ. „Верховное начало въ Россіи—государь самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власть законодательную и исполнительную и располагающій неограниченно всеми силами государства — это начало никакихъ вещественныхъ предѣловъ не имѣетъ“. Единственный предѣлъ—„умственные границы“.

Такое положеніе власти тягостно ей самой. Составъ ея „многосложенъ“, т.е. всѣ власти—законодательная, судебная и исполнительная соединены въ одномъ лицѣ, Поэтому власть завалена работой, исполнить которую нѣтъ никакихъ человѣческихъ силъ. „По разнообразію пространства власти, многосложности предметовъ нельзя предполагать, что лицо державное, само собою и непосредственно на нихъ дѣйствуя, могло сохранить съ точностью ихъ предѣлы и во всѣхъ случаяхъ сообразить всѣ различныя ихъ отношенія“... Въ русскихъ „учрежденіяхъ нѣтъ единства“. Сенатъ ничего не можетъ постановить безъ государева указа—министры же издають законы. При такомъ положеніи вещей ни общество, ни администрація совершенно не подготовлены къ сознательному исполненію законовъ. Суды поставлены ниже критики, да и трудно быть честнымъ судьѣ, гдѣ нѣтъ публичности самаго суда и т. д.

Поэтому для устройства истинной монархіи онъ и предлагаетъ свой планъ.

По словамъ самого автора—„весь разумъ сего плана въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ сообщить дѣйствію власти болѣе достоинства“.

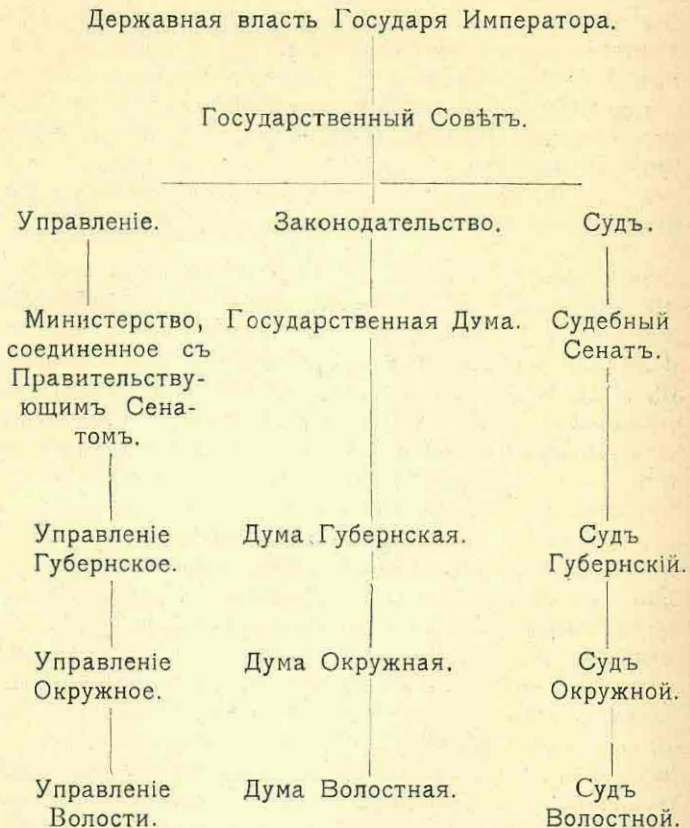
„Этотъ „планъ“ состоялъ изъ ряда учрежденій, которыя составляли три параллельныхъ ряда: законодательныхъ, исполнительныхъ и судебныхъ. Законодательныя учрежденія это—думы: волостныя, окружныя, т.е. уѣздныя, губернскія и, наконецъ, высшая, т.е. „Государственная Дума“. Думы волостныя состояются изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности, а казенные крестьяне посылають на это собраніе одного старшину отъ 500 душъ. Думы уѣздныя, окружныя состоятъ изъ депутатовъ отъ волостныхъ думъ... Губернскія—изъ депутатовъ отъ уѣздныхъ думъ...

и, наконецъ „Государственная дума“ изъ депутатовъ ютъ губернскихъ думъ, Мѣстныя думы созываются разъ въ три года, Государственная Дума—ежегодно. Она имѣетъ законодательное значеніе, обсуждаетъ законы, законопроекты, вносимые министрами или Государственнымъ Совѣтомъ, въ иныхъ случаяхъ она пользуется и законодательной инициативной. Продолженіе и утвержденіе проектовъ принадлежитъ державной власти, но ни одинъ законъ не можетъ имѣть силы безъ разсмотрѣнія Государственной Думы.

Исполнительнымъ учрежденіемъ является министерство. Оно стояло во главѣ всѣхъ главныхъ мѣстныхъ управленій, а мѣстныя управленія составлялись по выбору отъ мѣстныхъ думъ. Волостныя думы выбираютъ волостныя правленія, Окружныя—членовъ Окружнаго Совѣта. Во главѣ же всей исполнительной власти стоитъ отвѣтственное передъ Государственной Думой министерство.

Судебныя учрежденія состоятъ изъ волостныхъ судовъ съ характеромъ мировой юстиціи, изъ судовъ окружныхъ (уѣздныхъ), выбираемыхъ окружными думами и вѣдающихъ дѣла своей мѣстности, изъ судовъ губернскихъ, состоящихъ изъ членовъ, выбранныхъ губернскими думами и, наконецъ, изъ Сената—высшей судебной инстанціи.—Члены Сената избираются Государственной Думой. Дѣятельность трехъ высшихъ учрежденій объединяется Государственнымъ Совѣтомъ, который состоитъ изъ членовъ аристократіи. Государственному Совѣту принадлежитъ надзоръ надъ всѣми учрежденіями и наблюденіе за исполненіемъ законовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Это учрежденіе контролирующее, и не законодательное.

Схематически государственный организм Сперанскаго представляется въ такомъ видѣ:

Характерно, что все должностныя лица, выполняющія судебныя и административныя функціи, являются выборными. Преобладающее значеніе, конечно, осталось бы за дворянствомъ.

Могъ ли быть осуществленъ этотъ стройный въ теоріи планъ?...

Едва ли. Однако, онъ не прошелъ совершенно безслѣдно, и въ жизнь изъ него взяты съ большими измѣненіями нѣкоторыя учрежденія.

Перваго января 1810 года былъ открытъ преобразованный по плану Сперанскаго Государственный Совѣтъ. Но это не былъ Совѣтъ по мысли Сперанскаго: на него переложены были нѣкоторыя законодательныя функціи.. Совѣтъ сохранилъ свою роль верховнаго наблюдателя, однако, главною своею цѣлью имѣлъ разсмотрѣніе законопроектовъ. Это не было ни законодательное, ни законосообщательное учрежденіе, а скорѣе законоподготовительное, „лабораторія законопроектовъ“, какъ выразился В. О. Ключевскій, и больше.. ничего.

Въ установленіи же министерствъ былъ пробѣлъ въ томъ отношеніи, что Сперанскій точно установилъ и распредѣлялъ дѣла по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, но это не было принято во вниманіе...

Быть можетъ планъ Сперанскаго былъ бы осуществлень и въ дальнѣйшихъ частяхъ, если бы не вышнія обстоятельства. Но какъ?... Что вышло бы изъ него?.. Самъ Сперанскій признавалъ во вступленіи, что наличныхъ элементовъ для осуществленія его плана не имѣется. Новый порядокъ, по его мнѣнію, можно было построить на трехъ основахъ: 1) налицо долженъ быть конституціонный монархъ, власть котораго ограничена основными законами, 2) монархическая аристократія, составленная изъ высшихъ сановниковъ, и въ 3) свободный народъ, солидарный съ аристократіей въ своихъ интересахъ.

Были ли налицо эти три основы—ни одной изъ нихъ. Не было никакихъ серьезныхъ основаній думать, что императоръ Александръ хотѣлъ быть конституціоннымъ монархомъ. Онъ хотѣлъ даровать конституцію.. но и только—жертвовать своей властью онъ не хотѣлъ.

Въ планѣ Сперанскаго мы не встрѣчаемъ термина „Самодержецъ“—онъ замѣненъ титуломъ „державный“, но и терминъ мало значитъ, когда рѣчь идетъ о дѣлежѣ власти... Да и чѣмъ могла быть эта власть ограничена, когда не было основныхъ законовъ?

Должна была быть налицо аристократія, подобная англійской, но тамъ она создавалась въ теченіе многихъ вѣковъ. А чиновничество едва ли могло встать въ уровень съ лордами.

И не изъ среды ли этой группы планы Сперанскаго получили самый энергичный отпоръ?...

Карамзинъ явился выразителемъ мнѣній его противниковъ. 18 марта 1811 года онъ вручаетъ государю записку „о древней и новой Россіи“, гдѣ утверждаетъ, что государь не имѣетъ даже права ограничить свою власть, потому что Россія вручила его предку „самодержавіе нераздѣльное“.

Наконецъ, какая солидарность должна быть между русской аристократіей и „свободнымъ народомъ“?.. Да и свободнаго народа не было, были казенные крестьяне, купцы, мѣщане, дворяне, но это не „народъ“.

Почти половина народа находилась въ крѣпостной зависимости.

Замѣтимъ еще, что въ думахъ не было представителей отъ городского класса, а лишь представители земельной собственности. При положеніи сословій того времени Государственная Дума вышла бы чисто-дворянской..

Несомнѣнно, что этотъ планъ, на которомъ мы задержались нѣсколько дольше, свидѣтельствуетъ уже о развитомъ чувствѣ государственнаго дѣятеля и невольно вызываетъ съ собою сравненіе современнаго государственнаго строя Россіи. Быть можетъ, самый терминъ „Государственная Дума“ взять изъ плана Сперанскаго?...

Замѣтимъ предварительно, что избирательными правами, по проекту Сперанскаго, дворянинъ

пользуется не потому, что онъ дворянинъ, а потому, что онъ обладаетъ необходимымъ имущественнымъ цензомъ. Дворянинъ, у котораго не окажется недвижимости лишается избирательныхъ правъ. Въ основу государственной системы Сперанскаго положенъ имущественный цензъ. Здѣсь уже проглядываетъ новый принципъ безусловнаго представительства имущественныхъ классовъ. Этотъ-то принципъ, выраженный первоначально въ проектѣ Сперанскаго, получилъ дальнѣйшее свое развитіе въ планахъ декабристовъ.

Какъ разъ это начало и проведено въ конституціи Никиты Муравьева. Его проектъ на первый взглядъ покажется демократичнѣе проекта Сперанскаго, но это неправильно, ибо, считая необходимымъ освободить крестьянъ, Муравьевъ отстраняетъ ихъ отъ политическихъ правъ

Не останавливаясь теперь на индивидуальномъ разборѣ проектовъ декабристовъ, бросимъ бѣглый взглядъ на развитіе политической и оппозиціонной мысли въ Россіи. Сравнивая эпоху Екатерины II и Александра I, мы придемъ къ заключенію, что государственная и оппозиціонная мысль сдѣлала большой шагъ впередъ.

Если во времена Екатерины противъ деспотизма возставали лишь одинокіе мыслители, слабо поддержанные вновь нарождающимся общественнымъ мнѣніемъ, то времена Александра въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются. Сначала слабо, потомъ все сильнѣе и замѣтнѣе обнаруживается въ обществѣ интересъ къ внутреннимъ дѣламъ Россіи. Мысль вникаетъ въ нихъ и старается найти причины тѣхъ золъ, которыя чувствовались. Внутри политическій вопросъ получаетъ въ первый разъ ясную постановку. Общественная мысль стала шире и яснѣе, кругъ общества, въ которомъ она дѣйствовала несравненно обширнѣе, самые предметы, на которыхъ она останавливается, во всей полнотѣ

еще до сихъ поръ не исчерпаны. (Напр., вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ).

Но указывая на это развитіе политической мысли, нельзя преувеличивать ея значеніе, ея глубины и размѣровъ вліянія. Мысль исходила изъ передовыхъ рядовъ сословія, которое по своему соціальному положенію было глубоко противно реформамъ и потому не могла рассчитывать на энергичную поддержку, разъ дѣло касается дѣлежа власти. Не въ этомъ ли, главнымъ образомъ, можно видѣть неуспѣхъ конституціонныхъ плановъ этого періода?...

Первое время, какъ мы уже знаемъ, конституціонные планы и замыслы исходили изъ круга лицъ, окружающихъ императора. Поэтому личность Александра оказала большое вліяніе на ихъ развитіе. Александръ былъ искрененъ, когда говорилъ о своемъ отвращеніи отъ деспотизма, онъ хотѣлъ ограничить эту власть закономъ, но онъ не привыкъ уважать права другихъ. На всѣхъ его дѣйствіяхъ лежала печаль нерѣшимости и половинчатости. Александръ торжественно уничтожаетъ тайную экспедицію, но черезъ нѣсколько времени она появляется подъ другими формами, болѣе мягкими, чѣмъ раньше, и система шпіонства, удаленій, ссылокъ, примѣнялась, какъ и раньше, безъ суда. Этимъ подрывался принципъ законности и обѣщанія перваго манифеста. Къ крестьянамъ Александръ питалъ самыя лучшія намѣренія, но боялся приступить радикально къ этому вопросу, предполагая сопротивленіе дворянства. Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ дѣйствовалъ лишь первое время и свелся скоро на нѣтъ... Такая же печальная участь постигала и другія начинанія благихъ порывовъ первой половины царствованія..

Желая слѣдовать новымъ принципамъ и въ то же время вести правленіе „по духу своей баб-

ки“, онъ возстанавливаетъ жалованную дворянскую грамоту, городовое положеніе и т. д.

Онъ не имѣетъ особой любви къ дворянскому сословію, но не заботится о дарованіи правъ другимъ сословіямъ, чтобы вызвать ихъ къ общественной самодѣятельности. Ему хотѣлось бы установить новыя общественныя учрежденія, но онъ боялся частной инициативы. Но истинныя цѣли государства могутъ быть достигнуты лишь съ развитіемъ общественной инициативы, а когда она подавляется, то уходитъ въ подполье, куда не достигаетъ правительственная рука.

Александръ чувствовалъ необходимость рѣшенія возложенныхъ на него задачъ, но не имѣлъ смѣлости и характера, чтобы преступить къ этому искренне и открыто... Да къ тому же эта будничная домашняя работа мало прельщала государя-романтика, когда на Западѣ Европы открывались блестящія перспективы дѣятельности. Не на второй ли планъ должны уйти для него внутреннія преобразованія?...

Между тѣмъ внутренній разладъ, начавшійся между нимъ и прогрессивнымъ обществомъ, разединилъ ихъ и загналъ оппозицію въ подполье. Реформаторская мысль отлетаетъ отъ императорскихъ чертоговъ. И начавъ съ заявленія себя республиканцемъ, Александръ кончилъ созданіемъ „Священнаго Союза государей“ для борьбы съ народомъ и—аракчеевщиной.

Послѣ 1812 года возбужденіе умовъ въ Россіи достигло высокой степени напряженія. Литература на разные лады проповѣдывала національные идеалы: „Гдѣ, гдѣ не слышно имя Россовъ? Какъ буря міръ они прошли. Въ столѣтъ побѣдныхъ сто колоссовъ во всѣхъ краяхъ имъ возросли“. Но у себя дома эти храбрецы, метавшіе грома по всему міру, были тише воды, ниже травы.

„Держа себя, какъ важный баринъ съ подчиненными крѣпостными, дворянинъ по отношенію къ правящимъ сферамъ держался, какъ послѣдній лакей“.

Англичанка миссъ Катринъ Уильтонъ, гостившая у княгини Е. Р. Дашковой въ 1805—7 годахъ пишетъ въ своихъ „Письмахъ изъ Россіи“: „въ Москвѣ, собственно, нѣтъ того, что называютъ джентельмэномъ, каждый измѣряетъ свое достоинство по мѣрѣ царской милости. Поэтому старые идиоты и выжившія изъ ума женщины— всемогущи... имѣя на себѣ больше лентъ и чиновъ, чѣмъ люди молодые“... Далѣе она отмѣчаетъ тѣсную связь между этимъ духомъ лакейскаго подчиненія и крѣпостнымъ правомъ. „Я смотрю на каждаго русскаго плантатора, какъ на желѣзное звено въ огромной цѣпи, оковывающей это царство, и когда я встрѣчаюсь съ ними въ обществѣ,—я невольно думаю, что сами они крѣпостные доспота“.

Въ затхлои атмосферѣ тогдашняго общества громадное значеніе имѣли внѣшнія событія. Война 12 года познакомила русскихъ съ западно-европейскими порядками и хотя закончилась благополучно для самодержавія, но заставила работать народную мысль. А начавшаяся реакція подерживала возбужденіе.

Войска воротились на родину и ихъ глазамъ во всей своей красотѣ представилась безудержная русская реакція. Бѣдствія, тяготѣвшія надъ русскимъ народомъ, нашли въ нихъ горячій откликъ.

Одинъ изъ декабристовъ въ слѣдующихъ словахъ выразилъ настроеніе тогдашняго передового общества:

„Мы были сыны 1812 года. Порывомъ нашего сердца было жертвовать всѣмъ, даже жизнью во имя любви къ отечеству. Въ нашихъ чувствахъ не было эгоизма“.

Рано или поздно настроеніе передовыхъ словъ общества должно было вылиться. Въ обществѣ же вмѣстѣ съ усиленіемъ реакціи вырастало убѣжденіе, что отъ правительства ждать нечего... И по мѣрѣ увеличивающагося разочарованія общественное движеніе, не находя себѣ выхода и удовлетворенія, въ извѣстной своей части должно было принять характеръ заговора, уйти въ тайныя общества.

Тайное общество, конечно, не всегда сразу налаживалось. Въ 1816 году мы знаемъ „Союзъ Спасенія“. На первомъ планѣ стояла подача петиціи государю отъ имени виднѣйшихъ членовъ русскаго общества о необходимости освободить крестьянъ, потомъ предполагалась реформа политическая—говорили о созданіи конституціонной монархіи, среди нѣкоторыхъ членовъ тайныхъ обществъ шла рѣчь о возможности революціи и даже о царубійствѣ.

Этотъ союзъ недолго существовалъ и на его мѣсто въ 1818 году возникъ новый - „Союзъ Благоденствія“.

Въ этомъ союзѣ уже былъ уставъ. „Если основываться на той части, которая извѣстна намъ и не имѣть въ виду второй части, о существованіи которой говорятъ нѣкоторые декабристы, то Союзъ Благоденствія намѣревался играть очень скромную роль: „послѣствовать видамъ правительства, которое само стремится къ благу народа“.

Уставъ возникъ въ томъ самомъ году, въ которомъ Александръ I сказалъ свою извѣстную рѣчь на Варшавскомъ Сеймѣ. Это былъ моментъ, когда русское общество не совсѣмъ потеряло надежду на прогрессивную работу правительства. Судя по первой части, Союзъ имѣлъ въ виду охватить самыя разнообразныя стороны жизни. Члены его словомъ и примѣромъ должны были проводить свои идеи, участвовать въ учрежденіяхъ государ-

ства, бороться съ разнаго рода злоупотребленіями или доводить ихъ до свѣдѣнія правительства. Судя по уставу, мы видимъ, что составители его какіе-то идеалисты, которые разсуждаютъ о добродѣтели и порокахъ, но не ставятъ вопросъ на соціально-политическую почву и даже не помышляютъ о какой-нибудь соціально-политической борьбѣ сословій, а говорятъ только о порокахъ, добродѣтели и полагаютъ, что бороться можно только путемъ нравственнаго воздѣйствія и примѣра.

Всѣ члены союза изъ общества, какъ высшіе, такъ и низшіе, должны поддерживать другъ друга. Члены дворянскаго сословія поддерживаютъ членовъ купческаго, мѣщанскаго и земледѣльческихъ сословій. А члены мѣщанскаго сословія должны также поступать между собою относительно дворянъ. Всѣ должны быть друзьями, когда дѣло коснется какого-либо общаго вопроса. Союзъ стремится единственно къ цѣлямъ высшаго блага. Истинная нравственность положила прочное и непоколебимое благосостояніе русскому народу.

Въ уставѣ Союза Благоденствія много разъ говорится, что въ основѣ жизни прежде всего должна являться добродѣтель и нравственность. Къ тому же члены были въ высшей степени религіозны и слова: „вѣра и религія“ не сходятъ съ ихъ языка. Въ уставѣ мы находимъ даже эстетику. Принимая въ число членовъ женщинъ, Союзъ предлагаетъ „нечувствительнымъ образомъ склонять женскій полъ къ составленію челобитной и вообще частныхъ обществъ, соотвѣтствующимъ цѣлямъ Союза“.

Большую важность представляютъ разсужденія устава о крестьянскомъ вопросѣ. Есть разсужденія и о рабочемъ вопросѣ, но уставъ подробно на этомъ не останавливается. Въ уставѣ не находимъ категорическаго выраженія мысли о необходимости освобожденія крестьянъ, а только разные со-

вѣты относительно смягченія крѣпостного права: помѣщики обязаны насаждать грамотность, имѣть такихъ священниковъ, которые учили бы народъ нравственности, склонять другихъ помѣщиковъ къ хорошему обращенію, ибо „подданные такіе же люди и никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которые позволяли бы властителямъ жестоко съ подданными обходиться“. Члены должны отклонять продажу мѣстъ въ рекрутскомъ наборѣ, „ибо люди не суть товаръ“. Но Н. И. Тургеневъ даже прямо ставитъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Нѣкоторые члены отпустили своихъ крестьянъ на волю. Въ самомъ же уставѣ объ освобожденіи крестьянъ, какъ мы уже говорили, ничего ровно не говорится. Въ нѣмецкомъ уставѣ, который послужилъ образцомъ для устава Союза Благенствія, есть прямое требованіе, чтобы вступающіе въ этотъ союзъ отказывались отъ права владѣнія крестьянами. Этого требованія въ русскомъ уставѣ не имѣется. Но, по словамъ А. Н. Муравьева, цѣли Союза Благенствія не исчерпываются тѣмъ, о чемъ говорится въ уставѣ. На первомъ планѣ, говоритъ онъ, стояло уничтоженіе крѣпостного права, требованіе равенства всѣхъ передъ закономъ, публичности государственныхъ дѣлъ и т. д. Однако, число членовъ самого союза было весьма не велико, и въ 1821 году на Московскомъ съѣздѣ возникъ вопросъ: быть ли союзу или нѣтъ. Большинство рѣшило его закрыть и основать новое общество, съ болѣе радикальной программой.

Образовались сѣверное и южное общества. Южное болѣе радикальное, сѣверное болѣе умѣренное. Постепенно среди членовъ общества все чаще и чаще слышатся сужденія о республиканской формѣ правленія. Появляются уже продуманные конституціонные проекты. Рельефнѣе всего намѣренія и желанія декабристовъ выразились въ двухъ памятникахъ—въ „конституціи Н. Му-

равьева“ и въ „Русской Правдѣ“ Пестеля. У Н. Муравьева въ первой редакціи его „конституціи“ есть вступленіе: „Опытъ всѣхъ народовъ и время доказалъ, что власть самодержавная равно гибельна для правительства и для обществъ, что она не согласна ни съ правилами вѣры нашей, ни съ началами здраваго разсудка; нельзя допустить основаніемъ правительства—произволь одного человѣка, невозможно согласиться, чтобы всѣ права находились на одной сторонѣ, обязанности—на другой. Слѣпое повиновеніе можетъ быть основано только на страхѣ и недостойно ни разумнаго повелителя, ни разумныхъ исполнителей. Ставя себя выше законовъ, государи забыли, что они въ такомъ случаѣ внѣ законовъ, внѣ чело- вѣчества, что невозможно имъ ссылаться и на законъ, когда дѣло идетъ о другихъ и признавать ихъ бытіе, когда дѣло идетъ о нихъ самихъ. Одно изъ двухъ: или они справедливы—тогда къ чему же не хотятъ и сами подчиняться онымъ, или они несправедливы—тогда зачѣмъ хотятъ они подчинить ихъ другимъ. Всѣ народы европейскіе достигаютъ законовъ и свободы. Болѣе всѣхъ ихъ народъ русскій заслуживаетъ то и другое. Но какой образъ правленія ему приличенъ? Народы малочисленные бываютъ обыкновенно добычей сосѣдей и не пользуются независимостью. Народы многочисленные пользуются внѣшней пезависимостью, но обыкновенно страдаютъ отъ внутренняго угѣненія и бываютъ въ рукахъ деспота орудіемъ притѣсенія и гибели сосѣднихъ народовъ. Обширность земель, многочисленное войско препятствуютъ однимъ быть свободными, тѣ, которые не имѣютъ ихъ неудобствъ, страждутъ отъ своего безсилія. *Федеральное* или *союзное правленіе* одно разрѣшило сію задачу, удовлетворило всѣмъ условіямъ и согласило величіе народовъ и свободу гражданскую подъ надзоромъ государства: одно законодательное собраніе находится въ

столицѣ и дѣлаеть всё распоряженія общія для всего государства; частныя распоряженія, касающіяся областей, предоставлены областнымъ законодательнымъ собраніямъ, образованнымъ на подобіе столичнаго, и, такимъ образомъ, доставляется благосостояніе цѣлаго и частей“.

Вторая редакція проекта Никиты Муравьева содержитъ въ себѣ 13 главъ: 1) О народѣ русскомъ и правленіи, 2) О гражданахъ, 3) О состояніи, личныхъ правахъ и обязанностяхъ русскихъ, 4) О Россіи, 5) О внутреннемъ устройствѣ—волостномъ и уѣздномъ, 6) О народномъ вѣчѣ, 7) О палатѣ представителей, о числѣ и выборѣ представителей, 8) О думѣ верховной, 9) О власти и преимуществахъ народнаго вѣча и составленія законовъ, 10) Объ исполнительной власти, 11) О внутреннихъ властяхъ и правительствахъ державъ, 13) объ исполнительной власти державъ.

Относительно уничтоженія крѣпостного права Муравьевъ высказался весьма опредѣленно.

Рабъ долженъ быть свободнымъ. Раздѣленія между благородными и простолюдинами не признается, такъ какъ противно христіанской религіи. Но необходимо не только освободить личность крестьянина, еще необходимѣе снабдить ихъ надѣломъ въ размѣрѣ двухъ десятинъ. Необходимо гражданская свобода, свобода личности, слова, собраній и такъ далѣе.

Народно-представительный строй долженъ быть организованъ на двухъпалатной системѣ. Государь долженъ быть ограниченъ конституціей; вступающій на свой тронъ, онъ присягаетъ соблюдать ее. Министры отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ.

Народные представители выбираются лицами, имѣющими имущественный цензъ и, даже тѣ крестьяне, которые получили свободу, не могутъ быть избирателями.

Конституція Н. Муравьева не свободна отъ нѣкоторыхъ элементовъ сословности и имущественнаго неравенства, но, все-таки, по сравненію съ конституціей Сперанскаго, она представляетъ большой шагъ впередъ

Двѣ главныя идеи ярко выражены въ ней: уничтоженіе самодержавія и уничтоженіе крѣпостнаго права.

Еще дальше пошелъ Пестель. Онъ подробно занялся разработкою проекта русскаго государственнаго устройства и назвалъ его „Русской Правдой“.

Холодный, логическій умъ, непреклонная воля и смѣлая увѣренность въ своихъ сужденіяхъ и своихъ силахъ—основныя черты личности Пестеля. Подобно французскимъ мыслителямъ и дѣятелямъ XVIII и начала XIX вѣковъ, онъ въ своихъ проэктахъ неособенно считался со сложившейся исторической обстановкой. Какъ истинный сынъ революціонной эпохи, подобно якобинцамъ, онъ вѣрилъ въ торжество идеи—въ возможность осуществленія своего идеала рѣзкимъ насильственнымъ, революціоннымъ путемъ при какихъ бы то ни было общественныхъ условіяхъ времени и мѣста. Этимъ, можетъ быть, и объясняются нѣкоторыя прямолинейныя положенія „Русской Правды“.

Пестель съ большой откровенностью разсказалъ о той эволюціи, какую пережила его политическая мысль. Дѣло началось со чтенія различныхъ размысленій по поводу общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Работа велась скромно, безъ всякой критики русскаго государственнаго строя. Но на этой стадіи мысль не остановилась. Захотѣлось сравнить то, что онъ читалъ въ лучшихъ сочиненіяхъ своего времени, съ тѣмъ, что наблюдалось въ дѣйствительности. Это сравненіе и привело его къ отрицательнымъ выводамъ.

Исторія возвращенія во Францію Бурбоновъ навела его на новыя мысли. Онъ видитъ, что идеи французской революціи, противъ которыхъ возставали многіе, заключаютъ много хорошаго и нѣкоторые получили признаніе и распространеніе. Съ другой стороны, ему хотѣлось избѣжать тѣхъ рѣзкихъ потрясеній, какія испытала Франція. Затѣмъ факты русской исторіи,—республикъ Греціи и Рима—убѣдили его, что революціонный переходъ къ новымъ политическимъ порядкамъ долженъ былъ бы совершиться безъ всякихъ безпорядковъ. Съ этими мыслями приступалъ Пестель къ созданію „Русской Правды“.

Власть должна находиться въ рукахъ народа и отъ него переходить къ государямъ. Правительство существуетъ для блага народа, а не наоборотъ. Для осуществленія этихъ идей необходимо переменить форму правленія, исторгнувъ власть изъ рукъ самодержавнаго монарха въ руки народа съ помощью переворота. Въ противоположность Муравьеву, Пестель является защитникомъ идеи государственнаго централизма и противникомъ федератизма, ибо разъ государство будетъ жить обособленной жизнью своихъ автономныхъ единицъ, то никто не будетъ думать объ общемъ благѣ. По мнѣнію Пестеля, надо, чтобы всѣ граждане безъ исключенія признали Россію своимъ государствомъ, отказались бы отъ своего языка и даже имени и назывались бы только русскими гражданами.

Когда всѣ народы сольются воедино и даже внѣшнія различія между ними будутъ сглажены, то въ образовавшемся, такимъ образомъ, цѣломъ—нужно установить полное равенство передъ закономъ, всякія сословныя и соціальныя различія отмѣнить, всякіе титулы, какъ пустыя украшенія, уничтожить. По вопросу о крѣпостномъ правѣ въ „Русской Правдѣ“ есть нѣсколько горячо написанныхъ страницъ.

По вопросу же о томъ, какимъ путемъ наиболѣе справедливо уничтожить крѣпостное право, Пестель полагаетъ, что это нужно сдѣлать такъ, чтобы дворяне не лишились доходовъ и чтобы эта реформа проводилась безъ беспорядковъ и волненій, каковыя въ случаѣ, если они возникнутъ, подавлять силой. Пестель такъ былъ увлеченъ идеей государственности и такъ былъ увѣренъ въ полномъ совершенствѣ проектируемаго имъ строя, что считалъ возможнымъ все проявленія народной жизни подчинить будущему государственному строю.

Воспитаніемъ дѣтей, напрімѣръ, и народнымъ образованіемъ должно завѣдывать государство. Нельзя разрѣшать никакихъ частныхъ обществъ: явныя—безполезны, а тайныя—вредны. Свободу совѣсти—въ видѣ свободы внутренняго вѣрованія—онъ признаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ за православіемъ характеръ господствующей религіи.

Интересна аграрная реформа на основѣ муниципализаціи земли. Пестель знаетъ двѣ противоположныя точки зрѣнія на землю: для однихъ земля Божія, для другихъ право на землю имѣетъ только человекъ, приложившій къ землѣ свой трудъ. Пестель стремится примирить оба эти взгляда. Часть земли можетъ находиться въ общемъ пользованіи, а остальная—въ частномъ. Права собственности онъ не только не отрицаетъ, но называетъ его „Священнымъ“... Путемъ такой націонализаціи или муниципализаціи земли будутъ достигнуты двѣ цѣли: съ одной стороны, будетъ созданъ общій земельный фондъ, которымъ будутъ пользоваться желающіе, а съ другой—право частной собственности на землю дастъ возможность каждому достигнуть изобилія.

Что касается политическаго идеала Пестеля, то, какъ видно изъ его показаній, сдѣланныхъ слѣдственной комиссіи, а также изъ „Русской

Правды“, онъ стоялъ за республиканскій образъ правленія.

Его основная политическая идея это—осуществленіе полнаго народнаго суверенитета въ жизни государства.

Вопросъ объ идеологіи декабристовъ, конечно, труденъ; несомнѣнно, они были дворянами и это накладывало отпечатокъ на ихъ идеологию, но они принадлежали къ меньшинству русскаго дворянства, были лучшими людьми своего сословія, выйдя изъ тѣсныхъ рамокъ узкосословныхъ интересовъ, и поэтому были принуждены бороться съ самодержавіемъ. Они старались и народъ приурочить къ общему движенію; у Рылѣва имѣются, напримѣръ, стихотвореніе, написанное народнымъ складомъ: „Ахъ тошно мнѣ и въ родной сторонѣ. Все въ неволѣ; въ тяжелой долѣ, видно, вѣкъ вѣковать!“

Прокламаціонный характеръ носитъ также и „Катехизисъ“, составленный С. Муравьевымъ, и „Любопытный разговоръ“ Никиты Муравьева.

Они старались передать свое настроеніе народу, по крайней мѣрѣ, войскамъ. Въ рѣшительный моментъ они думали опереться на войска и въ этомъ направленіи велась подготовительная работа. Заранѣе обдуманной техники у нихъ не было. Но ихъ объединяло одно и то же настроеніе—глубокое гражданское негодованіе, которое вылилось въ стихотвореніи Рылѣва подъ названіемъ „Гражданинъ“, написанномъ лишь за нѣсколько дней до событія 14 декабря 1825 года.

„Я ль буду въ роковое время

Позорить гражданина самъ

И подражать тебѣ, изнѣженное племя

Переродившихся славянъ?

Нѣтъ, не способенъ я въ объятіяхъ сладострастья,

Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ
младой,

И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья!
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка,
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный
взоръ

На бѣдствія страдающей отчизны—
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятыхъ страстной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ, ища свободныхъ
правъ,

Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріеги“.

Вотъ то настроеніе, которое объединило декабристовъ и съ которымъ они вышли 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь.

Возстаніе закончилось неудачей. Они ее предвидѣли, но не отказались на площади громко заявить свои конституціонныя требованія и поддерживать ихъ оружіемъ.

Да едва ли возстаніе могло имѣть даже и минутный успѣхъ. Пораженію декабристовъ, главнымъ образомъ, способствовало то, что у нихъ не было строгаго продуманнаго плана дѣйствій.

Смерть Александра вызвала неурядицы и препирательства между великими князьями Николаемъ и Константиномъ изъ-за престола. Константинъ еще не отказался отъ престола и вся остальная нечинная и даже чиновная Русь продолжала считать наследникомъ Константина. Когда въ Петербургъ пришло (27-го ноября ст. ст.) извѣстіе о смерти Александра въ Таганрогѣ, Николай тотчасъ послѣ панихиды, отслуженной по Александрѣ, въ придворной церкви, отвелъ въ сторону Петербургскаго военнаго губернатора Милорадовича и сказалъ ему, что по духовному завѣщанію покойнаго императора

престоль принадлежитъ ему, Николаю. На это Милорадовичъ отвѣтилъ, что въ Россіи есть законъ о престолонаслѣдіи, повинуюсь которому, онъ уже послалъ приказъ войскамъ присягать Константину. Николай не могъ сломить твердость Милорадовича, и увидѣлъ себя вынужденнымъ присягнуть своему старшему брату. За нимъ присягнулъ Михайль Николаевичъ и всѣ находившіеся во дворцѣ сановники. Такимъ образомъ, 27-го ноября 1825 года русскимъ императоромъ сдѣлался Константинъ.

Но, присягнувъ своему брату, Николай не считалъ своего дѣла проиграннымъ. Онъ отправилъ къ Константину, бывшему тогда въ Варшавѣ, послы, которые должны были напомнить ему объ его отреченіи отъ престола. По всему видно, что бывший „цесаревичъ“ принялъ это напоминаніе съ большимъ неудовольствіемъ. Онъ не согласился всенародно объявить о своемъ отказѣ отъ императорскаго трона. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшался и оспаривать права Николая. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ мрачный и растерянный, ничего не предпринимая ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Въ результатѣ получилось нѣчто въ родѣ междуцарствія, продолжавшагося 16 дней и вызвавшего всеобщее недоумѣніе.

14 декабря 1825 года заговорщики съ ранняго утра приступили къ дѣйствіямъ. Правительство и начальники дивизій, полковники еще до восхода солнца собрались въ Зимній дворецъ. Николай объяснилъ имъ положеніе дѣлъ съ престолонаслѣдіемъ и они единогласно признали его императоромъ. „Послѣ этого вы отвѣчаете головой за спокойствіе столицы!“—грозно крикнулъ, почуввши твердость занятой имъ позиціи, Николай. Но увѣренность быстро спадала, когда пришли первыя извѣстія въ отказѣ отъ присяги... Вотъ какъ описываетъ самъ Николай I первые моменты борьбы, когда онъ получилъ извѣстіе о бунтѣ въ Московскомъ полку: „Зная о существованіи заговора, я въ

семь—первое доказательство (его). Разрѣшивъ первому баталіону преображенцевъ выходить, я дозволилъ конной гвардіи осѣдлатъ, но не выѣзжать, и къ нимъ отправилъ генерала Нейдгарда, пославъ въ то же время ген-маіора Стрекалова, дежурнаго при мнѣ, въ Преображенскій полкъ для скорѣйшаго исполненія. Оставшись одинъ, я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать и, перекрестясь, отдался въ руки Божіи, рѣшилъ самъ идти, гдѣ опасность угрожала.. Въ передней найдя командира Ковалераградскаго полка графа Апраксина, велѣлъ ему ѣхать въ полкъ и сейчасъ вести его ко мнѣ. На лѣстницѣ встрѣтилъ Волкова въ совершенномъ разстройствѣ и строго припомнилъ ему, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ войска, ему вѣренныя, вышли изъ повиновенія. За мной шелъ ген.-адъютантъ Кутузовъ; съ нимъ пришелъ я на дворцовую главную гауптвахту, въ которую только что вступала девятая стрѣлковая рота лейб-гвардіи Финляндскаго полка подъ командой Прибыткова, послѣдній былъ въ моей дивизіи. Вызвавъ карауль подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фрунту и, спросивъ людей, присягнули ли мнѣ и знаютъ ли, отъ чего сіе было, и что по точной волѣ на сіе брата Константина Павловича, получилъ въ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: „Ребята московскіе шалаютъ, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами“, велѣлъ зарядить ружья и самъ скомандовалъ: „дивизія впередъ, скорымъ шагомъ, маршъ“, повелъ отрядъ лѣвымъ плечомъ впередъ къ главнымъ воротамъ дворца. Въ сіе время еще разводили часовыхъ и налицо была только остальная часть людей. Съѣздъ уже начинался и вся площадь усеѣяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали во дворъ и кланялись мнѣ въ ноги. Поставивъ карауль поперекъ воротъ я обратился къ народу, который, увидя меня, на-

чалъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать „ура“. Махнувъ рукой, я спросилъ, чтобы мнѣ дали говорить... Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать собраться: нужно было отвлечь вниманія народа чѣмъ нибудь необыкновеннымъ, всѣ эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ, и началъ говорить народу, спрашивая читали ли мой манифестъ; всѣ говорили, что нѣтъ; пришло мнѣ въ голову самому его читать: у кого то въ толпѣ нашелся экземпляръ я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно толкуя каждое его слово. Но сердце замирало, признаюсь, и Единый Богъ меня поддержалъ. Наконецъ Стрекаловъ извѣстилъ меня что Преображенскій первый батальонъ готовъ; приказавъ комманданту ген-маіору Башуцкому, остаться при гауптвахтѣ и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ батальону, стоявшему спиной къ каменному подъѣзду..

Батальономъ командовалъ полковникъ Макунинъ, а полковой командиръ былъ при батальонѣ. Батальонъ мнѣ отдалъ честь, я прошелъ по фронту и спросивъ, готовы ли идти за мной куда велю, получивъ въ отвѣтъ громкое молодецкое: „рады стараться!“ Минута единственная въ моей жизни; никакая кисть не изобразить стройную, почтенную и спокойную наружность сего перваго батальона въ свѣтѣ въ столь критическую минуту. Скомандовавъ, потопдашнему: „къ атакѣ въ колонну, первый и восьмой взводы налево и направо“, повелъ я батальонъ лѣвымъ плечомъ впередъ... къ углу адмиралтейскаго бульвара. Тутъ узнавъ, что ружья не заряжены, велѣлъ батальону остановиться и зарядить ружья. Тогда-же привели мнѣ лошадь, но всѣ прочіе были пѣши..

Зарядивъ ружья мы пошли впередъ; тогда со мною были ген.-адъютантъ Кутузовъ, флигель-адъютантъ Дурновъ, Стрекаловъ и адъютанты мои, Перовскій и Адлербергъ. Адъютанта моего Кове-

липа послалъ я въ конную гвардію съ приказаніемъ выѣзжать на площадь.

Въ сіе самое время слышали мы выстрѣлы и вслѣдъ за симъ приближалъ ко мнѣ флиг.-адыютантъ Голицынъ съ извѣстіемъ что графъ Милорадовичъ смертельно раненъ. Народъ прибывалъ со всеѣхъ сторонъ; я вызвалъ стрѣлковъ на фланги батальона и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще конной гвардіи, я остановился и послалъ за нею бывшаго при мнѣ коннымъ старата рейтхнехта изъ конной гвардіи Ландырева, съ тѣмъ, чтобы полкъ шелъ скорѣе. Тогда же слышали мы: „Ура! Константинъ“! — на площади противъ сената, и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не пропускала... Николай замѣчаетъ Якубова, который ранѣе заявлялъ, что покончить съ государемъ убійствомъ, и подзываетъ его, спрашивая, что онъ желаетъ. „На сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ: „Я былъ съ ними, но услышавъ, что они за Константина, бросилъ и явился къ Вамъ“. Я взялъ его за руку и сказалъ: „Спасибо, Вы Вашъ долгъ знаете“. Отъ него узнали мы, что московскій полкъ весь участвуетъ въ бунтѣ..

Послѣ уже узнано было что настоящее его намѣреніе было подъ сей личной узнавать что среди насъ дѣлается и дѣйствовать по удобности. Въ это время ген.-адыютантъ Орловъ привелъ всю конную гвардію“ ..

Заговорщики также были на ногахъ съ 6-ти часовъ утра. Около 7 было устроено совѣщаніе у Рылѣева, на которомъ по словамъ Оболенскаго условились какъ дѣйствовать.

Но въ то время, когда Николай I обнаружилъ энергію и собралъ вокругъ себя вѣрныя войска, среди декабристовъ обнаружилось слабость характера—нерѣшительность. Официальный вождь возстанія, „диктаторъ“ не былъ въ рядахъ возставшихъ (онъ поѣхалъ въ главный штабъ къ присягѣ,

разсчитывая на то, что эта поспѣшность послѣ открытія заговора „во что нибудь да вмѣнитесь“), а „съ маленькими эполетами и безъ имени никто принять команду не рѣшался“,—говорить А. Бестужевъ.

Послѣ прибытія московцевъ, привели весь батальонъ гвардейскаго экипажа, но забыли захватить съ собою приготовленныя въ арсеналѣ пушки.

Три роты лейбъ-гренадеровъ бѣглымъ шагомъ перебѣжали Неву и двинулись во внутренній дворъ Зимняго дворца, гдѣ надѣялись найти товарищей. Здѣсь встрѣтили они саперный батальонъ, преданный Николаю. Вмѣсто того, чтобы овладѣть дворцомъ и семьей государя, они съ крикомъ: „это не наши“ ушли со двора, чтобы присоединиться къ московскому полку. У Адмиралтейскаго бульвара ихъ встрѣтилъ Николай. Моментъ былъ въ высшей степени для него опасный. Куда?—спросилъ онъ,—если за меня, то поворачивайте направо, если нѣтъ, ступайте налево! „Налево“ крикнули изъ рядовъ и вся масса отхлынула въ беспорядкѣ къ Исакиевскому собору. Всего революціонеровъ было, по свидѣтельству барона Розена, болѣе 2000 человекъ. Морской корпусъ прислалъ депутатовъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, но участіе молодежи было отклонено. По словамъ Штейнтеля, едва пришли москвичи и успѣли выстроиться въ карре, какъ показался скачущимъ изъ дворца ген.-губернаторъ Петербурга Милорадовичъ. Онъ началъ уговаривать солдатъ присягнуть Николаю. Увѣщая солдатъ съ самонадѣянностью стараго отца-командира, графъ говорилъ, что самъ охотно желалъ, чтобы Константинъ былъ императоромъ, но что же дѣлать, если онъ отказался; увѣрялъ ихъ, что онъ самъ видѣлъ новое отреченіе и уговаривалъ повѣрить ему. Оболенскій, видя, что такая рѣчь можетъ подѣйствовать на карре, потребовалъ отъ графа, чтобы онъ уѣхалъ, иначе

угрожалъ опасностью. Замѣтя, что графъ не обращаетъ на него вниманія, онъ нанесъ ему штыкомъ легкую рану въ бокъ. Въ это время графъ сдѣлалъ выстрѣлъ, а Каховичъ пустилъ въ него изъ пистолета роковую пулю, наканунѣ вылитую.“

Войска стояли въ бездѣйствіи около памятника Петра. Императоръ Николай посылаетъ къ нимъ митрополита Серафима. „Войны, успокойтесь.. Вы противъ Бога, церкви, царя и отечества поступили“. Къ нему приблизились нѣсколько офицеровъ съ обнаженными шпагами и закричали: „Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ двумъ императорамъ присягнулъ... Ты измѣнникъ... прочь!..“ Въ апартаментахъ вдовствующей императрицы, куда отправился митрополитъ и гдѣ собралась въ страхъ знать, на вопросъ: „чѣмъ Васъ утѣшили? что тамъ дѣлается?“ онъ отвѣтилъ: „обругали и прочь послали!“ Но мятежники были окружены войсками Николая. Однако трудно сказать—могъ-ли Николай вполнѣ положиться и на войска... Такъ—солдаты, преображенцы и конногвардейцы, чаразъ народъ передавали инструкторамъ о своемъ желаніи присоединиться къ мятежу, если только карре проявить инициативу. Среди выставленныхъ противъ мятежниковъ войскъ находился такъ же по какому-то недоразумѣнію и Измайловскій полкъ, который отказался принести присягу Николаю...

Руководители возстанія не проявили никакой инициативы. Войска стояли и не знали для чего они здѣсь и что нужно дѣлать. Наступили сумерки. А заговорщики стояли и Николай не имѣлъ силъ рѣшиться, что предпринять. Обѣ стороны выкидали. Передаютъ, что графъ Толь при наступленіи сумерокъ приблизился къ императору и сказалъ ему: „Ваше Величество, прикажите очистить площадь пушками отъ этой сволочи!“ Къ карре въ качествѣ парламентаровъ подѣхалъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ и генераль Войновъ.

Но Кюхельбекеръ заставилъ ихъ удалиться, направивъ на перваго пистолетъ и выстрѣливъ во втораго. Послѣ этихъ попытокъ Николай рѣшилъ разбить карре конной атакой. Онъ командовалъ: „За Бога и Царя! маршъ—маршъ!“ Конница подъ начальствомъ генерала Орлова бросилась на карре. Народъ встрѣтилъ ее градомъ камней и тучей полѣньевъ, взятыхъ отъ постройки у Исакиевского собора. Вторую и третью атаки инсургенты встрѣтили щетиной штыковъ и конница съ позоромъ возвратилась. Послѣ третьей атаки, несмотря на летѣвшія въ нихъ съ крышъ бревна, конногвардейцы бросились къ Сенату, чтобы съ другой стороны атаковать карре. Но москвичи встрѣтили ихъ бѣлымъ огнемъ и они пронеслись мимо. Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ Николай рѣшилъ дѣйствовать артиллеріей. Одинъ генералъ приблизился къ карре и передалъ ультиматумъ—положить оружія, тогда стрѣльбы не будетъ. „Отправляйтесь назадъ!“—кричали ему. „И прицпите кого-нибудь почище“...—добавилъ Пущинъ. Выстрѣлили. Инсургенты отвѣтили крикомъ: „Ура! Константинъ!“ и хотѣли броситься въ штыки на артиллерію. Но зарядили картечью; полковникъ Нестеровскій прицѣлился прямо въ карре, канониръ перекрестился, командовалъ самъ Николай.

Страшныя опустошенія внесли выстрѣлы въ самую середину мятежниковъ, не имѣвшихъ артиллеріи. Они не выдержали и рассыпались въ разныя стороны. Конница ихъ преслѣдовала. На Невѣ Бестужевъ попробовалъ собрать остатки войскъ, чтобы занять съ ними Петропавловскую крѣпость. Несмотря на то, что солдаты его валились, онъ изъ живыхъ строилъ колонну:

„Тонемъ!“, раздался страшный крикъ.

Ледъ отъ ударовъ ядеръ около колонны лопнулъ. Все разстроились. Барахтаясь въ водѣ, солдаты спасались какъ могли. Артиллерія, неумол-

кая, била ихъ прямо на льду.

Николай приказалъ убрать трупы къ утру. Это было исполнено. На Невѣ сдѣлано было множество прорубей, въ которые спустили не только трупы, но и тяжело раненыхъ. Полиція и рабочіе снимали платья съ мертвыхъ и живыхъ и спускали тѣла въ Неву.

Такъ закончилось возстаніе въ Петербургѣ.

Возстаніе въ южной арміи была также подавлено.

Съ тѣхъ поръ прошло почти 100 лѣтъ. Много жертвъ за это время принесло нашему отечеству, но оно не забудетъ и именъ декабристовъ. Ихъ дѣйствія, съ точки зрѣнія боевой цѣлесообразности, не выдерживаютъ даже снисходительной критики.

Но едва ли и сами вожди декабризма такъ смотрѣли на это возстаніе, по крайней мѣрѣ, Рыльцевъ въ одномъ своемъ стихотвореніи пишетъ:

„Извѣстно мнѣ, что гибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа.
Судьба меня ужъ обрекла,
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной—
Я это чувствую, я знаю...“

Возстаніе декабристовъ было подавлено поэтому, что было первой вооруженной манифестаціей противъ самодержавія, хотя и выходящей изъ ряда военно-интеллигентнаго дворянства, по принятой людьми, дѣйствовавшими на благо всего народа.

„Эти люди,—пишетъ Герценъ,—хотѣли всенародно заявить мысль русской свободы, зная, что они погибнутъ, но, разъ всенародно заявленная, эта мысль никогда не погибнетъ“ и „пушечный громъ, раздавшійся на Сенатской площади, разбудилъ цѣлое поколѣніе, и раскатъ его дошелъ до широкихъ народныхъ массъ“.

ГЛАВА III.

Постепенное развитіе народнаго самосознанія.

Дѣло съ декабристами было покончено. Нужно было заняться управленіемъ государства.

Бюрократія дѣятельно имъ и занялась. Въ этомъ отношеніи поучительны результаты ея работъ.

Существуетъ широко распространенный взглядъ, что внутренняя политика Николая Павловича была чужда какихъ бы то ни было преобразовательныхъ начинаній. Конечно, это царствованіе никогда не можетъ быть названо „эпохой реформъ“, причина этого не въ томъ, что ихъ не желали, а въ томъ, что правящая бюрократія брала лишь на себя разработку широкихъ реформъ, подавляя малѣйшія попытки общественной самодѣятельности.

Въ основѣ политики Николая лежали двѣ несбыточныя идеи: 1) „мысль о возможности разрѣшенія крупныхъ государственныхъ проблемъ путемъ частичныхъ и нечувствительныхъ измѣненій въ мелкихъ подробностяхъ стараго порядка, и 2) желаніе провести въ жизнь реформу этого порядка при помощи тѣхъ органовъ, которые сами входили необходимымъ элементомъ въ составъ этого стараго порядка. Задумывались реформы, которые должны были всколыхнуть самыя глубины народной жизни, и при этомъ говорилось, что преобразование предстоитъ осуществлять такими мѣрами, которыя отнюдь не имѣли бы вида какой-

либо перемѣны“. Не трудно предугадать, что получилось въ результатѣ подготовки государственныхъ преобразованій по такому своеобразному методу.

Скрипѣли перья, исписывались горы бумаги, комиссіи и комитеты безпрерывно смѣняли другъ друга и дѣятельность правящихъ сферъ носила всѣ видимыя черты интенсивной работы. Но эта бумажная работа не получила реальныхъ отраженій на жизненной практикѣ... „То былъ непрерывный бюрократическій бѣгъ на мѣстѣ, подобный тому, который употребляется въ гимнастикѣ и при которомъ люди, дѣятельно двигаясь, ни куда не подвигаются“.

Поэтому-то исторія царствованія Николая I представляетъ изъ себя яркій примѣръ безпомощности всесильной бюрократіи..

Возстаніе декабристовъ не прошло даромъ. Изъ писемъ и записокъ декабристовъ былъ составленъ систематическій сводъ для государя, который часто имъ просматривался. Въ немъ говорится и о ропотѣ народа, который проливалъ свою кровь на войнѣ съ Наполеономъ, а когда возвратился на нивы, то его вновь заставили „потѣть на барщину“ „Мы избавили родину отъ тирана, а насъ опять тиранятъ господа“.

Говорилось и о томъ, что во всей государственной жизни глубокое разстройство. Законы полны противорѣчій, судопроизводство — лихоимствомъ, система управленія представляетъ полное искаженіе правильныхъ началъ. Земскія повинности изнурительны для населенія, „выбиваніе педомокъ“ приводитъ къ обнищенію. Казенное хозяйство полно хищеній; торговля разстроена. Флота почти нѣтъ. Помѣщики неистовствуютъ надъ своими крестьянами, духовенство пьетъ, купечество въ угнетенномъ положеніи, казенные крестьяне совершенно раззорены частыми набѣгами чиновниковъ... Однимъ словомъ, всюду „неизчислимые

беспорядки и злоупотребленія“... И надъ этимъ хаосомъ царило неограниченное самовластіе.

Мысль народа начала работать. Рано или поздно народъ долженъ былъ активно выйти на сцену, Этого инстинктивно боялись „всѣ жадною толпой стоящіе у трона“.

Въ это время неограниченная власть, ранѣе не имѣвшая точной формулировки и твердой основы въ законахъ, нашла юридическую формулировку въ сводѣ законовъ, изданныхъ въ 1872 г., который до 1905 года былъ дѣйствующимъ правомъ. Николай оказался смѣлымъ борцомъ противъ конституціонныхъ стремленій и выше всего ставилъ свою неограниченную власть. По „Своду Законовъ“ Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти „самъ Богъ повелѣваетъ“. Все принадлежитъ императору: законодательство, судъ, управленіе, распоряженіе всѣми средствами государства; власть его священна и даже высказываніе намѣренія ограничить ее (обнаруженіе умысла) каралось смертной казнью.

Подданные вѣчно принадлежали государству, т.е. нельзя было избавиться отъ русскаго подданства при Николаѣ. Выѣздъ безъ разрѣшенія за границу былъ преступленіемъ.

И хотя въ 47 статьѣ говорится, что „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ“, но эти акты, изданные самодержавной властью, не могли ее ограничить, потому что „по Высочайшему повелѣнію“ отмѣняется какой угодно законъ, разрѣшается какое угодно отступленіе отъ него. Если государь не пожелаетъ, чтобы его воля была извѣстна всѣмъ, то въ его распоряженіи были указы, „подлежащіе особливой тайнѣ“, которое не сообщались даже (по примѣчанію 56 статьи основ. законовъ) Правительствующему Сенату. Такова

теорія—она усердно проводилась на практикѣ. Достаточно сказать, что Государственный Совѣтъ и тотъ былъ оберегаемъ отъ ознакомленія съ нѣкоторыми государственными тайнами.

Правительство пряталось не только отъ общества, но и отъ своихъ собственныхъ органовъ. Оно прибѣгало къ приемамъ настоящихъ заговорщиковъ посредствомъ такъ наз. „секретныхъ комитетовъ“. Курьезный случай былъ съ графомъ К.. „Комитету 6 дек.“ государь разрѣшилъ пригласить названнаго министра для дачи свѣдѣній на нѣсколько засѣданій, но „отнюдь не открывая ему о существованіи комитета“, и гр. К. дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, гдѣ находится. „Могла ли,—спрашиваетъ проф. Кизеветтеръ,—идти дальше оригинальная конспирація въ практикѣ государ. совѣщательныхъ собраній“. Страхъ предъ революціей заставилъ Н. I-го направить громадную энергію на укрѣпленіе своей власти и на подавленіе всякихъ свободныхъ независимыхъ разсужденій и мнѣній. Не было ни тѣни свободы. Оппозиція ушла въ подполье, въ кружовщину.

Итоги такого управленія сказались еще при жизни Николая. Развалъ государства сталъ очевиденъ.

Поэтому вступленіе на престолъ Александра II было встрѣчено со всеобщимъ энтузіазмомъ. Отъ новаго царствованія ждали реформъ низы государства—новый кругъ все расширяющійся—кругъ передовыхъ слоевъ настоящаго народа, а не одного „общества“. Самъ Александръ понялъ, что реформы провести необходимо. И направленіе внутренней политики въ первые годы царствованія непобѣдимою силой вещей должно было опредѣлиться тѣмъ положеніемъ, въ которомъ очутилась Россія въ результатѣ вступленія на историческую сцену передовыхъ слоевъ гуци народа, въ глубинѣ котораго слышались раскаты гнѣвнаго грома по поводу крѣпостного рабства, тяжелой и неудачной

Крымской войны. Съ неумолимой яркостью вскрыла война отсталость государства во всѣхъ областяхъ общественной жизни, полную несостоятельность строя, основаннаго на натуральномъ хозяйствѣ и крѣпостномъ правѣ, на всемогуществѣ администраціи и на полной безгласности общества.

Сознаніе необходимости широкихъ преобразованій, зрѣвшее давно въ русской исторіи въ передовыхъ мыслящихъ кругахъ — теперь, какъ когда-то въ смутное время, начало распространяться по широкимъ слоямъ низовъ, вслѣдствіе даннаго толчка внѣшняго событія—войны. Даже у тѣхъ, которые смотрѣли ранѣе болѣе или менѣе оптимистически на существующее положеніе, начали открываться глаза. Само бюрократическое правительство смутно сознавало, что только внутренними реформами можетъ быть данъ обществу извѣстный эквивалентъ за то тяжелое впечатлѣніе, которое получило общество, благодаря унижительному исходу Крымской войны.

Великія реформы были первымъ шагомъ выступающаго народа къ расчищенію выхода на пути къ свободѣ—выхода, загроможденнаго многими препятствіями. На великомъ народѣ были цѣпи, кандалы, наручники. Ихъ нужно было сбросить прежде всего. Цѣпь личныхъ повинностей спадала. Народъ облегченно вздохнулъ и долженъ былъ играть все болѣшую и болѣшую роль на сценѣ общественно-политической дѣятельности.

Остановимся на реформахъ лучшаго изъ государей—Александра и, прежде всего—на разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, ставшаго роковою неизбѣжностью. Наличность многочисленной литературы освобождаетъ насъ отъ обязанностей посвящать много времени крестьянской реформѣ. Напомнимъ лишь въ краткихъ чертахъ ея основные факты.

Первымъ намекомъ на преобразованія былъ манифестъ русскаго правительства, изданный по

поводу Парижскаго мира, которымъ ликвидировалась Крымская война. Тамъ отмѣчались тяжелыя условія мира, на которыя должна были идти Россія, затѣмъ прибавлялось, что миръ будетъ благопріятенъ въ томъ отношеніи, что дастъ возможность приступить къ внутреннимъ преобразованіямъ на началахъ для всѣхъ одинаковыхъ. Въ послѣдней мысли усматривали намекъ на уравненіе сословій въ ихъ юридическихъ правахъ, т.-е. на отмѣну крѣпостнаго права. Затѣмъ послѣдовала извѣстная рѣчь Александра, что нужно отмѣнять сверху, пока не отмѣнили снизу. Въ первое время основаны были секретные комитеты—они были очень многочисленны въ царствованіе Николая I. Секретный комитетъ, учрежденный Александромъ II, вступалъ на тотъ же путь, какимъ шли и секрет. комит. предшествовающаго царствованія, съ ихъ явно выраженнымъ стремленіемъ отложить дѣло въ долгій ящикъ. Тамъ тянулись весьма неопредѣленные пренія безъ всякой ясной программы. Затѣмъ дальнѣйшій шагъ движенію далъ пріѣздъ въ Петербургъ Виленскаго ген.-губ. съ ходатайствомъ отъ имени литовскаго дворянства, чтобы были разрѣшены комитеты для переработки крѣпостныхъ отношеній. Это былъ край, въ которомъ было инвентарное положеніе. Оно тяготило литовское дворянство.

Вотъ причина, почему оно выступило на путь открытаго заявленія о необходимости пересмотра всего склада крѣпостныхъ отношеній.

Въ отвѣтъ на это ходатайство на имя Назимова былъ изданъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ литовскому дворянству разрѣшалось имѣть комитеты для выработки проекта уложенія о крестьянахъ, а затѣмъ и нѣкоторыхъ основ. началъ преобразованій, какъ они въ то время представлялись правительству. Со времени изданій этого рескрипта произошелъ переворотъ въ дальнѣйшей разработкѣ основныхъ реформъ, вышедшихъ изъ секрет-

ныхъ комитетовъ на широкое поприще гласнаго обсуждения. Въ рескриптѣ не прямо выражалось, но дано было ясно понять, чтобы либеральное дворянство ходатайствовало объ образованіи въ губерніяхъ такихъ же комитетовъ для разработки основъ предстоящей реформы.

Затѣмъ дворянство, отчасти подталкиваемое сверху, начало подавать прошенія, чтобы имъ было разрѣшено образовать такіе комитеты, и черезъ извѣстный промежутокъ времени комитеты стали открываться повсемѣстно. Въ составѣ членовъ они имѣли выборныхъ отъ дворянства—и нѣсколькихъ членовъ отъ правительства, назначенныхъ по усмотрѣнію мѣстныхъ губернаторовъ, но изъ семи мѣстныхъ дворянъ.

Такимъ образомъ, комитеты были исключительно сословно-дворянскаго характера. Каждый комитетъ долженъ былъ выработать свой проектъ (основные начала были изложены въ рескриптѣ на имя Назимова). Всѣ эти разнообразныя проекты губернскихъ учреждений должны быть соединены въ одинъ проектъ, представляющій общій ихъ сводъ. Дѣло въ томъ, что послѣ закрытія секретныхъ комитетовъ былъ основанъ такъ называемый „сословный комитетъ“ для взаимнаго согласованія и выработки общихъ положеній для всей Имперіи. Но составъ этого комитета, среди котораго были лица недружелюбно относящіяся къ предстоящей реформѣ, возбудилъ большія опасенія въ тѣхъ кругахъ правительственныхъ сферъ, которые хотѣли движенія этой реформы впередъ. Среди нихъ и возникла мысль, чтобы дѣло согласованія и сведенія воедино проектовъ губерн. комитетовъ въ одинъ общій проектъ для предстоящей реформы было бы поручено не прямо главному комитету, а особому учрежденію при главномъ комитетѣ состоящему, т.е.

редакціонному комитету, представителемъ его былъ Ростовцевъ, очень заинтересованный въ это время крестьянской реформой, а главнымъ дѣятелемъ Николай Милютинъ.

Въ Петербургъ были вызваны представители отъ губернскихъ комитетовъ, чтобы они могли представить свои критическія замѣчанія на работу всего редакціоннаго комитета. Полемика, возникшая между редакціоннымъ комитетомъ и губернскими дворянскими комитетами, представляетъ одинъ изъ наиболѣе драматическихъ моментовъ въ разработкѣ крестьянской реформы.

Затѣмъ, какъ составленъ былъ общій проектъ, онъ перешелъ на разсмотрѣніе „главнаго комитета“. Оттуда пошелъ въ Государственный Совѣтъ—въ высшее законо-совѣщательное государственное учрежденіе Имперіи и, наконецъ, 19 февраля этотъ проектъ, пройдя черезъ Государственный Совѣтъ, получилъ подпись государя, и въ началѣ марта былъ объявленъ... Таковы внѣшнія рамки въ исторіи постепенной разработки реформы. По существу же, конечно, неизбежное должно было случиться, если не сверху, то снизу. И не эти комитеты и не тѣ и люди, какіе содѣйствовали реформѣ, осуществили бы ее. Оживала вся Россія...

Эта реформа была истиннымъ возрожденіемъ Россіи къ новой жизни, достигнутаго грандіознымъ движеніемъ генія русскаго народа.

Соціально-экономическое значеніе реформы необычайно велико. Лишь кратко мы становимся на общихъ соображеніяхъ. Основной характеръ нашей жизни до сихъ поръ обуславливается преобладаніемъ земледѣльческаго населенія надъ городскимъ. Если изъ статистическихъ данныхъ мы возьмемъ процентное отношеніе городского и сельскаго населенія въ XVIII в. и половинѣ XIX в., то увидимъ, что въ 1727 году количество городского населенія по отношенію къ остальной массѣ было равно 3%, 1812 г. возросло до 4,4%, въ

1851 г. до 7,8%. Ясно, что преобладающая масса населенія живетъ по деревнямъ и занимается земледѣлемъ.

Изъ этого основного факта, касающагося состава населенія слѣдуетъ, что главенствующую роль въ нашей социальнo-экономической и политической жизни должны играть два класса: дворянство и крестьянство. Съ 1785 г. дворянство вполне конституировалось и на основаніи „Дворянской Грамоты“ заняло привилегированное положеніе. Въ зависимости отъ него находилась многочисленная крѣпостная масса, а отношенія между ними регулировались крѣпостнымъ правомъ.

Ко дню освобожденія крестьянъ мы замѣчаемъ, что на жизни помѣщичьяго класса отразился неизбежный ходъ нашего историческаго развитія и стали ярко замѣтны симптомы разложенія крѣпостного права. Наша внѣшняя и внутренняя торговля получаетъ уже значительное развитіе.

Въ началѣ вѣка товаровъ вывозили на сумму около 75 м., въ срединѣ вѣка на сумму около 50 м. 230 м. руб. Ввозъ же давалъ въ началѣ вѣка на сумму около 50 м., а въ срединѣ около 200 м. руб. Внутренняя торговля выразилась въ 1812 г. въ суммѣ 260 м. руб. На Нижегородской ярмаркѣ въ 1824 г. товару было продано на 40 м. руб., а въ 1838 г. на 129 м. руб.

Этотъ ростъ внутренней и внѣшней торговли указываетъ на значительное экономическое развитіе страны. Развитіе это замѣчается и въ области обрабатывающей промышленности.

Хотя наша фабрично-заводская промышленность правительственнаго происхожденія, однако, она замѣтно развивается. Въ 1804 г. у насъ было 2423 фабрики и 95000 фаб. рабочихъ; въ 1825 г. 5261 фабрика и 210000 рабочихъ, а въ 1850 г. 9000 слишкомъ фабрикъ и около 517000 рабочихъ.

Та же тенденція къ широкому развитію замѣтна и въ области земледѣлія. Конечно, большая часть земли находится въ рукахъ дворянства, но уже въ первую половину XIX в. происходитъ разширеніе площади недворянскаго землевладѣнія: это земли купцовъ, мѣщанъ и свободнаго крестьянства.

Дворяне стремятся приспособиться къ условіямъ денежнаго рынка, а когда стало ясно, что крѣпостное право мѣшаетъ этому, помѣщики обращаются къ вольно-наемному труду. Мысль о преимуществѣ вольно-наемнаго труда все болѣе и болѣе укрѣплялась въ Николаевскую и Александровскую эпоху.

Отсюда естественный выводъ, что крѣпостныя отношенія должны уступить мѣсто болѣе свободному труду: уничтоженіе крѣпостнаго права было выгодно.

А народное чувство, выходящаго на сцену исторіи простого класса—крестьянства, возмущалось и негодовало противъ крѣпостнаго права. Съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ выступающій на сцену новый классъ—самый многочисленный—дѣлался все болѣе опасной угрозой для общественнаго порядка и устойчивости въ положеніи заправиль государства. И ранѣе крѣпостная крестьянская масса глухо волновалась, а во вторую $\frac{1}{4}$ XIX вѣка начала все нервнѣе реагировать на тяжесть своего положенія. Все учащались открытые бунты и нападенія на помѣщиковъ. „Народъ портится“—говорили дворяне и это значило, что чаша народного терпѣнія наполнилась до краевъ.

Что было дѣлать власти? Соображенія экономическія, финансовыя, политическія и полицейскія, страхъ передъ нарастающей народной силой—диктовали правительству необходимость поставить этотъ вопросъ въ первую очередь. Извѣстно, что даже Николай Павловичъ являлся убѣжденнымъ противникомъ крѣпостнаго права. Онъ

любилъ говорить, что ведетъ процессъ противъ крѣпостного права, и мысль объ этомъ процессѣ дѣйствительно не выходила изъ круга его государственныхъ заботъ. Но бюрократическая работа николаевскаго правительства не сдвинула этого вопроса съ мертвой точки и доказала лишь одно: полное безсиліе самодержавной власти бюрократическими средствами приблизиться къ разрѣшенію основной государственной задачи. Это вынужденъ былъ признать и самъ государь. „Крѣпостное право есть величайшее зло для Россіи.. Но прикоснуться къ этому злу я считалъ бы еще болѣе опаснымъ“.

Власть инстинктивно предчувствовала, что отмѣна крѣпостного права повлечетъ за собой переработку всего государственнаго строя, что на сцену выступитъ новая сила—народъ. Задержать это зло, убить его стало задачей власти, ставленницы отходящаго отъ жизни недавно всесильнаго управителя—дворянскаго класса. Просвѣта не было и многимъ искреннимъ патріотамъ казалось, что пришелъ конецъ Россіи. При такихъ-то условіяхъ правительство, какъ и въ Японскую войну, ослѣпленное видимой внѣшностью своей силы, самонадѣянно началъ внѣшнюю войну, идя на встрѣчу смертельнымъ ударамъ извнѣ тому режиму, который оно оберегало.

Эта война прояснила глаза даже самымъ убѣжденнымъ поклонникамъ старой системы. Многіе государства погибали въ такіе моменты. Но геній русскаго народа не угасъ и изъ дымящихся развалинъ Севастополя съ негодующимъ, разнѣваннымъ лицомъ смотрѣлъ изумленный народъ на свое положеніе и властно потребовалъ освобожденія: 19 февраля 1861 года было послѣдствіемъ севастопольской катастрофы. Позорное пятно народнаго рабства было смыто. Крестьянство сбросило сильныя цѣпкіе кандалы, оно свободнѣе пошло по пути исторіи—къ свободѣ.

Правительство Николая ничего не могло сдѣлать, ибо дѣйствовало изолированно. Правительство Александра II коснулось земли, народа, обратилось къ общественной мысли, прибѣгло къ открытому и свободному, поскольку могло, содѣйствию. И лишь только коснулось народа—оно получило новую мощь, которой не доставало предшествующимъ правительствамъ, столь долго безпомощно стоявшимъ передъ той же задачей.

Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ—возникаетъ мысль о необходимости введенія земскихъ учреждений. „Команда“ Николая I оказалась уже не въ силахъ справиться съ создавшимся положеніемъ. Все было стянуто къ одному центру, всѣ отрасли госуд., общественной и духовной жизни были подчинены бюрократіи; по характеристикѣ М. Н. Каткова „всюду была бюрократія и только бюрократія. Была ли въ Россіи наука? Науки не было — была бюрократія. Право собственности? Его не было—была бюрократія. Законъ и Судъ? Суда не было—была бюрократія. Администрація? Ее не было—было организованное превышеніе власти“ .. Представители общества не были допущены къ обсужденію земской реформы. Лишь при разсмотрѣніи проекта зем. положенія въ Гос. Сов. могли присутствовать Петерб. и Москов. предводители дворянства и городской голова. Однако, ихъ замѣчанія не были приняты во вниманіе.

1-го января 1864 года земское положеніе было утверждено. Земству было предоставлено право завѣдывать только хозяйств. дѣлами. Во всѣ друтія дѣла мѣстной жизни ему было запрещено вмѣшиваться. Но трудно опредѣлить границы хозяйства и администрат. дѣлъ—здѣсь причина постоянныхъ столкновеній земства съ бюрократіей. Особенно рѣзкія стычки происходили на почвѣ народнаго образованія. Учебное вѣдомство, какъ всегда, упорно не хотѣло признавать за земствомъ права на устройство школъ. Рѣзкія столкновенія про-

исходили и въ вопросѣ о средствахъ. Съ самаго открытія земствъ начинается ихъ борьба съ бюрократіей. Несмотря на то, что въ земскихъ собраніяхъ дворяне оказались въ большинствѣ и за ними стояла группа купцовъ и богатыхъ торговцевъ, а крестьянъ было немного и положеніе ихъ ухудшилось тѣмъ, что гласные не получали жалованья, однако, печать и общество сочувственно привѣтствовали реформу, видя въ ней разрывъ съ прошлымъ. Съ первыхъ шаговъ земство показало всю важность участія, хотя и просѣяннаго, общества въ мѣстныхъ дѣлахъ.

Земствомъ всюду стали открываться школы, больницы. Земство оказываетъ поддержку крестьянамъ. Оно улучшаетъ пути сообщенія: строить дороги, мосты и т. д. И сознательно и бессознательно земск. дѣятельность направляетъ свою энергію на развитіе самосознанія народа. Въ земствѣ же рождается первая оппозиція правительству. Тамъ же была самая лучшая почва и для конституціонныхъ плановъ. Если же такъ несовершенны были земскія учрежденія и въ то же время они послужили школой политическаго воспитанія народа, то „это доказываетъ,—говоритъ Джаншіевъ,—какъ живительна и плодотворна идея самоуправленія, даже въ самомъ неудовлетворительномъ выраженіи ея. Несмотря на всѣ зигзаги русскаго прогресса, немертвящей бюрократической рутинѣ преодолѣть эту великую, зиждительную и животворящую силу“.

Итакъ, земство ускорило побѣдоносное выступленіе на сцену русской исторіи новой силы—народа. Значительно позже земства (16 іюня 1870 г.) было введено городовое положеніе. Въ основу его было положено признаніе голоса только за лицами, обладающими какимъ-нибудь имуществомъ или уплачивающимъ городскіе налоги. Къ управленію городовъ были признаны домовладѣльцы, купцы и промышленники. Изъ образованныхъ клас-

совъ могли участвовать только лица, платящія квартирные налоги. Въ особое положеніе поставленъ городской голова: черезъ него правительство можетъ давать угодное ему направленіе городской политикѣ...

Непосредственнымъ слѣдствіемъ освобожденія крестьянъ была также судебная реформа. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ крѣпостного права преобразовалась и юстиція—необходимо было развить новую сѣть судебныхъ установленій и сдѣлать ее доступной для широкихъ массъ освобождающагося народа. Прежній судъ былъ чисто классовымъ, гдѣ помѣщикъ имѣлъ громадную власть.

Онъ самъ могъ наказывать своихъ крестьянъ безконтрольными домашними мѣрами, могъ отсылать ихъ въ смирительные и рабочіе дома, могъ передавать въ распоряженіе губернскаго управленія, которое, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, моглосылать крестьянъ въ Сибирь...

Теперь же прежняя крѣпостная масса получаетъ права гражданскаго и во многихъ случаяхъ имѣетъ передъ закономъ одинаковое положеніе со своими бывшими владѣльцами.

И вотъ является настоятельная необходимость, чтобы придать судамъ извѣстную независимость и самостоятельность, такъ какъ прежняя организація отжила свое время. Кромѣ сословности, были еще слѣдующіе недостатки прежняго судопроизводства: полное смѣшеніе административной власти съ судебной, масса инстанцій, различ. организаціи судовъ въ зависимости отъ сословій, къ которому принадлежали подсудимые и преобладаніе канцелярій. По идеѣ судъ задавался тремя несовмѣстимыми задачами: преслѣдованіемъ виновныхъ, защитой ихъ и правильнымъ рѣшеніемъ дѣлъ.

Способъ производства былъ тайный; вопросы давались по запискамъ, приготовленнымъ канцеляріей. Подсудимый рѣдко вызывался. При подобной организаціи едва ли можно было добиться

правды... Поэтому въ судахъ была обычна медленность, неправосудіе и взяточничество. Организация и порядокъ дореформеннаго суда изложены были въ 2 частяхъ 15 тома Свода Законовъ, изд. 1832 г., дополнен. въ 1842 г. и 1857 г. и частью въ другихъ томахъ Свода.

Недаромъ народъ звалъ судъ „паутиной“, черезъ которую „шмель проскакиваетъ, а муха вязнетъ“. Да и самые судьи были большею частью люди малограмотные: нерѣдко поэтому встрѣчались курьезныя заглавія дѣлъ, лишенныхъ всякаго здраваго смысла, напр., „Дѣло о найденныхъ въ лѣсу костяхъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, повидимому, солдатскихъ, по причинѣ найденной между ними солдатской пуговицы“. „Дѣло о потерѣ неизвѣстно куда дома волостнаго правленія и объ изгрызеніи плана онаго мышами“. „Объ угрозахъ дворянина такого-то учинить надъ собою рѣзбу“; „Объ учиненіи мѣщанскому старостѣ калаками буйства на лицѣ“; „Дѣло о перечисленіи крестьянина мальчика Василя въ женскій полъ“... Можно было встрѣтить и такія математическія соображенія въ дѣлахъ „утопшихъ—2, причины утопленія неизвѣстны—2, итого 4“; или въ другомъ родѣ: „мѣщанинъ такой-то, разстроивъ горячительными напитками свой умъ, повѣсился“...

Попытки исправить судъ были и раньше, но вслѣдствіе сословнаго начала въ судѣ, конечно, не могли быть осуществлены вплоть до паденія крѣпостнаго права.

Еще при Петрѣ I и Екатеринѣ II были сдѣланы частныя улучшенія, но они не исправили дѣла. При Николаѣ былъ даже образованъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея. Затѣмъ эта работа велась во 2 отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи подъ предсѣдательствомъ графа Блудова. Но, конечно, бюрократія ровно ничего не сдѣлала. Александръ II въ манифестѣ 19 марта 1858 г. высказываетъ опредѣленное тре-

бованіе, чтобы „правда и милость царствовали въ судахъ“. Когда состоялось освобожденіе крестьянъ, была подготовлена и земская реформа, тогда приступили и къ судебной. Высочайше было повелѣно составить основныя положенія для преобразованія суда въ Россіи. Работа была поручена госуд. канцеляріи подѣ предсѣдательствомъ В. П. Буткова.

Выработанныя положенія госуд. канцелярія опубликовала и обратилась съ просьбой прислать свои замѣчанія къ судебн. и администр. дѣятелямъ, профессорамъ университета и вообще къ интересующимся судебной реформой. Было принято до 500 замѣчаній—нѣкоторые отъ зап.-европ. профессоровъ.

Затѣмъ приступили къ выработкѣ закона. Въ началѣ 1864 г., послѣ разсмотрѣнія въ Мин. Юст., въ Гос. Совѣтѣ проектъ былъ утвержденъ Государемъ. Новый судъ, по мысли его редакторовъ, долженъ былъ явиться гарантіей отъ произвола. „„Никто, говорится въ 1 ст. У. У. С., не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава“. (Однако, всѣ крестьяне, т. е. большинство населенія Россіи, судятся по большинству проступковъ въ волостныхъ судахъ не по сему уставу). Никто не можетъ быть задержанъ подѣ стражею, какъ въ случаяхъ, законами опредѣленными. Сословный судъ исчезаетъ (теоретически),—создается для всѣхъ одинъ судъ. Судебная дѣятельность стала доступна обсужденію въ прессѣ. Къ отправленію правосудія привлекаются лица изъ „общества“ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей. Новый судъ привлекаетъ къ себѣ образованныхъ юристовъ. Явилось сословіе адвокатовъ.

Но реформа не была проведена сразу и лишь въ 1897 г. была распространена на Сибирь. Вскорѣ послѣ изданія положенія о судѣ началось ихъ из-

мѣненіе и искаженіе... Въ общемъ нужно сказать, что изъ всѣхъ реформъ Александра II судебную, какъ по замыслу, такъ и по исполненію, нельзя не признать самой удачной. Этимъ она обязана широкой гласности, допущенной при ея обсужденіи и горячему сочувствію общества. Въ жизнь были проведены нѣкоторыя начала, выработанныя теоріей права: независимость суда, гласность и устность процесса и участіе общественнаго элемента въ видѣ присяжныхъ засѣдателей. Но скоро бюрократія стала налагать свою тяжелую руку на только что народившіяся судебныя установленія и результатъ ея дѣятельности выразился въ современномъ состояніи суда...

Итакъ, понемногу спадали звенья, связывающія выступленіе новой силы—народа. Этими реформами и заканчивается первая половина—лучшая—царствованія Царя-Освободителя.

Подводя итоги этой половины, мы должны сказать, что послѣ Крымской кампаніи, разбудившей Россію и заставившей правительство заняться дѣломъ обновленія, между обществомъ и Александромъ существовало тѣсное согласіе. Освобожденіе крестьянъ коснулось существенныхъ интересовъ всѣхъ группъ общества—отсюда, какъ слѣдствіе, въ обществѣ явились различныя общественныя направленія, отражающія сознаніе тѣхъ или другихъ классовыхъ интересовъ. Дворянство, лишившись крѣпостнаго права, не захотѣло быть рабомъ правительства и сносить самовластіе. Защитники народа выдвигали не только освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но обезпеченіе ихъ отъ эксплуатаціи высшихъ классовъ.

Отсюда направленіе „Современника“. По существу это направленіе было вполнѣ консервативнымъ, но такъ какъ оно въ конечномъ счетѣ требовало измѣненія государственнаго строя, то должно было встать въ оппозицію. Александръ не довѣрялъ ни одному направленію, онъ всталъ послѣ

ряда колебаній на сторону старыхъ бюрократическихъ мѣръ. И то и другое направленіе быстро пріобрѣтаетъ характерную оппозицію правительству. Первое проявляетъ свою оппозицію въ видѣ заявленій и адресовъ. Второе направленіе пока не выходило изъ сферы радикальной критики и выражалось въ „Современникѣ“. Независимо отъ этого явилось направленіе славянофильское.

Народъ же, какъ таковой, активно себя не проявлялъ, но это не значитъ, что онъ былъ инертенъ. Въ глубинѣ народной души шло броженіе; народъ пока безмолвствовалъ, но съ его глазъ постепенно спускалась пелена и, наконецъ, онъ самъ рѣшилъ взять дѣло освобожденія въ свои руки... Мы вкратцѣ опишемъ сначала важные моменты движенія верхняго слоя Россіи.

Вторая половина царствованія Александра II ознаменовалась реакціей. Были поданы, правда, нѣкоторые проекты и адреса съ просьбою „увѣнчать зданіе“, правительство по инерціи занималось частичными преобразованиями, но серьезно, въ смыслѣ освобожденія, не было ничего сдѣлано. Прежде всего правительственная реакція выразилась въ удаленіи тѣхъ лицъ, которыя возбудили ненависть дворянства, какъ Милютинъ. Программа же тогдашняго главы правительства Валуева заключалась въ томъ, чтобы, по возможности, успокоить и убогатворить помѣщиковъ, обуздывая крестьянъ при малѣйшихъ признакахъ неповиновенія. За одно съ крестьянами обуздывались и ихъ защитники—мировые посредники перваго призыва. Но въ средѣ крестьянства было глухое недовольство, ибо крестьяне, терпѣливо ожидавшіе волпо, были сильно разочарованы. Отсюда бунты—специфически русскіе, часто „на колѣняхъ“, отсюда легенды о „золотой грамотѣ“, скрытой „боярами“ и опять бунты.

Правительство отвѣтило репрессіями. Но ненормальность создавагося положенія и желаніе

найти и изъ него выходъ, заставило лучшія элементы русскаго дворянства, правда, немногочисленные, обратиться къ правительству съ извѣстными требованіями. Тверское дворянство выяснило и формулировало необходимость слѣдующей реформы: 1) преобразовать систему финансоваго управленія въ томъ смыслѣ, чтобы она зависѣла отъ народа, а не отъ произвола; 2) учредить независимый и гласный судъ; 3) ввести полную гласность во все отрасли управленія, безъ чего не можетъ быть никакого довѣрія правительству. „Но, предполагая даже полную готовность правительства провести реформы, дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ самаго народа, а иначе будутъ только одною мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе. Посему дворянство не обращается къ правительству съ просьбою о совершеніи этихъ реформъ, а, признавая его несостоятельнымъ въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который должно вступить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть *собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій*“.

Соотвѣтственно съ этимъ былъ редактированъ и адресъ Александру II. Въ немъ говорилось, что „все преобразованія останутся безуспѣшными потому, что предпринимаются безъ спроса и безъ вѣдома народа“... *„Собраніе выборныхъ отъ всей земли* русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля“.

Но этотъ адресъ былъ желаніемъ лучшей части дворянства, дворянство другихъ губерній прямо его не поддерживало.

Однако, конституціонное движеніе получило сильное распространеніе и усердно пропагандировалось. По рукамъ ходило много проектовъ и адресовъ, подпольныхъ листковъ, какъ „Великоруссь“; „Земля и Воля“ и т. д.

Очень скоро конституціонное движеніе изъ тѣснаго круга дворянства вылилось въ интеллигентное русло и охватило все мыслящее русское общество.

Другіе классы общества, не имѣя своихъ собственныхъ органовъ, не могли представить правительству свои требованія, но это способствовало еще большому недовольству. Это общественное настроеніе разночинной интеллигенціи всего рельефнѣе выразилось въ университетскихъ волненіяхъ. Университетъ, по выраженію Пирогова, какъ бурный барометръ, показалъ настроеніе общества. Борьба за свободу въ Россіи обострялась все болѣе и болѣе. Изъ нѣсколькихъ процессовъ: „Ста девяноста трехъ“, „Пятидесяти“, „Далгушинцевъ“ и др. выяснилось, что молодежь пошла въ народъ, на фабрики и заводы. Многіе изъ молодежи жили среди крестьянъ и рабочихъ, учили ихъ грамотѣ, оказывали услуги и вели агитацію. Жестоко расправлялось съ ними правительство. Обычнымъ явленіемъ стало—за пропаганду приговоры на 6—12 лѣтъ каторжныхъ работъ въ рудники. Даже оправданныхъ судомъ отправляли въ отдаленныя сибирскіе и русскіе поселки. Каторжные тюрьмы и „централки“ заставляли прибѣгать заключенныхъ къ „голоднымъ бунтамъ“. Свѣдѣнія объ ужасахъ проникли въ русскую молодежь. Возмущеніе стало всеобщимъ... „Александръ II отвѣтилъ на это новое движеніе осаднымъ положеніемъ. Россія была раздѣлена на нѣсколько округовъ со всесильными генераль-губернаторами“. Въ два года повѣсили 23 чел., сообщаетъ Кропоткинъ, въ томъ числѣ 19 лѣтъ Розовскаго, захваченнаго при наклеиваніи прокламацій на желѣзнодорож. вокзалѣ

Репрессіи всегда вызываютъ сопротивленіе. Возникъ терроръ.

Но личность императора до 1879 г. оставалось неприкосновенной. Александръ былъ освободителемъ и достаточно хотя бы проявленія малѣйшаго намѣренія правительства идти навстрѣчу новымъ потребностямъ общества, и любовь подданныхъ была бы неизмѣримо лучшей защитой императора чѣмъ полчище жандармовъ и сыщиковъ.

Наконецъ, исполнительный комитетъ объявилъ смертельную борьбу. Соловьевъ стрѣляетъ въ Александра, который сохранилъ мужество, побѣжалъ къ ближайшему подъѣзду не по прямой линіи, а зигзагами и остался невредимъ... Послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, Александръ II облачаетъ Лориса-Меликова диктаторскими полномочіями, и, такъ какъ, послѣдній считался либераломъ, то въ обществѣ прошелъ слухъ, что скоро созовутъ „Земскій Соборъ“. Но такъ какъ, повидимому, все поуспокоилось и новыхъ покушеній не было—правительство успокоилось... Внезапные припадки тоски, во время которыхъ Александръ II упрекалъ себя за то, что его царствованіе приняло реакціонный характеръ, теперь стали выражаться сильнымъ пароксизмомъ слезъ. Въ иные дни онъ принимался плакать такъ, что приводилъ Лорисъ-Меликова въ отчаяніе. Въ такіе дни онъ спрашивалъ министра: „Когда будетъ готовъ твой проектъ конституціи?“ Но если два-три дня позже Меликовъ докладывалъ, что органическій статутъ готовъ, царь дѣлалъ видъ, что рѣшительно ничего не помнитъ. „Развѣ я тебѣ говорилъ объ этомъ,—спрашивалъ онъ,—къ чему? предоставимъ это лучше моему преемнику. Это будетъ его даръ Россіи“.

Наконецъ, по указу 12 февраля 1880 г. была созвана верховная распорядительная комиссія по сохраненію государственнаго порядка и обще-

ственного спокойствія подъ предсѣдательствомъ графа Лорисъ-Меликова.

Вмѣсто отдѣльныхъ диктатуръ была введена диктатура объединенная, дѣйствующая одновременно на всемъ пространствѣ имперіи. Дѣятельность Лорисъ-Меликова была направлена къ сближенію и примиренію общества съ правительствомъ.

Несмотря на все разочарованія, неизбѣжныя при всякихъ крупныхъ перемѣнахъ, время Александра, его дѣятельность оставили неизгладимый слѣдъ въ новѣйшей исторіи Россіи. Сердца потомковъ его подданныхъ съ благоговѣніемъ чтутъ его память—не даромъ больше всего памятниковъ по русскимъ городамъ Царю-Освободителю.

Въ его время—все, что медленно и незамѣтно зрѣло въ глубинахъ жизни, что ждало момента вырваться наружу—то подземное теченіе, которое искало выходъ, все это вырвалось, снося старое и ветхое, разрывая цѣпи, кандалы народа. Пало рабство крѣпостное, раскрѣпоцалась постепенно вся жизнь, перестраивались все отношенія какъ въ обществѣ и семьѣ, такъ и въ частной жизни. Выступили новые коренные вопросы обновленія, а мысль широкихъ слоевъ, выбившаяся изъ узкой классово-дворянской среды, захваченная громадными задачами, стоявшими передъ нею, работала съ напряженностью. Подготовленный при Александрѣ II проектъ завершенія зданія оказался на границѣ между старымъ и новымъ.

Мы остановимся на немъ бѣгло. 5 февраля произошелъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ. Черезъ недѣлю указомъ 12 февраля Россія была отдана во власть полицейской диктатуры въ образѣ верховной распорядительной комиссіи подъ предсѣдательствомъ гр. Лорисъ-Меликова. Послѣднему, въ сущности, была предоставлена „вся полнота власти“. Его распоряженія должны быть безусловно исполняемы всемъ и каждымъ и могутъ быть отмѣнены лишь имъ самимъ или же особымъ ука-

зомъ государя. Недаромъ, завидующій ему, Валуевъ, окрестилъ его „Михайломъ I“. Черезъ недѣлю, по учрежденіи комиссіи, на Лорисъ-Меликова было произведено неудачное покушеніе. Схваченный покушавшійся въ 24 часа былъ приговоренъ къ казни. Къ военнымъ судамъ общество ужъ привыкло, но военно-полевой судъ былъ еще новинкой, преподнесенной Лорисъ-Меликовымъ.

Какъ умный человѣкъ, головой выше стоящій надъ другими администраторами, диктаторъ понималъ, что за правительство стояли лишь двѣ организованныя силы: полиція и армія. Но онъ также понималъ, что на штыкахъ долго сидѣть нельзя. Отсюда заигрыванія съ обществомъ. Въ своемъ обращеніи къ жителямъ Петербурга онъ заявляетъ, что „на поддержку общества смотрю, какъ на главную силу, могущую способствовать возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва которой наиболѣе страдаютъ интересы общества“.

Этимъ же заигрываніемъ объясняется удаленіе и такого человѣка, какъ Толстой. Но онъ имѣлъ смѣлость и честность большую для министра, указать импер. Александру II на необходимость закончить и согласовать между собою великія преобразованія его царствованія, поднявъ тѣмъ самымъ вопросъ объ увѣнчаніи зданія, который столько разъ былъ возбуждаемъ земскими ходатайствами.

Однако, онъ указывалъ, что, по его глубокому убѣжденію, „для Россіи невозможна никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада“. Формы эти, по его мнѣнію, не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать всѣ основанія политическихъ воззрѣній и внести въ нихъ смуту, послѣдствія коей трудно было бы и предвидѣть. Равнымъ образомъ, Лорисъ-Меликову представляется далеко не своевременнымъ и высказываемое нѣкото-

рыми приверженцами старины предположеніе о пользѣ введенія у насъ старыхъ формъ государственнаго устройства—Земской Думы или Земскаго Собора. Въмѣсто этого Лорисъ-Меликовъ предлагалъ остановиться на учрежденіи временныхъ подготовительныхъ комиссій въ Петербургѣ на подобиѣ организованныхъ въ 1859 г. редакціонныхъ комиссій съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій были подвергаемы разсмотрѣнію съ участіемъ лицъ, взятыхъ изъ среды земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ. Такимъ образомъ, по его предположенію, реформы должны подготавливаться бюрократическимъ путемъ, а затѣмъ выработанныя предположенія предъявлялись бы на судъ земскихъ депутатовъ, приглашаемыхъ изъ числа выборныхъ земскихъ людей подобно тому, какъ проекты редакціонныхъ комиссій предложены были въ 1859 г. на разсмотрѣніе депутатовъ дворянскаго собранія. Часть членовъ комиссіи должна быть выбрана земскими собраніями, другая часть назначена императоромъ изъ числа лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ комиссій, а третья часть должна быть назначена особымъ порядкомъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ не было земства.

Въ этомъ и заключалось сущность конституціи Л. М. Дѣйствительно, на Западѣ не бывало ничего подобнаго. Но несомнѣнно то, что такая „конституція“ не принесла бы съ собой умиротворенія.

Перваго марта былъ убитъ императоръ. Казалось, что общество притихло и дожидалось. И... вдругъ. Первое марта показало, какъ обманчива была тишина, созданная „диктатурой сердца“.

Впечатлѣніе было колоссальное. Подготовить въ самой столицѣ, на глазахъ лучшей полиціи имперіи сложное покушеніе въ центрѣ города... Очевидно, въ обществѣ не было должной „вѣрно-поданнической готовности,“ иначе такое сложное покушеніе неминуемо было бы открыто. Планъ

же Лорисъ-Меликова держался на иллюзіи вѣрно-подданическихъ чувствъ, поэтому первое марта убило этотъ планъ.

Чиновничьи враги и завистники Л.-М., движимые главнымъ образомъ, личнымъ честолюбіемъ, спѣшили воспользоваться случаемъ, чтобы дискредитировать его въ глазахъ государя. Побѣдоносцевъ и Строгановъ, играя на томъ, къ чему Александръ III былъ особенно чувствителенъ, произнесли горячія рѣчи, доказывая при этомъ, что его проектъ есть измѣна самодержавію. Къ нимъ примкнули нѣкоторые изъ бывшихъ министровъ Александра II, въ особенности Маковъ. Но большинство ихъ осталось на сторонѣ своего фактическаго премьера и высказалось за созывъ комиссій. Александръ III сочувствовалъ меньшинству. И вотъ впервые въ исторіи русской исполнительной власти явилось нѣчто въ родѣ министерской солидарности. Крушеніе конституціонныхъ плановъ ознаменовалось своего рода „министерскимъ кризисомъ“—въ маѣ 1891 г. подалъ въ отставку гр. Л.-М., а немного погодя ушелъ Милютинъ.

Изъ оппонентовъ Строганову и Побѣдоносцеву остался до 1885 г. лишь одинъ Набаковъ.

Царствованіе Александра III, подобно царствованію Николая I, было опять-таки тѣмъ шагомъ назадъ, который правительство старалось сдѣлать послѣ шаговъ реформаціоннаго движенія. Въ русской исторіи всегда было замѣтно, что послѣ либеральнаго царствованія, реформаторской эпохи сейчасъ же слѣдовало нѣкоторое пугливое толченіе на мѣстѣ.

Однако двинутая народная мысль работала въ глубинѣ и подготовляла событія послѣдняго времени.. Въ манифестѣ 29 апрѣля намѣчалось въ общихъ чертахъ правительственная программа и основной ея мотивъ. „Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать на защиту силы и истины самодержавной власти, которую мы призваны утверждать

и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній“. Всѣ вѣрнопопуданные призы- вались служить вѣроу и правдоу государю и го- сударству, искоренять крамолу, утверждать вѣру и нравственность и т. д.

Но правительство понимало быть можетъ, что нельзя поворотить колеса исторіи или по инер- ціи унаслѣдовало отъ „эпохи вѣяній“ 1881 г. нѣкоторыя мысли.

Вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ Игнатъевъ въ своемъ циркулярѣ обѣщаль „принять безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые бы обезпечивали успѣхъ живому участию мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія Высочайшихъ предначертаній“. На практикѣ—въ первый годъ царствованія это выразилось въ призывѣ „свѣдущихъ людей“ въ комиссіи по выработкѣ законопроектонъ по отдѣль- нымъ вопросамъ государственнаго хозяйства. Въ обществѣ наступаетъ замѣтно „внѣшнее успо- коеніе“. Революціонное движеніе не нашло отклика въ массахъ, не подготовленныхъ къ активнымъ выступленіямъ и съ большимъ недоувѣріемъ прислушивающимся къ его призывамъ. Движеніе это какъ бы за- мерло. Прежняя тактика терроризованія вла- сти не внушало болѣе вѣры. Народовольческая организація уже въ 1884 г. была разгромлена. Либеральная же оппозиція никогда не казалась особенно грозной и всѣ ея проявленія въ земскихъ адресахъ, мнѣніяхъ городскихъ думъ-легко пода- влялись. Однако, власть боялся обманчивой тишины, трепетала передъ грозными признаками народна- го волненія, какъ будто бы инстинктивно пред- чувствовала событія 1905—8 г.г. и уже въ мини- стрство гр. Игнатъевъ 4 сентября 1881 г. было обнародовано и доннынъ повсемѣстно дѣйствующее знаменитое положеніе „объ усиленной и чрезвы- чайной охранѣ“.

Съ этого момента исключительныя положенія, возобновляемыя регулярно на каждый новый годичный срокъ, прочно вошли въ административный обиходъ и только по имени остались временными, на дѣлѣ же все больше и больше вытѣсняли и заслоняли собою нормальный порядокъ управленія.

Правительство искало себѣ опоры въ обществѣ, но не находило. Оно чувствовало все болѣе и болѣе возвращающееся недовольство народа. Единственную прочную опору порядка видѣли въ дворянствѣ и на всемъ протяженіи этой эпохи красной нитью проходитъ стремленіе поддержать экономическое положеніе и социальное преобладаніе земледѣльческаго класса—помѣщичьяго дворянства, уже раставшагося съ прежними конституціонными увлеченіями.

Во время коронаціонныхъ торжествъ 1883 года волостнымъ старшинамъ было преподано указаніе не вѣрить недоброжелательнымъ слухамъ „слушаться своихъ предводителей дворянства“.

Но дворянство, оскудѣвшее экономически и умственно, заложившее и перезаложившее свои земли, могло быть лишь видимостью силы и свое значеніе поддерживало лишь подачками правительства. Сословіе, какъ самодовлѣющая единица умирало. Низы народа и разночинцы его заѣдали, и постепенно рушился дворянскій барьеръ между правительствомъ и народомъ.. Наступало другое время. Грандіозная историческая панорама развертывалась въ жизни Россіи. На жизненную сцену страны выходилъ самый широкій классъ, вѣрнѣе кругъ членовъ государства изъ простого народа въ лицѣ крестьянства, рабочихъ, городской демократіи и низовъ купечества. Интересы ихъ различались въ деталяхъ но, по существу,— въ политическомъ отношеніи были одни. Россіи прежде всего нужна свобода и правильное, не угнетающее государственное устройство. Это уже со-

знавалось низами и близился день ихъ активнаго выступленія. Это интересное время царствованія имп. Николая II еще ждетъ своего историка.

Мы не считаемъ возможнымъ подробно описывать этапы народнаго выступленія.

И, заканчивая это очерки, оглянемся лишь на послѣднее десятилѣтіе въ нашей исторіи.

Въ эпоху царствованія Александра III и въ царствованіе Николая II, какъ уже говори- рилось, въ гущѣ народной жизни происхо- дить процессъ развитія народнаго само- сознанія и намъ удается жить въ тѣ дни, когда сѣмена, посѣянные 19 февраля, начали всходить, когда народъ настолько прозрѣлъ, что активно и энергично заявилъ желаніе принять участіе въ дѣлахъ своей родины. Недавняя смута и забастовки произвели полный переворотъ въ умахъ народа. По силѣ развитія народнаго само- сознанія, быть можетъ, лишь одна эпоха—эпоха смутнаго времени — способна встать въ уровень съ послѣднимъ десятилѣтіемъ. Государственный организмъ весь сотрясся сверху до низу и это сотрясеніе, не раз- рушивъ, по внѣшности, старыхъ порядковъ, про- вело глубокую борозду въ сознаніи народа и сдѣ- лало на будущее время невозможнымъ покорное и некритическое примиреніе народной мысли съ прешествовавшимъ строемъ. Какъ „смута“ оста- вила глубокіе слѣды во всемъ строѣ жизни Мо- сковскаго государства, произведя глубокой пере- воротъ психологіи народа, такъ и смута XX вѣка точно такой же переломъ произвела въ полити- ческомъ самосознаніи массъ.

И хотя мы были свидѣтелями эксцессовъ реак- ции, но предыдущая исторія учитъ насъ тому, что реакція послѣднихъ дней не можетъ долго суще- ствовать. Исторія показываетъ намъ, что руко- водители нашей внутренней политики, обостряя эксцессы реакціи и полагая, что они „разверты-

ваютъ всю полноту власти“—на самомъ дѣлѣ лишь исчерпываютъ самихъ себя и тѣмъ самымъ приближаютъ моментъ новаго поворота въ ходѣ нашего политическаго развитія...

Началось послѣднее десятилѣтїе при какой-то зловѣщей тишинѣ. Въ правительственныхъ сферахъ господствовала увѣренность, что все обстоитъ и будетъ обстоять благополучно. Но въ обществѣ и въ народѣ постепенно росшее во все предшествовавшее царствованіе неудовольствіе проявилось съ небывалой силой.

На сцену выступалъ сѣрый народъ—явленіе невиданное и не слыханное. Уже въ 1901 году безпорядка приняли небывалые прежде формы и размѣры. Въ отвѣтъ на невниманіе къ нуждамъ крестьянства были массовыя явленія въ 1901 году въ губерніяхъ Харьковской и Полтавской. Уступки правительства не шли далѣе образованія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ и неопредѣленныхъ обѣщаній манифеста 26 февраля 1903 года. Темпъ движенія народнаго ускорялся военными неудачами, восходящая линія котораго знаменуется днями 6 ноября, 12 декабря 1904 года, 18 февраля, 6 іюля, 6 августа и 17 октября 1905 года. Кульминаціоннымъ его пунктомъ была дѣятельность первой Государственной Думы. Однако, приближаясь фактически къ своему концу, старый режимъ вѣрилъ въ свою твердость, въ свою фактическую непогрѣшимость. Не допускалось даже и мысли о томъ, чтобы Россія могла вступить на путь, проходимый ея западно-европейскими сосѣдями. А безстрастная исторія показала, что на этотъ путь вступила не только Россія, но и страны, считавшіяся болѣе остальными—Турція и Персія, Португалія и Испанія, а теперь стала республикой и „недвижимый Китай“...

Предметомъ желаній власти было полнѣйшее единообразіе взглядовъ, диктуемыхъ сверху и покорно воспринимаемыхъ снизу, а съ „непреодо-

лимой силой вещей“ боролись иностранными займами, арміей и полиціей. Невозможно даже представить себѣ, съ точки зрѣнія здраваго смысла, на сколько увеличались обязанности послѣдней.

По мнѣнію американскаго писателя Кенана, русское правительство, стремясь захватить все и не уступить ничего частной инициативѣ, признавало гражданъ неспособными не только вести дѣла своей страны, но и свои собственныя. Русскаго человѣка нельзя предоставить самому себѣ съ момента его рожденія и до самой могилы. Перечисляя подробно безграничныя функціи полиціи по отношенію къ русскому обывателю, онъ приходитъ къ заключенію, что „нельзя ни жить, ни передвигаться, ни дышать безъ разрѣшенія бюрократіи“ и что русская полиція „въ концѣ-концовъ является чѣмъ-то вродѣ бюрократическаго замѣстителя Божественнаго Провидѣнія“.

Руководствуясь донесеніемъ своей главной организованной силы—полиціи, правительство предполагало, что оно можетъ все предусмотрѣть и все знать, что мнѣнія разнообразныхъ круговъ народа ему извѣстны, а до правильно организованныхъ партій, съ какими можно считаться, Россія не дорастетъ, ибо ихъ „не допустить русскій народъ“. Однако, правительство проглядѣло осложненіе общественнаго мнѣнія и дифференціацію его по партіямъ, которыя множились и укрѣплялись. А когда пала завѣса, за которой происходилъ этотъ процессъ, то оказалось, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ длинную исторію и прочную организацію. Къ удивленію правительства дальше всего въ этомъ отношеніи ушли крайнія партіи, подвергавшіяся наиболѣе бдительному надзору вездѣсущей и всемогущей полиціи

.....
.....

Уже задолго до русской революціи XX столѣтія старый порядокъ не пользовался обаяніемъ. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ—съ 60 годовъ XIX столѣтія идетъ непрерывная борьба всякаго рода общественныхъ движеній противъ устоевъ стараго порядка. Мы видѣли уже, что послѣ „смуты“ въ теченіе трехсотъ лѣтъ не было недостатка ни въ оппозиціонныхъ, ни въ революціонныхъ движеніяхъ въ средѣ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ. Боярство и дворянство, разночинная интеллигенція, крѣпостная масса, а нѣсколько позднѣе и рабочій пролетаріатъ боролись порознь съ самодержавіемъ и бюрократіей. Но лишь впервые въ 1905—6 годахъ разразился такой политическій ураганъ *всенародный*, который сразу охватилъ всѣ слои населенія въ одновременномъ и одинаково сильномъ и сознательномъ порывѣ протеста противъ наличнаго положенія вещей. Впервые послѣ смуты XVI вѣка противъ стараго порядка въ походѣ приняли участіе помимо боевого авангарда каждаго общественнаго класса—рядовая обывательная масса.

Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается существенное различіе событій послѣдняго десятилѣтія отъ всѣхъ движеній XIX столѣтія и движеній предыдущаго времени. Ибо пока волнуются крайніе общественные элементы, а народъ или рядовой обыватель смотритъ пассивно—до тѣхъ поръ нѣтъ революціи, а есть „безпорядки“. Но если народъ и рядовой обыватель бросаетъ свои дѣла и вмѣшивается въ общественную борьбу—съ этого момента настаетъ уже революція. Отдѣльныя выступленія за свободу партій были эффекты, но непосредственные результаты этихъ выступленій были неизмѣримо малы съ затраченной на нихъ энергіей, ибо рядовой обыватель стоялъ въ сторонѣ либо не одобряя происходящаго, либо не понимая того, что происходитъ, либо лишь платонически сочувствуя борцамъ. И потому, какъ не тяж-

ки были удары, наносимые старому порядку,— этот порядокъ гнулся, но не ломался, держась на своемъ корнѣ... Бурей 900 годовъ былъ вырванъ этотъ корень—убѣжденіе обывателя въ непоколебимости стараго порядка. Въ это десятилѣтіе самъ рядовой обыватель дотронулся до стараго режима и, къ своему удивленію, почувствовалъ, что режимъ этотъ поддается подъ нажимомъ его рукъ...

Въ результатъ этого нажима и былъ современный государственный строй Россіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе	Стр. 5— 32.
--------------------	----------------

Характеристика государственнаго строя настоящаго времени. Идеаль правоваго государства. Различныя взгляды на судьбы русскаго народа и государства. Западники. Чаадаевъ. Славянофилы. „Нео-славянофильство“. Теорія народниковъ. Теорія наслѣдователей экономическаго матеріализма. Критика этихъ теорій. Различіе государственнаго строя Россіи и Западной Европы. Географическія и соціально-историческія причины различія. Процессъ развитія Россіи и Западной Европы. Раса. Греко-римская цивилизація. Христіанство. Зачатки феодализма въ Россіи. Зачатки борьбы церкви съ государствомъ. Борьба Новгородской Республики съ Московскими князьями. Болѣе позднее наступленіе въ Россіи стадій развитія, пройденныхъ Западной Европой. Упадокъ парламентаризма въ Америкѣ и на Западѣ. Замѣшаніе въ различныя эпохи западныхъ теорій. Самодержавіе. Три періода конституціонныхъ попытокъ въ русской исторіи.

Власть Московскаго Князя. Значеніе боярства. Опричина. Оппозиція боярства. Взгляды на самодержавіе Грознаго. Переписка съ Курбскимъ. „Исторія Великаго Князя Московскаго“. „Валаамская бесѣда“. Избраніе Бориса Годунова. Военно-служилое сословіе. Избраніе Шуйскаго. Боярская „конституція“. „Конституція“ Владислава. Разруха. Избраніе Михаила Феодоровича Романова. Свѣдѣнія объ ограниченіи его власти. Земскіе Соборы. Спеціальныя повинности дворянства. Дворянская гвардія. Заискиваніе правительства у гвардіи. Государственные перевороты. Идея ограниченія самодержавія. Верховный Тайный Совѣтъ. „Конституція Анны Іоанновны“. Характеръ противодѣйствія дворянства. Конституціонные проекты дворянскаго сословія. Демонстрація гвардіи. Паденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Возстановленіе самодержавія.

Крѣпостное право. Невѣжество дворянства. Дворянское самоуправленіе. Екатерининская Комиссія. Новиковъ. Радищевъ. Щербатовъ. „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Судьба первыхъ оппозиціонеровъ. Павелъ I. Переворотъ и смерть Павла. Александръ I. Его юношескій либерализмъ. Реформы. Старые сенаторы. Неофициальный комитетъ. Идеи Сперанскаго. Его планъ. Общественное движеніе. Тайныя общества. „Конституція Н. Му-

III

равьева“. „Русская Правда“ Пестеля. Идеологія декабристовъ. Возстаніе. Энергія Николая I. Пораженіе декабристовъ.

Глава III. Постепенное развитіе народнаго самосознанія. . 127—158.

Политика Николая I. Результаты возстанія декабристовъ. Формулировка правъ Верховной власти по Своду Законовъ. Конспирація власти отъ своихъ органовъ. Крымская война. Крестьянскій вопросъ. Основные факты реформы. Введеніе земскихъ учрежденій. Борьба земства съ бюрократіей. Городовое положеніе. Судебная реформа. Направленіе „Современника“. Вторая половина царствованія Александра II. Реакція. Репрессіи. Адресъ Тверского дворянства. Университетъ. Осадное положеніе. Лорисъ - Меликовъ. Его „конституція“. Паденіе Лорисъ-Меликова и „министерскій кризисъ“. Наслѣдство „эпохи вѣяній 1881 г.“. Оскудѣніе дворянства. Послѣднее десятилѣтіе русской исторіи. Паденіе стараго порядка. Оппозиціонное и революціонное движеніе. Полиція. Партіи. Вовлеченіе въ борьбу рядового обывателя.

